

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет имени Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бабищевич А. Н.	Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета имени Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і найбольшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Center of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrínovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozovyuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodski T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BEARUSIAN HISTORY

УДК 378.662(476)

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ВУЗЫ БЕЛАРУСИ В 1930–1936 гг.

А. Н. КУКСА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220053, г. Минск, Беларусь

Проанализированы основные направления реформирования высшего технического образования СССР в 1930-х гг. Отмечены особенности данного процесса в Беларуси. На основании впервые введенных в научный оборот архивных материалов раскрывается специфика развития высшей технической школы Беларуси на примере Белорусского государственного политехнического института (Минск) и Белорусского государственного механико-машиностроительного института (Гомель). Отмечается, что начальный период перестройки высшей школы в СССР на западноевропейских принципах показал свою несостоятельность. Огромные территории, масштабные проекты индустриализации и коллективизации требовали внимания не узкого специалиста, а инженера, способного решать сложные, комплексные проблемы. Сельскохозяйственное машиностроение уже в 1930 г. начало отказываться от применения западноевропейских образцов техники, так как в условиях создаваемых колхозов и совхозов они были малопродуктивными и неэффективными. Данные обстоятельства содействовали изменению концепции высшего образования, которая в 1932 г. сориентировалась на сохранение университетов, укрупнение вузов и специальностей. Проведенные реформы были закреплены Конституцией СССР 1936 г., что позволило высшей школе приобрести позитивные черты – общедоступность, демократичность и фундаментальность. Ликвидация в 1936 г. Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР и создание Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР означали завершение процесса построения высшей школы в СССР.

Образец цитирования:

Кукса АН. Реформа высшего образования и технические вузы Беларуси в 1930–1936 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:5–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-5-14>

For citation:

Kuksa AN. Reform of higher education and technical universities of Belarus in 1930–1936. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:5–14. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-5-14>

Автор:

Александр Николаевич Кукса – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Alexander N. Kuksa, PhD (history), docent; head of the department of history, faculty of management technologies and humanitarisation.
akuksa@bntu.by
<https://orcid.org/0000-0003-3385-3096>

Ключевые слова: высшая техническая школа; Белорусский государственный политехнический институт; Белорусский государственный механико-машиностроительный институт; строительный институт; энергетический институт; лесотехнический институт; химико-технологический институт.

РЭФОРМА ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ І ТЭХНІЧНЫЯ ВНУ БЕЛАРУСІ Ў 1930–1936 гг.

А. М. КУКСА^{1*}

¹⁾Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, 220053, г. Мінск, Беларусь

Прааналізаваны асноўныя напрамкі рэфармавання вышэйшай тэхнічнай адукацыі СССР у 1930-я гг. Адзначаны асаблівасці дадзенага працэсу ў Беларусі. На падставе ўпершыню ўведзеных у навуковы абарот архіўных матэрыялаў раскрываецца спецыфіка развіцця вышэйшай тэхнічнай школы Беларусі на прыкладзе Беларускага дзяржаўнага політэхнічнага інстытута (Мінск) і Беларускага дзяржаўнага механіка-машынабудаўнічага інстытута (Гомель). Адзначаюцца, што кароткі перыяд перабудовы вышэйшай школы ў СССР на заходнееўрапейскіх прынцыпах паказаў сваю няслушнасць. Вялізныя тэрыторыі, маштабныя праекты індустрыялізацыі і калектывізацыі патрабавалі ўвагі не вузкага спецыяліста, а інжынера, здольнага вырашаць складаныя, комплексныя праблемы. Сельскагаспадарчае машынабудаванне ўжо ў 1930 г. пачало адмаўляцца ад прымянення заходнееўрапейскіх узораў тэхнікі, бо ва ўмовах калгасаў і саўгасаў яны былі малапрадукцыйнымі і неэфектыўнымі. Гэтыя абставіны садзейнічалі змене канцэпцыі вышэйшай адукацыі, якая ў 1932 г. зарыентавалася на захаванне ўніверсітэтаў, узбуйненне вышэйшых навучальных устаноў і спецыяльнасцей. Праведзеныя рэформы былі замацаваны Канстытуцыяй СССР 1936 г., што дазволіла вышэйшай школе набыць пазітыўныя рысы – агульнадаступнасць, дэмакратычнасць і фундаментальнасць. Ліквідацыя ў 1936 г. Усесаюзнага камітэта па вышэйшай тэхнічнай адукацыі пры СНК СССР і стварэнне Усесаюзнага камітэта па справах вышэйшай школы пры СНК СССР азначалі завяршэнне працэсу пабудовы вышэйшай школы ў СССР.

Ключавыя словы: вышэйшая тэхнічная школа; Беларускі дзяржаўны політэхнічны інстытут; Беларускі дзяржаўны механіка-машынабудаўнічы інстытут; будаўнічы інстытут; энергетычны інстытут; лесатэхнічны інстытут; хіміка-тэхналагічны інстытут.

REFORM OF HIGHER EDUCATION AND TECHNICAL UNIVERSITIES OF BELARUS IN 1930–1936

A. N. KUKSA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220053, Belarus

The article presents the results of the analysis of the main directions of the reform of higher technical education of the USSR in the 1930s and their features in Belarus. On the basis of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the specifics of the development of the higher technical school of Belarus are revealed on the example of the Belarusian State Polytechnic Institute (Minsk) and the Belarusian State Mechanical Engineering Institute (Gomel). It is noted that the short period of restructuring of higher education on the principles of Western European approaches soon showed its inconsistency in the USSR. Huge territories, large-scale projects of industrialisation and collectivisation required not a narrow specialist, but an engineer capable of solving complex problems. Agricultural engineering already in 1930 began to abandon the use of Western European models of equipment, which, due to their orientation to the farmer in conditions of the huge size of collective farms and state farms, were unproductive and ineffective. These circumstances contributed to the change in the concept of higher education, which was oriented in 1932 to the consolidation of universities and specialties. The reforms carried out were enshrined in the USSR Constitution of 1936, which allowed the higher school to acquire those features that distinguished it in a favorable light in the world – accessibility, democracy and fundamentality. The liquidation of the All-Union Committee on Higher Technical Education in the same year and the creation of the All-Union Committee on Higher Education meant the completion of the process of building a higher school in the USSR.

Keywords: higher technical school; Belarusian State Polytechnic Institute; Belarusian State Mechanical Engineering Institute; construction institute; power engineering institute; forestry institute; chemical technology institute.

Тема образования в 1930-х гг. привлекает внимание многих исследователей. Большинство из них склонны высоко оценивать достижения советской школы тех лет на фоне мировых событий. Профес-

сор И. В. Волкова пишет о том, что советская школа 1930-х гг. была беспрецедентным явлением, благодаря ей удалось обучить миллионы людей. При этом она давала не только хорошее образование, но

и хорошее воспитание [1]. По мнению И. В. Волковой, с помощью реформ 1930-х гг. СССР удалось к 1936 г. создать оптимальную систему школьного и вузовского образования. То, что сформировался огромный пласт патриотически настроенных, выросших на основах единой государственной идеологии граждан своего Отечества, способствовало укреплению обороноспособности страны в условиях антисоветской системы международных отношений. Ведь именно в то время формировалась ось Берлин – Рим, был заключен антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, состоялся Нюрнбергский съезд Национал-социалистической немецкой рабочей партии, где была озвучена программа завоевания жизненного пространства германской нацией.

Успехам советской системы образования предшествовал ряд проб и ошибок. По мнению М. В. Зелева, период реформирования технического образования в 1928–1929 гг. привел к катастрофическому падению качества подготовки инженеров [2]. Этой же позиции придерживается и А. К. Писанова, которая указывает, что только «с появлением в 1932–1936 годах важных партийных и государственных директивных документов, касающихся высшей школы, удалось выправить ситуацию после допущенных явных ошибок (появление множества слабых “карликовых” вузов, огромного числа узких специальностей, ослабление роли университетов и т. д.)» [3, с. 196]. Повышению качества образования в этот период, на взгляд А. С. Донченко и Т. Н. Самоловой, способствовало возвращение многих традиционных методов обучения и форм жизнедеятельности высшей школы [4]. И. П. Костенко, который задался вопросом о причинах катастрофического падения знаний по математике в 1920-х гг., пришел к выводу о том, что в ходе реформ 1930-х гг. произошла «реставрация, восстановление дореволюционной русской школы» [5, с. 26].

В белорусской историографии тема высшей технической школы затрагивалась вскользь в обобщающих работах. Вопросы же становления суверенной Республики Беларусь, которая должна была решать глобальные задачи по защите собственных интересов, значительно актуализировали изучение проблем, связанных с развитием национальной системы инженерного образования. Сегодня в белорусской историографии исследуются условия зарождения высшей технической школы [6], переосмысливаются итоги реформирования системы образования в 1920–30-х гг. [7] и анализируется эволюция влияния государства на данные процессы.

Наращиваемые темпы индустриализации и коллективизации страны, подгоняемые лозунгом: «Догнать и перегнать передовые капиталистические страны», – требовали наличия большого количества квалифицированных специалистов в области промышленности и сельского хозяйства. Мировой

экономический кризис 1929–1933 гг. создавал предпосылки для успешной реализации данной цели. Резкое падение уровня жизни в США и западноевропейских странах, огромный спрос на продукты питания и низкие цены на технику и технологии открывали двери перед странами с доминирующим аграрным укладом в капитализации собственной индустрии. Приток валюты, на которую закупались импортные техника, станки и технологии, спровоцировал грандиозное по масштабам промышленное строительство в СССР.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. в постановлении о подготовке технических кадров заострил внимание на необходимости немедленного расширения сети вузов нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности. В советских республиках начался процесс повсеместного дробления вузов и специальностей, что нередко заканчивалось реорганизацией или вовсе закрытием университетов. В отличие от общесоюзных тенденций университет в БССР был сохранен. Белорусский государственный политехнический институт (БГПИ) и Горецкая сельскохозяйственная академия были ликвидированы. В июле 1930 г. на их базе открылись десятки узкопрофильных технических и сельскохозяйственных институтов. На базе БГПИ был организован Белорусский государственный механико-машиностроительный институт (БГММИ), а также энергетический, химико-технологический и строительный институты. Однако спешность принятия решений, отсутствие материальной базы, дефицит кадров и подготовленных абитуриентов привели к неудаче образовательной реформы, которая начала реализовываться в Беларуси с 1930 г. В итоге пришлось спешно вносить существенные изменения, направленные на укрепление материальной базы, концентрацию профессорско-преподавательских сил и налаживание учебного процесса, что обусловило новый виток реформы системы образования в 1932 г. и создание Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при СНК СССР (далее – ВКВТО при СНК СССР).

Недовольство реформой высшей школы в 1928–1930 гг. наблюдалось во всех структурах, связанных с ее проведением. Во-первых, большую часть вузов изъяли из ведения комиссариата образования и передали в ведение профильных наркоматов. Последние уже изначально восприняли это как навязывание им чужой работы. Во-вторых, обязанности руководителей высшей школы стали выполнять отделы кадров соответствующих наркоматов, перед которыми поставили задачу с нуля организовать всю систему высшей технической школы: разработать учебные планы и программы, подобрать методическую и учебную литературу, оснастить кабинеты и лаборатории, выделить помещения, организовать практику, осуществлять контроль и нести

за все персональную ответственность. В-третьих, ввиду недостатка кадров наметилось поголовное совмещение. Преподаватели работали в нескольких вузах, наркоматах и предприятиях одновременно. Это спровоцировало огромную перегрузку. Некоторые преподаватели вместо 350–400 ч на ставку выполняли нагрузку в 1500–1800 ч. В-четвертых, произошел стремительный рост сети вузов и техникумов. Если в 1929 г. в БССР было четыре вуза, где остро чувствовался дефицит профессоров, то к концу 1930 г. таких вузов было уже более 20, а в 1932 г. – 26. При этом планировалось расширить образовательную систему до 32 вузов, 37 научно-исследовательских институтов и 130 техникумов. Для обеспечения процесса обучения имелось всего лишь 1156 научных работников, причем большинство из них работали по совместительству.

Из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных инженерных кадров выполнение многих планов индустриализации и пятилетки стояло под вопросом. Повсеместно происходили срывы сроков, участились случаи травматизма и невыполнения поставленных задач. Требовалось срочно перестроить систему и начать работать по-новому. Для коренного изменения сложившейся ситуации И. В. Сталин 23 июня 1931 г. выступил на совещании, организованном ЦК ВКП(б) для представителей Высшего совета народного хозяйства СССР, Народного комитета снабжения СССР и хозяйственных организаций. Речь была опубликована в газете «Правда» 5 июля 1931 г. и известна в народе как шесть условий Сталина. Кроме требований, которые были явно нацелены на оптимизацию и активизацию трудового процесса, выделялись и те, которые были направлены на развитие высшей технической школы, например на создание собственной производственно-технической интеллигенции. За непродолжительное время реформы высшей школы 1930 г. сложилось мнение о ее ошибочности, а также о невозможности в сжатые сроки заполнить пустующую нишу технических кадров. В связи с этим в выступлении И. В. Сталина прозвучало условие о необходимости изменить отношение к инженерам старой школы, вылившееся в призыв смелее привлекать их к работе. В СССР были изданы брошюры и развернуто всесоюзное движение по внедрению требований И. В. Сталина.

Для выполнения задач по переналадке системы управления промышленным комплексом была проведена реорганизация Высшего совета народного хозяйства СССР на ряд местных отраслевых народных комиссариатов. Так, 15 января 1932 г. Высший совет народного хозяйства БССР был реорганизован в Народный комиссариат легкой промышлен-

ности БССР. Под непосредственным ведением комиссариата находились следующие научно-исследовательские и учебные учреждения Беларуси: курсы красных директоров, строительный институт, архитектурно-строительный и химико-технологически-строительный техникумы в Могилёве, текстильный и швейный техникумы в Витебске, спичечный техникум в Борисове, вечерний швейный техникум в Витебске, вечерний рабочий техникум в Минске, вечерний строительный техникум в Могилёве, вечерний спичечный техникум в Борисове, вечерний текстильный техникум в Витебске, рабфак при строительном институте, рабфак при химико-технологическом институте, вечерний рабфак при строительном институте, вечерний рабфак при химико-технологическом институте в Минске и вечерний рабфак при строительном институте в Жлобине. Научно-исследовательский институт промышленности и Белорусский государственный химико-технологический институт находились под непосредственным ведомством Народного комиссариата легкой промышленности БССР.

В январе 1932 г. в Беларуси произошла смена руководства. Политбюро ВКП(б), рассмотрев вопрос о секретаре ЦК КП(б)Б, 23 января 1932 г. приняло решение отозвать К. В. Гея для работы в Москве. На его место первым секретарем ЦК КП(б)Б был рекомендован Н. Ф. Гикало, который освобождался от работы в Московском городском комитете¹. Таким образом, вместо К. В. Гея, активно проводившего реформу высшей школы 1930 г., которая была направлена на узкую специализацию вузов и втузов, первым секретарем ЦК КП(б)Б был назначен Н. Ф. Гикало. В наследие он получил огромное количество нерешенных проблем высшей школы, низкое качество учебного процесса, отсутствие материально-технической базы и т. д. Особенно неудовлетворительное положение отмечалось в перестройке преподавателей обществоведческих дисциплин высших и средних учебных заведений. Исходя из этого, например, секретариат Гомельского горкома КП(б)Б постановил: «...перестроить работу кафедр (вузов) и производственно-методических цикловых комиссий (техникумов, рабфаков, ФЗУ (фабрично-заводских учреждений. – А. К.)) под углом шести условий Сталина, обеспечив обществоведческим дисциплинам ведущую роль во всей работе учебного учреждения»².

В мае 1932 г. на совещании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос о программе низшей, средней и высшей школы и школьном режиме, по которому выступили И. В. Сталин, нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов и начальник сектора отдела кадров Народного комиссариата тяжелой промышлен-

¹Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 864. Л. 5.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5364. Л. 228.

ности СССР (далее – НКТП СССР) И. М. Москвин. Было решено создать комиссию во главе с председателем СНК СССР В. М. Молотовым для проверки программ низшей, средней и высшей школы и школьного режима в месячный срок. С этого времени вопросы реформирования системы образования рассматривались еще 16 и 25 августа 1932 г., причем на последнем совещании были приняты концептуальные решения. На новом этапе реформирования предлагалось отказаться от бригадно-лабораторного метода преподавания, усилить позиции историзма и внедрения материала, раскрывающего успехи социалистического строительства. Для повышения имиджа профессии предлагалось значительно повысить зарплату педагогов, организовать их санаторно-курортное оздоровление и разрешить прием детей учителей в вузы наравне с детьми рабочих. Для обеспечения достойного уровня поступающих в вузы политехническую семилетку предлагалось со временем преобразовать в десятилетку. Витавшее напряжение в системе высшей школы, которая так и не сумела подстроиться под основные направления и задачи реформы 1930 г., что отмечалось и производственниками, получило свое разрешение в сентябре 1932 г. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1932 г. ключевыми мерами реформы высшей технической школы прописывались «комплектование втузов абитуриентами в итоге тщательной проверки знаний, повышение теоретического образования в вузах и укрепление связи с производством, разработка типовых уставов и образование Комитета по высшей технической школе»³.

Постановлением ВКП(б) в сентябре 1932 г. было санкционировано укрупнение вузов и увеличение сроков обучения до пяти лет. О том, что это решение было не спонтанным, а выработанным, в том числе самими вузами, свидетельствует и то, что еще в феврале 1932 г. директор БГММИ С. Г. Лысов на методической комиссии сообщил, что на совещании в Минске было определено, что ни один втуз не вложился в четырехлетний срок. «Нам необходимо добиваться всеми силами утверждения учебных планов, так как мы решили принять имеющийся первый вариант учебного плана с увеличением срока обучения на 4–5 месяцев, изменив количество часов по военному делу в тех пределах, которые требуются»⁴.

Правительство, правда, как следует из постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме высшей школы и техникумов», волновало и то, что наметившееся повальное совместительство, которое усугублялось как низким

уровнем квалификации, так и большой текучестью кадров, ставило под угрозу выполнение идеологической и воспитательной функций высшей школой. При таком положении вещей от преподавателей, несущих функции «временщиков» и выполняющих огромную аудиторную нагрузку, в связи с чем бегающих из одного вуза в другой, требовать высокой миссии воспитателя и источника государственной идеи не представлялось возможным. В связи с этим в наркоматах прозвучал вопрос о необходимости закрепить за вузами постоянных работников, которые несли бы ответственность за качество учебного и воспитательного процессов. Исходя из этого, в упрек наркоматам ставилась политическая недооценка перестройки высшей школы и руководства ею. Отмечая в основном здоровое настроение студенческих и преподавательских масс, подчеркивалось, что среди них есть те, кто враждебно относится к мероприятиям партии и советской власти. В пример приводился ряд моментов, которые трактовались как проявление слабой политико-воспитательной работы среди студенчества⁵.

В Народный комиссариат просвещения СССР было представлено несколько проектов, разработчики которых намеревались объединить близкородственные институты: из семи втузов предлагалось создать три-четыре. Ход данных размышлений значительно подкорректировало постановление ЦИК СССР от 19 октября 1932 г., которым ставилась задача повысить уровень технического образования в вузах, втузах и техникумах при всемерном дальнейшем укреплении их связи с производством, повышении качества учебы и действительном поощрении инициативы и энергии каждого учащегося. Обеспечить выполнение данных посылов в пределах небольшой Беларуси было возможно только путем концентрации всех имеющихся ресурсов.

Параллельно в Москве во исполнение постановления СНК СССР от 22 февраля 1933 г. № 276 плановое управление ВКВТО при СНК СССР развернуло меры по формированию единой сети технических вузов СССР. Предложения белорусских комиссариатов были тщательно рассмотрены, но согласование прошло только одно из них – оставить БГММИ без изменений (хотя и звучали предложения усилить его Витебским машиностроительным техникумом и Белорусским государственным энергетическим институтом). По докладу планового управления от 14 марта 1933 г. о тотальном списке сети втузов изначально вызвал интерес вариант объединения БГММИ с Минским энергетическим институтом, однако после инспекторского обследования втузов

³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 900. Л. 1.

⁴Гос. арх. Гомел. обл. (ГАГО). Ф. 431. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5572. Л. 162–167.

БССР от этого проекта отказались ввиду отсутствия в Гомеле собственного учебного здания⁶. ВКВТО при СНК СССР 20 марта 1933 г. принял решение, о котором 5 апреля 1933 г. было сообщено правительству БССР. После ознакомления на месте с учебными заведениями Минска и Горького «...возникло предложение о создании в Минске единого крупного индустриального института из строительного, энергетического, торфяного и водно-мелиоративного с переводом последнего в Минск. При проведении указанных мероприятий имелась бы концентрация сельскохозяйственного образования в Горьком и инженерного – в Минске, сохранив при этом вузы Гомеля, Могилёва и Витебска»⁷. В итоге все минские вузы были объединены в Белорусский государственный политехнический институт.

Таким образом, в итоге реформы высшей школы 1932 г. в БССР осталось три технических вуза – БГПИ в Минске, БГММИ и Белорусский государственный лесотехнический институт (БЛТИ) в Гомеле. При этом осенний набор 1932 г. вузы Беларуси провалили. Повсеместно наблюдался недобор, связанный с огромным отсевом тех, кто не сумел пройти испытания, и тех, кто на них не явился. Для определения узловых проблем высшей школы и поиска путей их решения 20 июня 1933 г. в Минске прошло совещание представителей вузов и втузов. На совещании присутствовали А. А. Акулик, директор БГММИ, и С. Ю. Лысов, уже директор БГПИ. По итогам совещания 1 июля 1933 г. было принято Постановление секретариата ЦК КП(б)Б «О ходе реализации решений декабрьского пленума ЦК КП(б)Б по перестройке высшей школы, техникумов и о подготовке к 1933/1934 уч. г.»⁸. Этим же днем датируется и постановление об организации Белорусского государственного политехнического института.

В 1933–1936 гг. большую работу по развитию высшей технической школы провел ВКВТО при СНК СССР под руководством Г. М. Кржижановского. На основании Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» широко развернулась работа по подготовке научных кадров и преподавателей высшей школы не только в вузах, но и в научно-исследовательских институтах. Массово проводилась практика выдвиженчества студентов, которым с третьего курса устанавливали специальные доплаты с тем расчетом, что в дальнейшем они поступят в аспирантуру и будут заниматься наукой. СНК СССР определил ученые степени и звания для работников научных учреждений и вузов. К кон-

цу 1934 г. в вузах, институтах красной профессуры, институтах марксизма-ленинизма СССР готовилось 9400 аспирантов.

Однако кадровый голод в профессорско-преподавательских кадрах продолжал ощущаться в БССР, особенно в Гомеле, где после реорганизации высшей школы в 1933 г. сохранились три вуза (БЛТИ, БГММИ и Белорусский государственный высший педагогический институт), девять техникумов (железнодорожный, автодорожный, финансовый, медицинский, педагогический, инструкторский, общественного питания, строительных материалов и коневодства) и три рабфака. Отмечался уклон в сторону форсирования подготовки в БГММИ механизаторов сельского хозяйства по выпуску специалистов по эксплуатации сельскохозяйственных машин⁹. Но если обеспечение БЛТИ кадрами, учебными помещениями и лабораториями не вызывало нареканий, то положение БГММИ было плачевным. В целях успешного решения данной проблемы в 1933 г. был объявлен всесоюзный конкурс на преподавательские должности в БГММИ. Подводя итоги конкурса, администрация БГММИ указала на то, что «до мая месяца было подано около 200 заявлений, среди которых были известнейшие специалисты»¹⁰. В итоге были приглашены 12 специалистов из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и Одессы. Но из-за отсутствия квартир ни один из них не прибыл в Гомель.

С одной стороны, увеличение сроков обучения позволяло более качественно организовать учебный процесс, с другой стороны, перед директорами втузов возникла сложная и во многом непреодолимая проблема: с увеличением количества часов требовалось увеличить и количество кадров, которых на тот момент не хватало. По этой причине в БГММИ закрывались целые направления, а студенты выпускных курсов проходили обучение в вузах Москвы и Харькова¹¹.

Осенью 1933 г. директора БГММИ А. А. Акулика арестовали. В вину директору были поставлены отсутствие учебного здания, профессорско-преподавательского состава и «грубые извращения марксистско-ленинской теории со стороны ряда преподавателей»¹². В связи с этим 8 октября 1933 г. Гомельский ГК КП(б)Б постановил снять А. А. Акулика с должности за «развал работы института». ЦК КП(б)Б 28 ноября 1933 г. утвердил решение Гомельского ГК КП(б)Б о снятии А. А. Акулика. Новым директором БГММИ был назначен П. А. Балабанов. Его назначение совпало с новым витком центра-

⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6196. Л. 108.

⁷Там же. Л. 107.

⁸Там же. Д. 6140. Л. 75.

⁹Там же. Л. 123–135.

¹⁰Там же. Д. 6860. Л. 364–370.

¹¹ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.

¹²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6816. Л. 21.

лизации управления в высшей школе. Ранее принятые усилия по повышению ответственности администрации за реализацию возлагаемых на нее задач завершились оттеснением студенческих организаций от управления вузом. Администрации вузов стали представлять так называемые треугольники (директор, партком и профсоюз). Данный подход значительно усиливал роль административного аппарата, но позволял уйти от персональной ответственности.

Сентябрьская реформа 1932 г. сопровождалась рядом мероприятий, направленных на повышение качества обучения в высшей школе. Одним из таких инструментов должны были стать всесоюзные соревнования вузов и втузов, которые впервые были проведены уже в 1932/33 учебном году. В ходе смотр-конкурса обследовалась материально-техническая база, оценивалась степень обеспечения студентов общежитиями. Руководство вузов и втузов выделяло стипендии лучшим студентам, учебным группам и профессорам, а комиссариат образования предоставлял значительные суммы призовых на развитие вузов, занявших первые места. БГММИ включился во II Всесоюзные соревнования вузов и втузов с 1 декабря 1933 г.¹³ В плане выполнения конкурсных условий преподаватели посетили общежитие, была отремонтирована столовая, в январе 1934 г. были «...составлены учебные планы специальностей, проведено дополнительно 50 часов консультаций, организован кружок по математике, кабинет по деталям машин и социально-экономическим дисциплинам. Начата организация тепло-технической и электротехнической лабораторий. Приобретена вертикальная паровая машина, отремонтированы несколько двигателей и т. д.»¹⁴.

Участие в конкурсе подтолкнуло руководство БГММИ к разработке устава 3 марта 1934 г. В его первом пункте указывалось, что институт является высшим учебным и научным учреждением в области подготовки инженеров-механиков по механосборочному производству, по сельскохозяйственным машинам и по механизации сельского хозяйства. Основная цель института виделась в подготовке специалистов высшей квалификации, задачами которых выступали «овладение глубокими знаниями научных основ современной техники, знание системы советского хозяйства, его планирование и практическое знакомство с постановкой специализированных производств в условиях передовой техники»¹⁵.

При общесоюзной норме для вузов в 1125 студентов БГММИ в июле 1933 г. насчитывал всего 298 студентов, 29 преподавателей и 22 технических работника. Не имея собственного здания, институт временно занимал часть бывшего помещения правления Западной железной дороги и часть других городских помещений. Сроки строительства нового здания, определяемые к 1 мая и к 1 сентября 1933 г., были сорваны¹⁶. П. А. Балабанов 9 февраля 1934 г. обратился с письмом к секретарю горкома КПБ Я. В. Шафаренко, а также в Госплан СССР, СНК СССР и ЦК КП(б)Б. «Уже в этом году осенний набор может быть сорван из-за отсутствия даже одного квадратного метра площади для новых студентов, что поведет к уходу квалифицированных преподавателей, ведущих занятия на первом курсе из-за отсутствия нагрузки»¹⁷. Сетовал директор и на то, что факультет механизации сельского хозяйства не мог обеспечить полноценной подготовки квалифицированных кадров в связи с «отсутствием специалистов, машино-испытательной станции, лабораторий и автотракторного парка»¹⁸.

В целях привлечения специалистов П. А. Балабанов вынужден был пойти на ряд хитростей, значительно повышая оклады приглашенным специалистам из Москвы. Это, естественно, обижало постоянных работников, которые в итоге увольнялись и писали жалобы в ЦК КП(б)Б. По итогам одной из таких жалоб прошла проверка работы БГММИ и приказом № 139(1064) по секретариату кадров НКТП СССР от 29 мая 1934 г. П. А. Балабанову был объявлен выговор за несоблюдение финансовой дисциплины¹⁹.

К этому времени наметились первые успехи в работе втуза. В 1934 г. силами преподавателей и студентов для завода «Гомсельмаш» была выполнена работа по конструированию и составлению монтажных чертежей сложной молотилки «Гильштейн». По проекту студентов Соловейчика и Лифшица была проведена установка местного крана на заводе «Пролетарий». Наметился рост профессорско-преподавательского состава, который уже «...состоял из 25 чел., из коих 1 профессор, 3 доцента, 16 ассистентов и 5 преподавателей с высшим образованием. По совместительству работали 12 преподавателей, из коих 5 профессоров, 5 доцентов и 2 ассистента»²⁰.

В то же время отсутствие внимания и поддержки со стороны НКТП СССР не позволяло БГММИ рассчитывать на какие-либо положительные сдвиги в решении вопросов с жильем и помещениями.

¹³ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

¹⁴Там же. Л. 6.

¹⁵Там же. Д. 20. Л. 19.

¹⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7498. Л. 178.

¹⁷ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 20. Л. 54.

¹⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 60.

¹⁹Там же. Л. 59.

²⁰ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 18. Л. 40.

В пятилетнем плане развития института П. А. Балабанов указывал на катастрофическое положение материальной базы. Кризис намечался к весне 1935 г., так как планировалось, что количество студентов достигнет 800 человек, при том что за предыдущие четыре года существования института было набрано всего 360 человек. Подводя итоги, П. А. Балабанов вынужден был констатировать безысходность сложившейся ситуации: «Институт не может оставаться “карликовым”»²¹. В резолюции по докладу П. А. Балабанова о выполнении решений ЦК КП(б)Б и горкома партком констатировал, что «материальная база института в существенном объеме не отвечает не только норме контингента института, т. е. 1125 чел., но и существующему контингенту»²².

На 20 сентября 1934 г. в Экономическом совете при СНК СССР был запланирован доклад П. А. Балабанова, в связи с чем в СНК БССР за подписью исполняющего обязанности директора Кухаренко была представлена следующая характеристика БГММИ: «...1933/1934 уч. г. являлся для ММИ годом освоения нового учебного корпуса, когда начали впервые создавать некоторые лаборатории, годом, когда старший курс начал освоение специальных дисциплин, годом разворачивания института. Однако отсутствие специалистов привело к переводу старших курсов в Москву в станкостроительный институт. ММИ переехал 15.01.1934 г. в сырое незавершенное помещение (в котором из-за отсутствия радиаторов поставлены голландские печи). На 1935 г. планировалось строительство третьего крыла учебного корпуса стоимостью 700 тысяч рублей»²³. В проекте постановления СНК БССР констатировалось, что, несмотря на ряд трудностей, набор был выполнен, но нормальных условий для проведения занятий не обеспечено. Исходя из этого, предлагалось председателю Госплана БССР М. С. Голендо, председателю Народного комиссариата финансов БССР А. И. Хацкевичу и председателю Народного комиссариата легкой промышленности БССР Свиридову «выделить средства в 1935 г. для учебного корпуса, уточнить объемы необходимых средств для Минского политехнического института»²⁴.

В стимулировании развития высшего технического образования большую роль сыграло постановление ЦК ВКП(б) о Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе от 6 октября 1934 г. В итоге выполнения решений этого документа коллектив института провел серьезную работу по обеспечению материально-технической базы, расширению учебно-методической и политико-воспитательной работы, улучшению жилищ-

но-бытовых условий студентов и росту контингента. Пример института был рассмотрен во всех вузах Беларуси. Так, в резолюции общего собрания БГММИ констатировалось, что такие же недостатки имелись и здесь. Дирекция не обеспечивала нормального хода учебного процесса, а партком не перестроил свою работу в соответствии с постановлениями XVII партсъезда. Было решено следующее: «...до октябрьской годовщины обеспечить институт квалифицированными научными работниками, составить к 1 ноября 1934 г. расписание, начать работу университета культуры, определить дисциплины на сессию и довести до октябрьских праздников к сведению студентов»²⁵.

Дух демократизма, присутствовавший при обсуждении по инициативе ВКП(б) проблем в Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе, подтолкнул студентов БГММИ написать письмо в редакцию газеты «Правда». В письме они сетовали на отсутствие постоянного штата преподавателей и тенденцию к уходу тех, кто еще остался. Указывая на сложные материально-бытовые условия, они подчеркивали, что данные администрации явно приукрашены. Так, по сведениям дирекции БГММИ, обед стоил 50–60 коп., а по информации студентов – от 70 коп. до 1 руб. «По карточкам студенты ничего, кроме хлеба, не получали. Промтоварами почти не обеспечивались (на 600 чел. отпустили три талона на пальто)»²⁶. Эти данные подтвердила и комиссия ЦК КП(б)Б в составе Николаева и Маклиса: «В общежитии директор и заместитель по хозяйственной части не бывают, столовая плохая, кормят дорого (постный обед – 60 коп.). Предлагалось заменить директора Балабанова»²⁷.

Значительно затягивалась подготовка первого выпуска специалистов, что вызывало беспокойство студентов. В докладной записке студентов старших курсов, которые находились в БГММИ со дня его основания и пережили все невзгоды организационного периода, сообщалось, что «...систематическое невыполнение учебного плана вызвало удлинение срока обучения до 5 лет 8 месяцев. Нам осталось всего 7 месяцев теоретической учебы в стенах института, но администрацией не созданы нормальные условия для учебы. Наш курс состоит на 90 % из членов партии, являющихся первым выпуском БГММИ, который должен показать, что в условиях Белоруссии возможно готовить собственные кадры. На сегодняшний день это не обеспечено. В то же время директор Балабанов в рабочей газете за 23–24 сентября помещает статью (очковитирательскую и самоуспокаивающую)»²⁸.

²¹ГАГО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

²²Гомельский гос. арх. общ. орган. (ГГАОО). Ф. 265. Оп. 2а. Д. 225. Л. 50.

²³НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 21.

²⁴Там же. Л. 36.

²⁵Там же. Д. 7405. Л. 4 об.

²⁶Там же. Д. 7216. Л. 42.

²⁷Там же. Д. 6720. Л. 1.

²⁸Там же. Д. 7216. Л. 25.

Трудности заставили П. А. Балабанова 28 ноября 1934 г. написать заявление об освобождении от должности. «Прошу дать мне возможность перейти на научную работу. Этот институт никакого отношения к моей специальности не имеет. После приезда из Москвы из экономического института красной профессуры я работал старшим научным работником АН и по совместительству в институте народного хозяйства, где вел курс и заведовал кафедрой экономики советской торговли. Семья моя в Минске, так как жена там работает»²⁹. Заявление, по всей видимости, было принято, так как уже с 1934 г. П. А. Балабанов числился доцентом Белорусского государственного института народного хозяйства, а в 1939–1940 гг. – его ректором.

Слухи о закрытии БГММИ после проверок, спровоцированных постановлением о Новочеркасском индустриальном институте имени Серго Орджоникидзе, особенно усилились после ухода П. А. Балабанова, на место которого никого не назначили. Ситуация несколько прояснилась 31 марта 1935 г., когда перед парткомом БГММИ выступил заведующий сектором Народного комиссариата местной промышленности БССР Ковалёв с информацией о закрытии института и организации на его базе факультета при БГПИ. Приняв это решение с воодушевлением, партком постановил командировать студентов старших курсов для окончания учебы в Харьков и Москву. Относительно остальных студентов планировалось следующее: «Просить ГК КП(б)Б, ЦК КП(б)Б и НКМПИ принять меры к быстрому решению вопроса о реорганизации института с тем, чтобы нормальные занятия начались с 1 сентября 1935 г.»³⁰. Таким образом, БГММИ, организованный из факультета БГПИ в 1930 г., вернулся в его состав 1 сентября 1935 г. в качестве механического факультета (после войны был разделен на механико-технологический и машиностроительный факультеты). В итоге данной реорганизации БГММИ в Беларуси осталось всего два втуза – БГПИ в Минске и БГЛТИ в Гомеле.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» перед вузами поставили задачу обеспечить подготовку высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне развитых и культурных кадров, знаю-

щих и способных освоить новейшие достижения науки, использовать максимально все возможности техники и по-большевистски связать теорию с практикой, сочетать производственный опыт с наукой. Важную роль в этом процессе сыграло движение новаторов производства – стахановцев, которые вопреки установившимся стереотипам опрокидывали все старые технические нормы, что с новой остротой поставило вопрос о научной и учебной работе вузов.

Вскоре произошло и окончательное реформирование высшей технической школы. В 1936 г. был ликвидирован ВКВТО при СНК СССР, а руководство системой высшего образования было передано новому органу – Всесоюзному комитету по делам высшей школы при СНК СССР, председателем которого стал И. И. Межлаук. Эти изменения нашли законодательное закрепление и в Конституции СССР 1936 г.

Таким образом, в ходе первой пятилетки (1928–1932) произошел бурный рост технических вузов и была налажена массовая подготовка технических кадров. Однако чрезмерное дробление вузов привело к ряду негативных последствий. Проблемы с помещениями, кабинетами и лабораториями усилили распыление и так небольшого потенциала профессорско-преподавательских сил. В итоге на фоне заметного роста количественных показателей произошло резкое снижение качества подготовки специалистов. С учетом предыдущих ошибок в годы второй пятилетки (1933–1937) в систему высшей школы был внесен ряд изменений. В ходе реформы 1932 г. произошло укрупнение вузов и укрепление их материально-технической базы, наметились тенденции к разностороннему и гармоничному развитию, повышению качества выпускников, ориентированных на овладение передовыми достижениями науки и техники. В это время расходы на высшее образование в СССР увеличились в 2,5 раза по сравнению с первой пятилеткой. Значительно улучшилось материальное и бытовое обеспечение как студентов, так и преподавателей, повысилось качество обучения и возросло число студентов. Это способствовало также распространению сети вузов в пределах СССР. Так, если в Российской империи только примерно в 20 городах были вузы, то к концу второй пятилетки университеты и институты были открыты в более чем 100 городах всех республик СССР.

Библиографические ссылки

1. Волкова ИВ. Советская школа на путях подготовки к войне: переломный 1936 год. *Проблемы современного образования*. 2012;6:125–138.
2. Зелев МВ. Становление системы высшего и среднего технического образования в Среднем Поволжье в 1928–1932 гг. *Интеграция образования*. 2013;4(73):69–77.
3. Писанова АК. Модернизация высшей школы в советский период в российской историографии. *Известия ПГУПС*. 2013;1:194–199.

²⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7216. Л. 48.

³⁰ГТАОО. Ф. 265. Оп. 2а. Д. 305. Л. 1.

4. Донченко АС, Самоловова ТН. Реформирование высшей школы советского государства в декретах и постановлениях партии и правительства (1917–1938 гг.). *Вестник КрасГАУ*. 2014;10:229–235.
5. Костенко ИП. *Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы*. Москва: РГУПС; 2013. 502 с.
6. Кукса АН. БГПИ: первый технический вуз Беларуси. *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова*. 2022;1:69–73.
7. Кукса АН. Возрождение втуза Беларуси и реформа высшей школы 1930 г. *Вышэйшая школа*. 2022;2:47–51.

References

1. Volkova IV. The Soviet schools in preparation for the Great Patriotic War: the critical year of 1936. *Problems of Modern Education*. 2012;6:125–138. Russian.
2. Zelev MV. The formation of the system of higher and secondary technical education in the Middle Volga, 1928–1932. *Integration of Education*. 2013;4(73):69–77. Russian.
3. Pisanova AK. [Modernisation of higher education in the Soviet period in Russian historiography]. *Proceedings of Petersburg Transport University*. 2013;1:194–199. Russian.
4. Donchenko AS, Samolovova TN. Reforming of the Soviet state higher educational establishment in the decrees and resolutions of the party and the government (1917–1938). *The Bulletin of KrasGAU*. 2014;10:229–235. Russian.
5. Kostenko IP. *Problema kachestva matematicheskogo obrazovaniya v svete istoricheskoi retrospektivy* [The problem of the quality of mathematical education in the light of historical retrospect]. Moscow: Rostov State Transport University; 2013. 502 p. Russian.
6. Kuksa AN. [BSPI: the first technical university of Belarus]. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova*. 2022;1:69–73. Russian.
7. Kuksa AN. [The revival of the Belarusian higher education institution and the form of higher education in 1930]. *Vyshhejschaja shkola*. 2022;2:47–51. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2022.
Received by editorial board 31.05.2022.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 101.1:316.722+930.1

КОНЦЕПЦИЯ МАКРОИСТОРИИ Ю. Н. ХАРАРИ: ИСТОКИ ПОПУЛЯРНОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС

А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾, Я. А. ЯГЕЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Беспрецедентно высокий уровень популярности личности Ю. Н. Харари, профессора исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, а также его известной трилогии актуализирует проблему интерпретации и объяснения так называемого феномена хараримании, ставшего заметным событием в академическом сообществе и массовой культуре современных западных обществ. Целью статьи является историко-философская реконструкция творческой эволюции Ю. Н. Харари с акцентом на выявлении смыслоопределяющего статуса его концепции макроистории. Обосновывается внутренняя противоречивость данной концепции, в значительной мере обусловившая двойственный характер ее восприятия в массмедиа и профессионально-академических дискуссиях. Обозначенная цель достигается посредством решения следующих задач: экспликации важнейших этапов профессиональной социализации Ю. Н. Харари, объяснения причин, обусловивших его переход от проблем медиевистики к проблемам макроистории, выделения тематических приоритетов макроисторической концепции Ю. Н. Харари, среди которых особое внимание уделяется трансформации *homo sapiens* в *homo deus*, характеристики просветительской роли концепции макроистории Ю. Н. Харари, в особенности той ее части, которая связана с популяризацией

Образец цитирования:

Зеленков АИ, Ягело ЯА. Концепция макроистории Ю. Н. Харари: истоки популярности и академический статус. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:15–27.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-15-27>

For citation:

Zelenkov AI, Yahela YaA. Y. N. Harari's concept of macro-history: origins of popularity and academic status. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:15–27. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-15-27>

Авторы:

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Яна Александровна Ягело – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – А. И. Зеленков.

Authors:

Anatoliy I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

Yana A. Yahela, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

[yana.krupenia@gmail.com](mailto: yana.krupenia@gmail.com)

современной науки и ее футурологического потенциала, а также контекстуального анализа идеи Ю. Н. Харари о новой гуманистической революции, в процессе которой классические представления о гуманизме и либерализме должны уступить место технугуманизму и религии данных. Новизна статьи заключается в том, что она представляет собой одну из первых попыток реализовать не только историческую, но и философско-концептуальную реконструкцию основных идей Ю. Н. Харари, изложенных в его известной трилогии. Впервые основное внимание уделяется анализу концепции макроистории, предложенной израильским профессором. Это позволяет дистанцироваться от большинства публикаций об ученом, выполненных в жанре коротких рецензий и сугубо описательных литературных обзоров. Новым аспектом при рассмотрении творческой эволюции историка является также предложенная интерпретация причин и истоков значительной популярности его идей и основных публикаций. Отмечается, что глубокое понимание Ю. Н. Харари специфики массового сознания и особенностей его восприятия носителями научно-популярных текстов во многом объясняет эмоциональную образность языка, жанровое своеобразие и литературную стилистику основных книг и публичных выступлений профессора.

Ключевые слова: концепция макроистории Ю. Н. Харари; динамика цивилизации; мифы и интересубъективная реальность; технугуманизм; религия данных; гуманистическая революция и эпоха постчеловека.

КАНЦЭПЦЫЯ МАКРАГІСТОРЫІ Ю. Н. ХАРАРЫ: ВЫТОКІ ПАПУЛЯРНАСЦІ І АКАДЭМІЧНЫ СТАТУС

А. І. ЗЕЛЯНКОЎ^{1*}, Я. А. ЯГЕЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Беспрэцэдэнтна высокі ўзровень папулярнасці асобы Ю. Н. Харары, прафесара гістарычнага факультэта Яўрэйскага ўніверсітэта ў Іерусаліме, а таксама яго вядомай трылогіі актуалізуе праблему інтэрпрэтацыі і тлумачэння так званых феномена харарыманіі, які стаў прыкметнай падзеяй у акадэмічнай супольнасці і масавай культуры сучасных заходніх грамадстваў. Мэтай артыкула з'яўляецца гісторыка-філасофская рэканструкцыя творчай эвалюцыі Ю. Н. Харары з акцэнтам на выяўленні сэнсавызначальнага статусу яго канцэпцыі макрагісторыі. Абгрунтаваецца ўнутраная супярэчлівасць гэтай канцэпцыі, якая ў значнай меры абумовіла дваісты характар яе ўспрымання ў мас-медыя і прафесійна-акадэмічных дыскусіях. Пазначана мэта артыкула дасягаецца праз рашэнне наступных базавых задач: эксплікацыю важнейшых этапаў прафесійнай сацыялізацыі Ю. Н. Харары, тлумачэнне прычын, якія абумовілі яго пераход ад праблем медыявістыкі да праблем макрагісторыі, вычлененне тэматычных прыярытэтаў макрагістарычнай канцэпцыі Ю. Н. Харары, сярод якіх асабліва ўвага надаецца трансфармацыі *homo sapiens* у *homo deus*, характарыстыку асветніцкай ролі канцэпцыі макрагісторыі Ю. Н. Харары, асабліва той яе часткі, якая звязана з папулярызаваннем сучаснай навукі і яе футуралагічнага патэнцыялу, а таксама кантэкстуальны аналіз ідэй Ю. Н. Харары аб новай гуманістычнай рэвалюцыі, у працэсе якой класічныя ўяўленні аб гуманізме і лібералізме павінны саступіць месца тэхнагуманізму і рэлігіі даных. Навізна артыкула заключаецца ў тым, што ён уяўляе сабой адну з першых спроб рэалізаваць не толькі гістарычную, але і філасофска-канцэптуальную рэканструкцыю асноўных ідэй Ю. Н. Харары, выкладзеных у яго вядомай трылогіі. Пры гэтым упершыню асноўная ўвага надаецца аналізу канцэпцыі макрагісторыі, прапанаванай израільскім прафесарам. Гэта дазваляе дыстанцыравацца ад большасці публікацый пра вучонага, выкананых у жанры кароткіх рэцэнзій і апісальных літаратурных аглядаў. Новым аспектам пры разглядае творчай эвалюцыі израільскага гісторыка з'яўляецца таксама прапанаваная інтэрпрэтацыя прычын і вытокаў значнай папулярнасці яго ідэй і асноўных публікацый. Адзначаецца, што глыбокае разуменне Ю. Н. Харары спецыфікі масавай свядомасці і асаблівасцей яго ўспрымання носьбітамі навукова-папулярных тэкстаў шмат у чым тлумачыць эмацыйную вобразнасць мовы, жанравую своеасаблівасць і літаратурную стылістыку асноўных кніг і публічных выступленняў прафесара.

Ключавыя словы: канцэпцыя макрагісторыі Ю. Н. Харары; дынаміка цывілізацый; мифы і інтэрсуб'ектыўная рэальнасць; тэхнагуманізм; рэлігія даных; гуманістычная рэвалюцыя і эпоха постчалавека.

Y. N. HARARI'S CONCEPT OF MACROHISTORY: ORIGINS OF POPULARITY AND ACADEMIC STATUS

A. I. ZELENIKOV^a, Ya. A. YAHELA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. I. Zelenkov (zelenkov-antl@yandex.by)

The unprecedentedly high level of popularity of Y. N. Harari, a professor at the faculty of history of the Hebrew University in Jerusalem, and his main book trilogy, foreground the problem of interpreting and explaining the so-called Hararimania phenomenon, which has become a notable event in the academic community and popular culture of modern Western so-

cieties. The purpose of this article is the historical and philosophical reconstruction of the creative evolution of Y. N. Harari with an emphasis on identifying the fundamental meaning and status of his concept of macrohistory in this evolution (process). At the same time, the internal inconsistency of this concept is substantiated, which is largely responsible for the dual nature of its perception and assessments in the mass media and professional academic discussions. The designated goal of the article is achieved through contextual interpretation and the solution of its several basic tasks. Among them: identifying and explaining the most important stages of the professional socialisation of Y. N. Harari, as well as determining the reasons behind his transition from medieval studies to macrohistory; identifying the thematic priorities of Y. N. Harari, special attention is paid to the topic of transformation of *homo sapiens* into *homo deus*; characterising the educational role of Y. N. Harari's concept of macrohistory, in particular, the part of it that is associated with the popularisation of modern science and its futurological potential; carrying out a contextual analysis of Y. N. Harari's idea about a new humanistic revolution, in the process of which classical ideas about humanism and liberalism must necessarily give way to techno-humanism and the data religion. The novelty of this article is determined by the following circumstances. Though there is extensive debate about the work of Y. N. Harari this article represents one of the first attempts to implement not only a historical, but also a philosophical and conceptual reconstruction of his main ideas set forth in the famous book trilogy. Simultaneously this is one of the first articles to make the analysis of Y. N. Harari's concept of macrohistory the main focus point. This sets us apart from most of the publications devoted to Y. N. Harari, which are usually presented in the form of short and purely descriptive literary reviews. The article presents a new aspect to consider about the creative evolution of the Israeli historian – the interpretation of the causes and origins of the significant popularity of his ideas and main publications. These include the author's deep understanding of the specifics of mass consciousness and the way its representatives perceive popular science texts. This subtle and adequate understanding largely explains the emotional figurative language, genre originality and literary style of Y. N. Harari.

Keywords: Y. N. Harari's concept of macrohistory; civilisational dynamics; myths and intersubjective reality; technohumanism; data religion; humanist revolution and posthuman era.

Введение

Проблема осмысления социальной динамики, ее радикальных метаморфоз и непредсказуемых сценариев становится все более актуальным трендом не только в философии, но и в широком комплексе социальных и гуманитарных наук. Поэтому вполне понятно и объяснимо, что проблематика кризиса, дискурс транзитивности и нестабильности определяют нынешнюю культурную ситуацию.

В обилии прогнозов на данную тему очевидный интерес вызывает творчество одного из самых популярных современных писателей и футурологов – профессора исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме Юваля Ной Харари. Феномен Ю. Н. Харари интересен с нескольких точек зрения и методологических акцентуаций. Без сомнения можно констатировать, что в современном медийном пространстве популярность профессора Ю. Н. Харари приобрела характер перманентно нарастающей волны как в разнообразных сферах и жанрах массовой культуры, так и в профессионально ориентированных формах академических дискуссий. Его книги и статьи переводятся на десятки языков, издаются миллионными тиражами. Он желанный участник престижных международных форумов и конференций. Его встречи и интервью с участием самых известных деятелей науки, культуры и политики становятся заметным событием и привлекают внимание множества людей в разных странах.

Книга Ю. Н. Харари «*Sapiens. Краткая история человечества*», опубликованная в 2011 г. на иврите, а в 2014 г. на английском языке, очень быстро при-

обрела невиданную популярность. В 2016 г. Б. Обама, на тот момент президент США, в интервью CNN сравнил опыт прочтения этой книги с посещением египетских пирамид. Основатель социальной сети Facebook М. Цукерберг и руководитель корпорации Microsoft Б. Гейтс в самых восторженных тонах отзывались об этой книге, ставшей глобальным событием в массовом культурном пространстве. Популярность творчества Ю. Н. Харари в полной мере проявилась и в мире виртуальных коммуникаций. Достаточно сказать, что интервью, которое Ю. Н. Харари дал М. Цукербергу в 2019 г., имеет более 2,5 млн просмотров на *YouTube*.

Не менее впечатляющей по масштабу и эмоциональной напряженности стала дискуссия о творчестве Ю. Н. Харари в академическом сообществе. Однако направленность, содержательные акценты и доминирующие суждения данной дискуссии существенно отличались от восторженных характеристик в адрес идей и творческих достижений израильского профессора, преобладавших в популярных изданиях и массовой культуре в целом. Конечно, феномен своеобразной хараримании и ее столь дивергентные оценки заслуживают особого внимания и соответствующей адекватной квалификации.

Но не только жанровое своеобразие, яркий и эмоционально насыщенный язык стали причиной популярности творчества Ю. Н. Харари. Не менее значимой является и базовая проблематика, определившая тематические приоритеты основных работ ученого, которые составили известную трилогию: «*Sapiens. Краткая история человечества*» (2014),

«Homo deus. Краткая история будущего» (2016) и «21 урок для XXI века» (2019). Следует отметить, что эта проблематика отличается поразительным разнообразием и заведомо эклектической конфигурацией. В своих работах Ю. Н. Харари убедительно реагирует как на важнейшие события исторической эволюции человека и общества, так и на самые актуальные достижения современной науки и культуры. При этом его творческие амбиции не останавливаются на фактологической констатации свершившейся истории и современного существования человечества. Ученый претендует на построение своеобразной концепции макроистории, в рамках которой пытается предложить оригинальную интерпретацию исторической реальности и референтной формы ее методологического осмысления. Ю. Н. Харари задается вопросом, для чего нужно изучать историю, и дает весьма неожиданный ответ: «...не для того, чтобы предсказывать будущее, а для того, чтобы освободиться от прошлого и представить себе возможные альтернативы судьбы»¹ [1, р. 74].

Здесь явно прослеживается аналогия его творческого замысла с одним из самых известных проектов обоснования специфики истории и исторического мышления, представленным в морфологии истории О. Шпенглера [2]. Таким образом, адекватная и методологически перспективная оценка творчества Ю. Н. Харари как своеобразного феномена современной культуры предполагает рассмотрение и по возможности корректную интерпретацию двух взаимосвязанных аспектов его профессиональной и публицистической деятельности. Первым из них является очевидный факт своеобразной разновекторности в оценках творчества и основных идей израильского историка. Суть данной антитезы составляют высокий уровень популярности в массовом сознании, акцентированно критическая реакция, а также нескрываемый скепсис относительно научных достоинств его основных работ со стороны многих представителей академического сообщества. Вторым аспектом является необходимость ответить на вопрос о содержательной и методологической референтности его концепции макроистории, в частности выяснить, насколько обоснованы ее претензии на объяснительный и прогностический потенциал

при рассмотрении важнейших событий и достижений человеческой истории и эпохи постсовременности.

Обозначив основные параметры актуальности выбранной темы исследования и зафиксировав активный интерес к творчеству Ю. Н. Харари не только со стороны массмедиа, но и со стороны академического сообщества, можно с достаточной степенью полноты и корректности сформулировать проблемную ситуацию, задающую базовые ориентации данного исследования. Она заключается в необходимости раскрыть и объяснить внутренне противоречивую сущность макроистории Ю. Н. Харари, а также амбивалентную реакцию на нее со стороны различных страт современного общества.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе теоретической реконструкции важнейших тематических приоритетов концепции макроистории Ю. Н. Харари обосновать ее внутреннюю противоречивость, обусловившую очевидную дивергенцию оценок этой концепции в массовой культуре и академическом сообществе.

Реализация данной цели предполагает решение нескольких задач, основными из которых являются следующие:

- выявить важнейшие этапы профессиональной социализации Ю. Н. Харари и показать закономерный характер его творческой эволюции от средневекистики к макроистории;
- обосновать концептуальный статус таких вопросов, как определение глобальных целей и ценностей прошлой и новейшей истории, выявление условий и предпосылок трансформации *homo sapiens* в *homo deus*, прогнозирование судьбы гуманизма и либерализма в эпоху постчеловека, а также их места и роли в структуре макроисторической теории Ю. Н. Харари;
- выявить просветительскую функцию концепции макроистории Ю. Н. Харари как акцентированно популярной версии социально-технократического прогноза;
- рассмотреть и охарактеризовать особенности стиля и жанрового своеобразия, а также богатство содержательно-фактологического контекста основных книг Ю. Н. Харари, обусловившие столь высокую популярность творчества израильского историка.

Методология исследования

Обозначенные задачи исследования в значительной мере детерминируют его методологию, а также концептуально-теоретические основания, позволяющие рассмотреть феномен Ю. Н. Харари в контексте кризисных процессов в современной техногенной цивилизации и поиска ее конструктивных альтернатив. Поэтому доминирующими методологическими стратегиями в исследовании являются цивилиза-

ционный подход (О. Шпенглер, Н. Элиас, И. Валлерстайн, Р. Робертсон и др.) и методология макроисторического анализа (Э. Дюркгейм, М. Вебер, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, К. Ламп्रेхт, Р. Коллинз и др.). В статье используются такие методы исторического познания, как нарративный и историко-сравнительный. Также активно применяются традиционные методы философской рефлексии, среди которых осо-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. З., Я. Я.

бая роль отводится семантической интерпретации и историко-философской реконструкции.

Концептуально-теоретические основания исследования этапов становления и развития макро-

исторической модели Ю. Н. Харари в определенной степени скоррелированы с основными принципами и положениями современной концепции общества риска (У. Бек, Э. Гидденс, Г. Бехманн).

От медиевистики к макроистории: этапы профессиональной социализации Ю. Н. Харари

Рассматривая основные идеи и принципы макроисторической теории Ю. Н. Харари, нельзя обойти стороной некоторые важнейшие события его творческой и профессиональной эволюции, тот событийный контекст, который повлиял на содержание и жанровое своеобразие его концепции макроистории.

Ученый родился в 1976 г. в г. Кирьят-Ата (Хайфский округ, Израиль) в светской еврейской семье с восточноевропейскими и ливанскими корнями. С первых лет своей интеллектуальной и образовательной социализации Ю. Н. Харари обнаруживает некую заинтересованность в осмыслении великих событий и идей прошлого, иррациональной природы истории и роли случайностей в ее непредсказуемом течении. Отмечая это важное обстоятельство, И. Паркер приводит следующие слова Ю. Н. Харари: «Я себе пообещал, что, когда вырасту, не погрязну в мирских заботах повседневной жизни, а постараюсь понять общую картину» [3, р. 52].

В 1993–1998 гг. Ю. Н. Харари прошел обучение на историческом факультете Еврейского университета в Иерусалиме, где получил ученые степени бакалавра и магистра со специализацией по истории Средних веков, а также по истории войн. В 2002 г. он поступил в Колледж Иисуса в Оксфордском университете (Великобритания), где в 2004 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «История и я: война и отношения между историей и личностью в военных мемуарах эпохи Возрождения (1450–1600)»².

Вскоре после защиты диссертации Ю. Н. Харари опубликовал свою первую книгу «Военные мемуары эпохи Возрождения: война, история и идентичность (1450–1600)». В ней он демонстрирует две значимые особенности, характеризующие его авторский стиль и уровень академической репрезентативности. Так, по мнению некоторых специалистов в области истории Средних веков, многие положения и выводы данной работы достаточно легковесны, не всегда соответствуют историческим фактам и принятым в академическом сообществе формам их интерпретации. Но это не смущает автора, и он достаточно свободно оперирует событийной канвой рассматри-

ваемого периода и, что особенно важно, оформляет свои мысли в яркой, образной и метафорически заостренной языковой стилистике. Указанные особенности стиля и метода реконструкции истории общества и цивилизации стали нормативными для Ю. Н. Харари и в значительной мере определили его дальнейшую творческую эволюцию.

В 2003–2005 гг. Ю. Н. Харари проходил постдокторантуру за счет стипендии благотворительного фонда Ротшильдов в Израиле, где продолжил свои исторические исследования. Однако в этот период в его исторических изысканиях наблюдается весьма симптоматичный сдвиг. Постепенно он отходит от увлечения медиевистикой и все больше погружается в проблемное поле так называемой большой истории, или макроистории. Став в 2005 г. преподавателем исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, Ю. Н. Харари предложил ввести большой обзорный курс по всемирной истории, продемонстрировав весьма откровенные амбиции, что, естественно, вызвало неоднозначную реакцию коллег. Но это никак не смутило ученого, и к 2008 г. его курс, состоящий из 20 лекций, уже входил в академическую программу исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме.

В это время происходила определенная трансформация Ю. Н. Харари, связанная с пониманием концептуальных средств и целей исторической науки. Он все более основательно утверждался во мнении, что история должна быть представлена в форме целостной теории или картины исторического мира, пронизанной единым сюжетом, увлекающей читателя яркой образностью изложения и парадоксальной интерпретацией фактов. Это убеждение сложилось не без определенного влияния Дж. Даймонда и его знаменитой книги «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», ставшей во многом источником вдохновения и новых творческих идей для израильского историка. Как впоследствии признавал сам Ю. Н. Харари, после прочтения этой книги его постигло прозрение и он отчетливо осознал необходимость коррекции своей академической карьеры: «Я осознал, что также могу писать такого рода книги»³.

²Диссертация Ю. Н. Харари представлена в базе данных диссертационных работ Великобритании EThOS. См.: *Harari Y. N. History and I: war and the relations between history and personal identity in Renaissance military memoirs* [Electronic resource]. URL: <https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.391070> (date of access: 15.08.2022).

³Historian Yuval Harari on the books that shaped him // Berggruen Inst. [Electronic resource]. URL: <https://www.berggruen.org/activity/historian-yuval-harari-on-the-books-that-shaped-him/> (date of access: 15.08.2022).

Партнер Ю. Н. Харари, Я. Яхав, настойчиво убеждал ученого написать книгу на основе материалов его лекционного курса по всемирной истории, и в 2011 г. появилась книга «Sapiens. Краткая история человечества», опубликованная на иврите и ставшая вскоре безусловным бестселлером в Израиле. Ее ждал еще более впечатляющий триумф после выхода в свет англоязычной версии в Великобритании в 2014 г., а затем и в США в 2015 г. После того как книга получила высокие оценки и восторженные отзывы таких знаменитостей, как М. Цукерберг и Б. Гейтс, ее ждал поистине беспрецедентный успех. Сегодня она издана миллионными тиражами и переведена на десятки языков.

И снова возникает аналогия с немецким философом О. Шпенглером. Как известно, начало его академической карьеры было совсем неудачным, что даже побудило будущего властителя дум уйти с должности школьного учителя. Но вскоре после публикации в 2018 г. первого тома его знаменитого труда «Закат Европы» он стал подлинным пророком не только у себя на родине, в Германии, но и во многих странах Европы и мира. Столь же феерически сложилась и судьба Ю. Н. Харари после того, как его книга «Sapiens. Краткая история человечества» обрела массового читателя.

Но этот успех не остановил Ю. Н. Харари в продвижении к дальнейшему воплощению собственного метаисторического проекта. В 2016 г. вышла в свет его следующая книга «Homo deus. Краткая история

будущего». В ней он продолжил развивать свою концепцию макроистории, но при этом еще более основательно использовал данные современной науки и техники с тем, чтобы убедительно обозначить и проиллюстрировать глобальные проблемы и вызовы техногенной цивилизации. По мнению писателя К. Исигуро, эта публикация стала своеобразным предупреждением человечеству о будущих беспрецедентных вызовах и испытаниях.

В 2019 г. Ю. Н. Харари издал книгу «21 урок для XXI века». Она сконфигурирована как сборник статей и эссе, многие из которых были опубликованы ранее. В ней Ю. Н. Харари по-прежнему акцентирует внимание на наиболее актуальных научных, технологических, социально-экологических и экзистенциальных проблемах, с которыми человечество уже столкнулось в XXI в. и фронтальное воздействие которых продолжит ощущать в обозримом будущем.

В 2020 г. Ю. Н. Харари предпринял новую попытку дальнейшей популяризации собственной концепции всемирной истории, начав издание серии графических книг, ориентированных на молодое поколение читателей, которые предпочитают современные визуально нагруженные формы коммуникации. Планируется, что данная серия будет состоять из пяти книг (две из них уже вышли в свет). Тем не менее содержательная канва этих работ в значительной степени воспроизводит сюжеты первого, наиболее популярного издания «Sapiens. Краткая история человечества».

Тематические приоритеты концепции макроистории Ю. Н. Харари

Попытка вычленить главное из впечатляющего многообразия тем, сюжетов, сценариев и прогнозов многостраничных бестселлеров Ю. Н. Харари, а именно то, что составляет сущность его концепции макроистории, предполагает фиксацию нескольких основных идей. С известной долей условности к таким идеям можно отнести следующие тематические приоритеты:

- вычленение и комплексную характеристику трех глобальных проблем истории;
- обоснование новых целей цивилизационной динамики на заре 3-го тыс.;
- перспективы и вызовы проекта трансформации *homo sapiens* в *homo deus*;
- судьбу гуманизма в эпоху постчеловека.

Приступая к теоретической реконструкции тысячелетней истории человечества, Ю. Н. Харари задается вопросом, какие проблемы неизменно актуальны для людей на протяжении эпох. Ответ на него ученый формулирует с впечатляющей безапелляционностью. Это голод, мор и война. «Поколение за поколением, – пишет он, – люди молились всем мыслимым богам, святым и ангелам, изобретали всевозможные орудия, учреждения и социальные системы, но продолжали миллионами умирать от

нехватки пищи, эпидемий и насилия. Из чего многие мыслители и пророки заключили, что голод, мор и война, должно быть, являются неотъемлемой частью космического замысла Создателя или нашей несовершенной природы» [4, с. 7–8].

На страницах своих сочинений, в том числе тех, которые вошли в состав известной трилогии, Ю. Н. Харари приводит множество впечатляющих примеров и иллюстраций, призванных подтвердить истинность и обоснованность его идеи. Нельзя сказать, что номенклатура этих исторических примеров всегда корректна и лишена тенденциозности. Но израильский историк не изменяет себе в том, чтобы методично следовать избранному стилю: его примеры всегда яркие, разнообразны и часто парадоксальны в своем воздействии на восприятие и сознание читателя.

Воссоздав образно окрашенную панораму истории человечества, Ю. Н. Харари приходит к весьма сомнительному выводу, хотя и старается придать ему форму очевидной истины. В XX в. несомненные достижения науки и техники позволили человечеству «обуздать голод, мор и войну в основном благодаря феноменальному историческому росту, который обеспечивает нас в достаточном объеме

едой, медикаментами, энергией и сырьем» [4, с. 29]. Правда, при этом ученый не отрицает наличия других глобальных проблем, которые не только не решают перманентный экономический рост, а, наоборот, радикально обостряют его. Такими проблемами являются нарушение экологического равновесия на планете и обостряющаяся угроза глобального изменения климата. «Несмотря на все разговоры о загрязнении, глобальном потеплении и изменении климата, большинство стран пока еще не готовы идти на серьезные экономические и политические жертвы ради улучшения ситуации. Когда наступает момент выбора между экономическим ростом и экологической стабильностью, политики, управленцы и избиратели почти всегда предпочитают рост. В XXI в. мы должны быть гораздо более ответственными, если хотим избежать катастрофы» [1, р. 23].

Однако при всей важности экологических проблем не они, по мнению Ю. Н. Харари, будут определять повестку дня на XXI в. «Следующими целями человечества, – считает он, – будут бессмертие, счастье и божественность» [1, р. 24]. Поскольку в современной цивилизации консьюмеризма высшей ценностью провозглашается не просто жизнь, а такой ее уровень, при котором стандарты потребления, удовольствий и экзотических желаний стремятся к максимуму, в качестве базовых ориентиров нового этапа цивилизационного развития человечества Ю. Н. Харари провозглашает поистине метафизические цели. «Сократив смертность от голода, болезней и насилия, мы постараемся победить старость и даже саму смерть. Избавив большинство людей от унижительной нищеты, мы постараемся сделать их реально счастливыми. И встав выше звериной борьбы за выживание, мы постараемся возвысить людей до богов и превратить *homo sapiens* в *homo deus*» [1, р. 24].

Конечно, на этом пути человечество ждет немало испытаний и загадок. Предстоит по-иному, нежели это было в прошлом, ответить на сакраментальные этические вопросы о том, что такое смерть, счастье, удовольствие, благополучие и смысл жизни. Рассуждая на страницах своих книг об этих загадочных феноменах, Ю. Н. Харари приводит немало интересных примеров и фиксирует весьма парадоксальные закономерности. Он отмечает, что традиционно во всех высоких культурах смерть воспринималась и оценивалась как безусловное таинство, исполненное величайшего значения. Под влиянием религии сам факт смерти воспринимался обыденным сознанием как естественный и закономерный переход в иное измерение бытия, где праведников ждут подлинное бессмертие и царство истины. Но современная культура с ее ориентацией на науку и технологический прогресс совершенно по-иному трактует феномен смерти. Для медицины, социальной инженерии, глобальной экологии смерть – это прежде

всего технологическая проблема. Важно адекватно поставить диагноз, найти конкретные биохимические причины смерти и попытаться с помощью современных высоких технологий заблокировать эти причины, открыв перед человеком перспективы реального бессмертия. Такова логика размышлений Ю. Н. Харари на эту тему. И часто он имеет немалый резон так размышлять. «Головокружительный рывок в таких областях, как генная инженерия, регенеративная медицина и нанотехнологии, дает основание для самых радужных прогнозов. Некоторые эксперты убеждены, что человечество одолеет смерть к 2200 году, другие считают – к 2100-му. Курцвейл и ди Грей еще более оптимистичны. Они уверяют, что к 2050 году каждый обладатель здорового тела и солидного банковского счета получит отличный шанс дотянуть до бессмертия» [4, с. 34]. Как бы ни относиться к этим прогнозам и какую бы степень скептицизма ни позволять себе в их оценке, нельзя не признать того безусловного факта, что право на жизнь стало одной из важнейших ценностей современного человечества. Неслучайно оно юридически закреплено во Всеобщей декларации прав человека. Но парадоксальность современной техногенной цивилизации обнаруживается и в том, что число суицидов в развитых и благополучных странах существенно выше, чем во многих традиционных обществах. Этот удивительный парадокс также становится предметом неординарных размышлений Ю. Н. Харари, когда он пытается обосновать метафизическую триаду «бессмертие, счастье, божественность» в качестве глобальной цели нового этапа всемирной истории, базирующегося на принципах сциентизма и технократии.

Важнейшим компонентом концепции макроистории Ю. Н. Харари является и предложенный им проект трансформации *homo sapiens* в *homo deus*. Для того чтобы обозначить и адекватно описать основные фазы этой исторической трансформации, профессор предлагает достаточно оригинальную интерпретацию реальности. Он выделяет три основных типа бытия – объективный, субъективный и интерсубъективный. «В объективной реальности явления существуют независимо от наших верований и чувств. <...> Субъективная реальность, напротив, определяется моими личными верованиями и чувствами» [4, с. 170].

Как правило, люди полагают, что реальность исчерпывается этими двумя типами существования. И если какое-то явление не подпадает под рубрику субъективной реальности и выходит за границы индивидуального опыта, то следует квалифицировать его как объективное бытие. Рассуждая таким образом, Ю. Н. Харари делает вывод о том, что носитель обыденного сознания рассматривает такие сущности, как Бог, деньги и нации, в аспекте объективной реальности, придавая им статус существования за

пределами его субъективности. Но Ю. Н. Харари не согласен с такой квалификацией. Он справедливо утверждает, что «...существует и третий уровень реальности – интерсубъективный. Интерсубъективные сущности создаются взаимодействием многих людей, а не верованиями и чувствами отдельных личностей» [4, с. 171]. Соответственно, все то, что может быть отнесено к интресубъективной реальности, историк называет мифами или паутиной смыслов и вымыслов. «Многие наиболее важные двигатели истории интерсубъективны» [1, р. 168].

В этих рассуждениях израильского ученого просматривается типичная для него редукция сложной философской проблемы к заведомо упрощенной и потому понятной для массового читателя интерпретации. Ю. Н. Харари совершенно прав, когда утверждает наличие особого уровня идеальной реальности в культуре человеческого общества. Именно этим и отличается культура как совокупность социальных программ деятельности от биологически закодированных установок целесообразного поведения животных. «Волки, шимпанзе и другие животные существуют в двойной реальности. С одной стороны, им знакома объективная внешняя данность – деревья, скалы, реки. С другой стороны, они знают свои внутренние субъективные переживания – страх, радость, желание. Человек же живет в тройной реальности. Помимо деревьев и рек, страхов и желаний в его мире есть мифы – о деньгах, богах, нациях и корпорациях. По мере развития цивилизации боги, нации и корпорации увеличивали свое влияние за счет рек, страхов и желаний» [4, с. 183].

В этих нарочито популярных словах и образах Ю. Н. Харари вполне справедливо фиксирует стратегический вектор развития человеческой цивилизации в ее движении от *homo sapiens* к *homo deus*. Но те мысли и идеи, которые были глубоко и основательно представлены еще в философии Платона и Г. В. Ф. Гегеля, приобретают в истолковании Ю. Н. Харари во многом наивный и заведомо упрощенный характер. Это становится вполне понятным, если обратиться к идее К. Поппера о существовании объективного знания и трех миров. Развивая эпистемологию без познающего субъекта, К. Поппер различает три мира, или универсума: «...во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания... в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Поэтому то, что я называю третьим миром, по-видимому, имеет много общего с платоновской теорией форм или идей и, следовательно, также с объективным духом Гегеля» [5, с. 439–440].

С учетом данного вывода К. Поппера становится очевидным, что по меньшей мере в двух принципиальных моментах идея Ю. Н. Харари о существо-

вании мира интерсубъективной реальности сформулирована недостаточно корректно. Во-первых, нельзя свести все богатство и разнообразие интерсубъективной реальности только к совокупности мифов и вымыслов. Такая редукция допускается израильским историком отнюдь не случайно, поскольку его трактовка не только когнитивной, но и научной революции и возникшей в результате ее развития техногенной цивилизации основывается на абсолютизации мифов и мифологии как смыслообразующих компонентов культуры постиндустриального мира. Во-вторых, Ю. Н. Харари не прав, когда пытается объяснить сущность и специфику интерсубъективной реальности, исходя из факта взаимодействия многих людей. В данном случае можно констатировать типичную для него ситуацию в изложении и интерпретации многих научных и философских проблем. Они достаточно ярко, образно и оригинально фиксируются и обозначаются, но при этом не приводятся причины их возникновения, принципы объяснения, а также методы и формы конструктивного разрешения.

Тем не менее сформулированные Ю. Н. Харари представления о трех типах реальности и принципиальной важности ее интерсубъективного уровня позволили ему вполне убедительно обосновать еще одну важную идею его концепции макроистории, которая предполагает выделение в эволюции *homo sapiens* трех основных этапов. Каждый из них наступает в результате когнитивной, аграрной и научной революции. Правда, в своих работах третью революцию он называет по-разному – научной, индустриальной, технологической. Ее характеристики чаще всего задаются контекстуально, а не терминологически.

По мнению Ю. Н. Харари, когнитивная революция началась 70 тыс. лет назад и дала начало важному процессу формирования фиктивного языка. В его содержании доминировали фикции, т. е. мифы, в которых не отражались ни реальные объекты, ни их чувственные образы. Это были легенды о духах предков, позволявшие людям объединяться и взаимодействовать друг с другом на основе веры в эти легенды. «Все началось около 70 тыс. лет назад, – пишет Ю. Н. Харари, – когда благодаря когнитивной революции человек разумный сумел заговорить о вещах, существовавших лишь в его воображении. В последующие 60 тыс. лет люди сплели множество фиктивных паутин» [1, р. 182]. «Легенды, мифы, боги, религии появились в результате когнитивной революции» [6, с. 20].

Но эффективность коммуникации на основе веры в эту фантазийную паутину была невелика, поскольку на протяжении многих десятков тысяч лет люди оставались охотниками-собирающими. Поэтому ни образ их деятельности, ни устные предания как основное средство передачи информа-

ции не могли обеспечить устойчивую и стабильную жизнь во враждебной среде обитания. В этот период человеческой истории мифы и легенды еще не обнаруживают своей великой созидательной силы в качестве феноменов интерсубъективной реальности.

Ситуация кардинально поменялась 12 тыс. лет назад, когда произошла вторая, аграрная, революция. Она создала условия для оседлого образа жизни, позволила людям объединяться в ограниченных пространствах древних городов и государств. Возникла необходимость в более продуманной и целесообразной интеграции множества людей, эффективной регуляции их поведения и деятельности. И здесь мифология, религия, моральные нормы и запреты, установленные на основе древних анимистических легенд и верований, сыграли первостепенную роль. Интерсубъективные мифы и вымыслы, обитавшие только в человеческом воображении, позволили людям создать первые цивилизации. Но случилось это лишь около 5 тыс. лет назад, когда шумеры изобрели письменность и деньги. «До изобретения письменности мифотворчество сдерживали ограниченные способности человеческого мозга. Не было смысла придумывать слишком сложные истории, которые ни у кого не удерживались бы в памяти. Возможность сочинять длинные и сложные истории открыла перед человеком письменность» [4, с. 188].

Так был открыт ящик пандоры, и человечество устремилось навстречу своему интеллектуальному триумфу и третьей в истории человечества революции, которую Ю. Н. Харари называет научной. Письменность, а впоследствии и изобретение книгопечатания позволили людям не только создавать могущественные мифы, но и верить в реальность их богов и героев, поскольку письменный язык способствовал формированию у людей навыков и умений воспринимать действительность посредством абстрактных теоретических символов.

По мнению Ю. Н. Харари, научная революция началась около 500 лет назад. Она возвела на пьедестал социальной жизни деньги и науку. Начиная с промышленного переворота и последовавшей за ним модернизации симбиоз денег и научного знания стал определяющим фактором общественного развития. Наука превратилась в доминирующую форму культуры, вытеснив ее рефлексивные формы (религию, философию, искусство, мораль) на периферию жизненного пространства современного человека. А поскольку наука, как предметная форма сознания, очень быстро переплетается с технологиями и превращается в ведущую производительную силу общества, она радикально изменяет не только природу, но и самого человека. Наступает эпоха гуманистической революции, которая призвана сделать человека подлинным «повелителем галактики», подарить ему биохимическое счастье и настоящее бессмертие с помощью наукоемких технологий и генной инженерии.

Создавая такую сюрреалистическую картину будущего, Ю. Н. Харари в традиционной для него экзотической манере размышляет о судьбе гуманизма в эпоху постчеловека. При этом грядущую гуманистическую революцию он оценивает как важнейший этап на пути подлинного освобождения человека от традиционной мифологии. С помощью науки и высоких технологий человек избавляется от всех несовершенств собственной телесности и психической организации. А это значит, что он сам превращается в Бога. Так, 70 тыс. лет назад когнитивная революция изменила его мозг и позволила создать интерсубъективное пространство культуры, в которое он поместил своих богов, идолов и мечты о будущем мироустройстве. Сегодня научная революция открывает для него новые невиданные возможности. На смену богам и религиозным мирам приходят технорелигии. Для них самая важная приверженность – «...это истина, основанная на наблюдениях и доказательствах, а не на простой вере. <...> Эта приверженность истине лежит в основе современной науки, которая позволила человечеству расщепить атом, расшифровать геном человека, воссоздать эволюцию жизни и понять историю самого человечества» [7, р. 239].

Ю. Н. Харари разделяет технорелигии на два основных типа – техногуманизм и религию данных. Подлинная гуманистическая революция становится возможной лишь тогда, когда эти технорелигии порывают все связи с традиционным пониманием Бога в христианстве, исламе и других мировых религиях. Техногуманизм, который приходит на смену классическому европейскому гуманизму, по-прежнему считает человека венцом творения и обосновывает важность многих традиционных гуманистических ценностей. Вместе с тем он признает бесперспективность традиционной модели человека в будущем. *Homo sapiens*, каким мы его знаем сегодня, исторически исчерпал себя. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на современные технологии, создать намного более совершенного человека – *homo deus* [4].

Гораздо более радикальную перспективу обещает человеку религия данных, которую Ю. Н. Харари называет датаизмом. Эта версия технорелигии констатирует, что «люди выполнили свою космическую задачу и должны теперь передать факел абсолютно новым формам существования» [1, р. 409]. По датаизму Вселенная состоит из потоков данных. Соответственно, человек, как биосистема, живой организм, есть прежде всего набор биохимических алгоритмов. Но компьютерные специалисты через восемь десятилетий после того, как А. Тьюринг сформулировал идею вычислительной машины, научились представлять любое событие или явление, в том числе живые организмы, в форме электронных алгоритмов или определенной совокупности данных. Датаизм соединяет то и другое, утверждая, что

биохимические и электронные алгоритмы подчинены единым математическим законам. Согласно этим идеям пятая симфония Бетховена, пузырь на фондовом рынке и вирус гриппа – три разновидности потока данных. Таким образом, музыковеды, экономисты и микробиологи наконец смогут понять друг друга [4, с. 430–431].

Конечно, эти размышления Ю. Н. Харари могут показаться весьма эксцентричными, а его проекты трансформации *homo sapiens* в *homo deus* – экзотической версией междисциплинарного футурологического исследования. Действительно, разве можно

без сомнений и оговорок принять на веру его безапелляционные утверждения? Среди них, например, следующее: «...в XVIII веке гуманизм потеснил Бога, поменяв теоцентричное мировоззрение на гомоцентричное. В XXI веке датаизм может потеснить людей, переключившись с гомоцентризма на датацентризм» [4, с. 456]. Неудивительно, что концепция макроистории Ю. Н. Харари, его интерпретация техногуманизма и религии данных в качестве социокультурной программы эпохи постчеловека вызывают массу эмоций и стимулируют дискуссии.

Антитезы восприятия: идеи Ю. Н. Харари в жанре увлекательного просвещения и экзотической футурологии

Если попытаться хотя бы в первом приближении системно интерпретировать и классифицировать впечатляющее обилие точек зрения и оценок творчества Ю. Н. Харари, то обнаружится дивергентное и двойственное отношение к его идеям и прогнозистическим моделям. С одной стороны, публикации израильского историка вызвали огромный интерес и небывалый всплеск популярности. С другой – представители научного сообщества и академической общественности сдержанно и скептически оценивают достоинства и реальное значение книг Ю. Н. Харари для современной науки и культуры. Как правило, восторженная реакция на его труды и творческие откровения была характерна для массовых популярных изданий, в которых подчеркивался важный просветительский эффект его публикаций. Они не только знакомили читателя с огромным количеством фактов и событий из разных наук и исторических эпох, но и подавали их в увлекательной, нередко парадоксальной форме. Свои истории о прошлом, настоящем и будущем Ю. Н. Харари излагает ярко и талантливо, при этом постоянно провоцирует читателя нестандартными оценками и обобщениями, вызывая его на дискуссию и побуждая к креативному восприятию актуальных явлений. Он как бы предугадывает интенции массового сознания и пытается на равных разговаривать с обывателем, сообщая ему некие мировоззренчески значимые выводы и умозаключения. В этом пестром наборе образов и метафор, тенденциозно подобранных фактов и констатаций просматривается единый сюжетный замысел автора – раскрыть истоки и причины исторической трансформации *homo sapiens* в *homo deus*. Так, возникает весьма экзотическая версия междисциплинарного футурологического проекта, в котором техногуманизм и религия данных открывают перспективу наступления эпохи постчеловека. Все это не может не вызывать интерес у современного в меру образованного читателя и гарантировать высокий уровень популярности идей израильского историка.

Немаловажной причиной такой акцентированной популярности концепции макроистории Ю. Н. Харари является и то, что он предлагает абрис целостной

теории исторического процесса, выстроенной в соответствии с жанровым своеобразием и эстетическими канонами больших повествовательных форм. Ученый тонко чувствует потребность современного человека, погруженного в постмодернистский поток хаотичных событий и испытаний, в своеобразной духовной терапии, общей картине мира, сюжетная канва которой способна убедить его в возможности конструктивного и позитивного будущего. И хотя в интерпретации Ю. Н. Харари это будущее отнюдь не безоблачно, оно освобождает человека от ложных иллюзий и мифов, открывает перед ним перспективу бытия в подлинной intersubъективной реальности.

Еще об одном обстоятельстве, во многом определившем успех и популярность идей Ю. Н. Харари, следует сказать отдельно. Это личность самого автора. Он удивительным образом объединяет и воплощает в себе многие современные тренды массовой культуры и новейшие интеллектуальные тенденции, выступает представителем божественной субкультуры, разделяющим ценности и нормы стиля жизни в современном мегаполисе: веган, гей, защитник прав животных, приверженец либеральных взглядов, хотя и критикующий архаичные убеждения традиционного либерализма. Поэтому его экзотические идеи и откровения звучат и воспринимаются многими жителями современных агломераций не в формате известных научных фактов и истин, а как своеобразные пророчества, обладающие таинственным смыслом и предсказательной силой.

Но амбициозные претензии израильского интеллектуала на построение универсальной картины мира и целостной теории исторического процесса далеко не всеми воспринимаются восторженно и однозначно. Многие представители академического сообщества подчеркивают иллюзорность и очевидную научную уязвимость его футурологических построений. Отсюда и весьма сдержанные, а порой и откровенно критические отзывы на его книги и публичные выступления. Это, конечно, не исключает того факта, что очевидную популярность как личности Ю. Н. Харари, так и его идей признают

обоснованной маститые ученые. Многие из них согласны с тем, что его известная трилогия, особенно ее первая часть, заслуживает внимания. Его книги умны, интересны, затрагивают актуальные проблемы современной науки и культуры. По мнению антрополога, философа и социолога Дж. Дрю, книга «*Sapines. Краткая история человечества*» «будоражит воображение и, безусловно, подчеркивает важность и широкое распространение социальных наук и в особенности сравнительного изучения цивилизаций для всех читателей» [8]. Более того, корреспондент *Euronews* Г. Кисс, предвзято свое интервью с Ю. Н. Харари в 2019 г., представил его как одного из самых влиятельных мыслителей нашего времени, к которому прислушиваются главы государств и руководители крупнейших мировых компаний.

Вместе с тем уровень достоверности многих предсказаний Ю. Н. Харари относительно связи между прошлым, настоящим и будущим вызывает разумные сомнения. Он пытается предсказать будущее, необоснованно связывая его с одной моделью исторического процесса, в котором доминируют лишь технологические инновации. Соответственно, предлагаемая им модель будущего человечества легко склоняет читателей к заигрыванию с такими историческими идеями, которые могут существенно подорвать доверие к предлагаемой им концепции метаистории [9].

Действительно, в своих предсказаниях будущего Ю. Н. Харари опирается на методологию исторического детерминизма. Но еще К. Поппер в работе «*Нищета историцизма*» [10] достаточно убедительно показал методологическую уязвимость этой стратегии объяснения природы исторического процесса. Поэтому неудивительно, что, оценивая книгу Ю. Н. Харари «*Homo deus. Краткая история будущего*», современный польский философ Р. Кржановски замечает, что данное издание – скорее любопытно скомпилированный набор мнений, нежели хорошо сбалансированная версия ответа на вопрос о том, кто мы такие и что будем делать в будущем [11, р. 251]. Многие авторы, среди которых британский философ Р. Скрутон, религиозный философ Н. Спенсер, канадский антрополог К. Р. Холлпайк и другие ученые, отмечают, что методология реконструкции истории человечества, которую использует Ю. Н. Харари, является сугубо редукционистской и позитивистской. Она не позволяет на подлинно научной основе раскрыть сложную и многогранную природу человека как биологического организма и социально детерминированной личности. Еще более радикален в своих оценках научной значимости основных трудов Ю. Н. Харари профессор Гренобльской школы менеджмента (Франция) И. аль-Амоуди. Анализируя одну из основополагающих книг трилогии израильского историка «*Homo deus. Краткая история будущего*», он замечает: «...временами у меня возникало

впечатление, что эта книга была написана больше для того, чтобы развлекать читателя, а не для того, чтобы создавать основу для полноценного обсуждения обозначенных в ней проблем. Это впечатление еще более подкреплялось тогда, когда аргументация Ю. Н. Харари развивалась скорее бессвязно, нежели диалектически. Особенно это проявилось при анализе проблемы гуманизма. Ю. Н. Харари предлагает такую его версию, которую можно было бы назвать потребительским гуманизмом» [12, р. 997].

Можно приводить и другие критические оценки проекта Ю. Н. Харари, но и указанных достаточно для того, чтобы сделать вполне обоснованный вывод о противоречивой природе его концепции макроистории. Поскольку данная концепция соединяет в себе вполне научный замысел воссоздать историческую логику развития человеческой цивилизации и вместе с тем предложить читателю увлекательный рассказ о возможном будущем в технотронном обществе, она не может не быть внутренне противоречивой и амбивалентной. Соответственно, и реакция на нее демонстрирует очевидную разноречивость оценок и интерпретаций – от заведомо позитивных и восторженных до скептических и откровенно негативных.

И все же Ю. Н. Харари нельзя отказать в определенной прозорливости и прогностической интуиции. Пытаясь заглянуть в стремительно приближающееся будущее, многие страницы своих книг он посвящает советам и назиданиям, которые адресует будущим поколениям. Поскольку уже через 30 лет, считает он, непредсказуемость мира и темпы его изменения радикально возрастут, важно будет не только аккумулировать и хранить информацию, но и адекватно ее понимать и креативно преобразовывать. Новые условия жизни заставят человека постоянно перепрограммировать себя и собственную деятельность, искать новую идентичность. Уже в самом ближайшем будущем оригинальность станет нормой, а гибкость мышления – ключевым навыком. При этом любой опыт перестанет быть релевантным и гарантировать жизненный успех. Конечно, такой прогноз сулит человечеству не только радужные перспективы в облике *homo deus*, но и очевидные вызовы, угрозы и испытания.

Осознавая драматическую диалектику истории в ее будущем воплощении религии датаизма, Ю. Н. Харари в определенной мере изменяет своему оптимистическому мировосприятию и не исключает того, что в грядущем обществе риска человек будет вынужден уступить место бурно прогрессирующему искусственному интеллекту. «Созданные нами же критерии спишут нас в вечность следом за мамонтами и китайскими речными дельфинами. И задним числом выяснится, что человечество было просто пеной в бурлящем космическом потоке данных» [4, с. 463].

Заключение

В результате исследования можно зафиксировать следующие выводы.

- В отличие от доминирующих в публичном пространстве форм и жанров обсуждения опубликованных книг и изложенных в них идей Ю. Н. Харари в данной статье представлена попытка философско-концептуальной реконструкции его творческой эволюции. При этом основное внимание уделено анализу концепции макроистории израильского ученого. Раскрыты истоки и причины феномена беспрецедентной популярности как личности Ю. Н. Харари, так и его взглядов на исторический процесс и современные трансформации в структуре техногенной цивилизации. Также отмечена известная дивергенция в оценках его творчества, когда речь идет о реакции на него представителей академического сообщества – историков, философов, политологов и других специалистов. Успех и небывалая популярность Ю. Н. Харари во многом объясняются той формой диалога, которую он предлагает массовому читателю, а также ярким образным языком и жанровым своеобразием его основных публикаций.

- Для корректного и адекватного понимания большинства идей и гипотез, представленных современному читателю в книгах и публичных выступлениях Ю. Н. Харари, важно изучить основные этапы его личностной и профессиональной эволюции. Данные этапы в значительной мере повлияли на становление израильского историка как исследователя эпохи постсовременности с ее радикальными трансформациями в науке, культуре и образе жизни глобализирующегося социума.

- Выявление наиболее значимых и содержательно референтных положений концепции макроистории Ю. Н. Харари предполагает рассмотрение и контекстуальный анализ ее основных тематических при-

ритетов. Среди них необходимо выделить следующие: а) вычленение и обоснование трех глобальных проблем прошлой истории, к которым Ю. Н. Харари относит голод, мор и войну; б) весьма произвольную констатацию с последующим тенденциозным обоснованием таких метафизических целей, как бессмертие, счастье и божественность, в качестве важнейших задач цивилизации будущего; в) рассмотрение перспектив и вызовов проекта трансформации *homo sapiens* в *homo deus*; г) анализ исторической судьбы гуманизма и либерализма как непреложных ценностей прошлого этапа цивилизационной динамики, а также перспектив гуманистической революции, результатом которой станет утверждение социальных и этических норм технотунизма и датаизма. В данной статье каждый из этих тематических приоритетов макроисторической теории Ю. Н. Харари получил развернутое рассмотрение.

- Важным и принципиально значимым аспектом концепции макроистории Ю. Н. Харари является его достаточно амбициозная претензия заглянуть в стремительно приближающееся будущее и предложить свою версию цивилизационного прогноза. Однако она оказывается весьма уязвимой, поскольку основывается на безапелляционном доверии израильского историка к методологии сциентизма и технократизма, объяснительный и прогностический потенциал которых уже неоднократно был подвергнут справедливой критике. К тому же предложенная читателю экзотическая версия прогноза Ю. Н. Харари вынуждает его в итоге изменить своему оптимистическому мировосприятию и признать, что грядущие испытания эпохи постчеловека, воплотившись в датаистской идее: «Человеческий организм – это алгоритмы», – навсегда покончат с мифологическим образом человека как венца творения.

Библиографические ссылки

1. Harari YN. *Homo deus. A brief history of tomorrow*. London: Penguin Random House; 2016. 514 p.
2. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Геистальт и действительность*. Москва: Мысль; 1993. 663 с.
3. Parker I. The really big picture. *The New Yorker*. 2020. February 17–24. p. 48–59.
4. Харари ЮН. *Homo deus. Краткая история будущего*. Москва: Синдбад; 2018. 496 с.
5. Поппер К. *Логика и рост научного знания. Избранные работы*. Москва: Прогресс; 1983. 606 с.
6. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2016. 520 с.
7. Harari YN. *21 lessons for the 21st century*. London: Penguin Random House; 2019. 417 p.
8. Drew J. Yuval Noah Harari. *Sapiens. A brief history of humankind*. *Comparative Civilizations Review* [Internet]. 2019 [cited 2022 August 12];80:142–148. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol80/iss80/12>.
9. Van Niekerk AA. Building the future in the 21st century: in conversation with Yuval Noah Harari. *Theological Studies* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 12];76(1). Available from: <https://hts.org.za/index.php/hts/article/view/6058/16608>.
10. Popper KR. *The poverty of historicism*. London: Routledge; 1957. 166 p.
11. Krzanowski R. To be or not to be Yuval Noah Harari's *Homo deus*. *Philosophical Problems in Science*. 2018;64:248–251.
12. Al-Amoudi I. Book review. *Homo deus. A brief history of tomorrow*. *Organization Studies*. 2018;39(7):995–1002.

References

1. Harari YN. *Homo deus. A brief history of tomorrow*. London: Penguin Random House; 2016. 514 p.
2. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 1. Geshtal't i deistvitel'nost'* [The decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Volume 1. Gestalt and reality]. Moscow: Mysl'; 1993. 663 p. Russian.
3. Parker I. The really big picture. *The New Yorker*. 2020. February 17–24. p. 48–59.
4. Harari YN. *Homo deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo deus. A brief history of tomorrow]. Moscow: Sindbad; 2018. 496 p. Russian.
5. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works]. Moscow: Progress; 1983. 606 p. Russian.
6. Harari YN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A brief history of humankind]. Moscow: Sindbad; 2016. 520 p. Russian.
7. Harari YN. *21 lessons for the 21st century*. London: Penguin Random House; 2019. 417 p.
8. Drew J. Yuval Noah Harari. Sapiens. A brief history of humankind. *Comparative Civilizations Review* [Internet]. 2019 [cited 2022 August 12];80:142–148. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol80/iss80/12>.
9. Van Niekerk AA. Building the future in the 21st century: in conversation with Yuval Noah Harari. *Theological Studies* [Internet]. 2020 [cited 2022 August 12];76(1). Available from: <https://hts.org.za/index.php/hts/article/view/6058/16608>.
10. Popper KR. *The poverty of historicism*. London: Routledge; 1957. 166 p.
11. Krzanowski R. To be or not to be Yuval Noah Harari's Homo deus. *Philosophical Problems in Science*. 2018;64:248–251.
12. Al-Amoudi I. Book review. Homo deus. A brief history of tomorrow. *Organization Studies*. 2018;39(7):995–1002.

Статья поступила в редколлегию 04.05.2022.
Received by editorial board 04.05.2022.

НОМЕНКЛАТУРА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ АГЕНТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА ГЕНРИХА VII

Д. В. МАЗАРЧУК¹⁾

¹⁾Университет НАН Беларуси, ул. Радиальная, 38б, 220070, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты анализа использования дипломатической номенклатуры в период правления Генриха VII. Выделены 12 терминов для обозначения английских послов, при этом определены пять терминов, которые употреблялись наиболее часто. Отмечается, что дипломатическая номенклатура была упорядочена слабо, терминология не отражала функциональные обязанности направлявшихся в миссии лиц. Исключением являлись миссии по получению полагающихся по договору с Францией денежных выплат. Процесс унификации дипломатической номенклатуры нашел отражение в использовании устойчивых формул в текстах посольских доверенностей. На основании анализа дипломатической номенклатуры сделан вывод о том, что на рубеже XV–XVI вв. иерархия послов не сложилась.

Ключевые слова: Англия; Генрих VII; дипломатия; посол; прокуратор; *ambaxiator*.

Благодарность. Работа выполнена в рамках темы «Английская дипломатия в контексте международных отношений конца XV – первой половины XVI в.» (№ 20211387 от 17 мая 2021 г.) подпрограммы «История» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

НАМЕНКЛАТУРА ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ АГЕНТАЎ ЯК КРЫЊІЦА ПА ГІСТОРЫІ АНГЛІЙСКАГА ДЫПЛАМАТЫЧНАГА КОРПУСУ ГЕНРЫХА VII

Д. В. МАЗАРЧУК^{1*}

^{1*} Універсітэт НАН Беларусі, вул. Радзьяльная, 38б, 220070, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены вынікі аналізу выкарыстання дыпламатычнай наменклатуры ў перыяд праўлення Генрыха VII. Вылучаны 12 тэрмінаў для пазначэння англійскіх амбасадараў, пры гэтым адзначаны пяць тэрмінаў, якія выкарыстоўваліся найболей часта. Адзначаецца, што дыпламатычная наменклатура была ўпарадкавана слаба, тэрміналогія не адлюстроўвала функцыянальныя абавязкі асоб, якія накіроўваліся ў місіі. Выключэннем з'яўляліся місіі па атрыманні грашовых выплат па дагаворы з Францыяй. Працэс уніфікацыі дыпламатычнай наменклатуры знайшоў адлюстраванне ў выкарыстанні ўстойлівых формул у тэкстах пасольскіх даверанасцей. На падставе аналізу дыпламатычнай наменклатуры зроблена выснова аб тым, што на мяжы XV–XVI стст. іерархія паслоў не сфарміравалася.

Ключавыя словы: Англія; Генрых VII; дыпламатыя; амбасадар; пракуратар; *ambaxiator*.

Падзяка. Работа выканана ў рамках тэмы «Англійская дыпламатыя ў кантэксце міжнародных адносін канца XV – першай паловы XVI ст.» (№ 20211387 ад 17 мая 2021 г.) падпраграмы «Гісторыя» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Мазарчук ДВ. Номенклатура дипломатических агентов как источник по истории английского дипломатического корпуса Генриха VII. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;4:28–34. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-28-34>

For citation:

Mazarchuk DV. The nomenclature of diplomatic agents as a source on the history of the English diplomatic corps of Henry VII. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;4:28–34. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-28-34>

Автор:

Дмитрий Валерьевич Мазарчук – кандидат исторических наук, доцент; проректор по научной и методической работе.

Author:

Dmitry V. Mazarchuk, PhD (history), docent; vice-rector for scientific and methodological work. bande_nere@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3023-2932>

THE NOMENCLATURE OF DIPLOMATIC AGENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE ENGLISH DIPLOMATIC CORPS OF HENRY VII

D. V. MAZARCHUK^a

^a*University of the National Academy of Sciences of Belarus, 38b Radyjlnaja Street, Minsk 220070, Belarus*

The results of the analysis of the use of diplomatic nomenclature during the reign of Henry VII are presented. A total of 12 terms were identified, of which 5 were the most commonly used to refer to English ambassadors. The diplomatic nomenclature was poorly ordered, the terminology did not reflect the specific functional duties of the persons sent to the mission. The only exceptions were missions to receive cash payments due under an agreement with France. At the same time, the process of unification of the diplomatic nomenclature began, which was reflected in the use of stable formulas in the texts of ambassadorial powers of attorney. Based on the analysis of the diplomatic nomenclature, a conclusion was made about the fact that at the turn of the 15th–16th centuries ambassador hierarchy.

Keywords: England; Henry VII; diplomacy; ambassador; procurator; *ambaxiator*.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the theme «English diplomacy in the context of international relations at the end of the 15th – the first half of the 16th century» (No. 20211387 dated 2021 May 17) of the sub-program «History» of the state research program «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025.

Введение

Целью статьи является ввод в научный оборот номенклатуры английских дипломатических агентов первых и средних Тюдоров как источника по истории дипломатического корпуса Генриха VII. Актуальность статьи заключается в необходимости составить базу данных английских послов Генриха VII. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: составить полный список номенклатуры дипломатических агентов Генриха VII, выделить закономерности употребления наименования дипломатических агентов Генриха VII, выявить генеалогию использования дипломатической терминологии, проследить отражение иерархии дипломатических агентов в терминологии, выявить корреляции между дипломатическими терминами и функционалом послов, проследить эволюцию применения дипломатической терминологии.

В настоящее время в историографии сформировался следующий консенсус: о сложившейся строгой номенклатуре и иерархии дипломатов можно говорить применительно к периоду не ранее XVIII в. Это мнение нашло отражение как в недавних исследо-

ваниях по истории дипломатии [1, р. 757–758], так и в обобщающих трудах учебного характера [2, р. 69].

Вместе с тем использование терминов, связанных с обозначением дипломатической деятельности, в документации, письмах или нарративных памятниках имело историческую подоплеку. На процесс формирования общепринятой терминологии оказывали влияние этимология основных понятий, генезис словоупотребления, частотность и другие факторы. По этой причине исследование истории западноевропейской дипломатии середины XV – XVII в. требует пристального внимания к вопросам номенклатуры дипломатических агентов [3, с. 50].

Анализ терминологии доверенностей послов может расширить знания по истории английской дипломатии конца XV – начала XVI в., в частности дать ответы на вопросы о том, какие термины использовались для обозначения дипломатов, существовала ли иерархия терминов, отражавшая иерархию дипломатов, а также о том, была ли связь между употребляемыми терминами и функционалом дипломатов.

Методология исследования

Исследование включало подготовку базы данных послов Генриха VII. Первым шагом в этой работе являлось составление перечня дипломатических миссий, направленных монархом. Перечень был составлен на основании анализа доверенностей (полномочий), определявших имена послов, направление и задачи их миссии. Одним из элементов структуры доверенности является диспозиция, первая часть которой содержит перечень титулов направляемых послов (вторая часть диспозиции определяет их полномочия) [4, р. 44–45].

В качестве основного источника настоящего исследования выступает собрание английских дипломатических документов, подготовленное жившим в эпоху Реставрации антикваром Т. Раймером. Это коллекция публичных актов, заключенных английскими королями с императорами, королями, понтификами, князьями и республиками. Текст содержащихся в собрании документов приведен на латинском языке. В статье использовались данные в основном из третьего издания коллекции Т. Раймера [5]. Своего рода путеводителем по монумент-

тальному труду антиквара служил изданный в XIX в. англоязычный силлабус [6]. Особенности составления данного собрания документов не позволяют ему выступать в качестве полноценного источника сведений для реконструкции истории английской дипломатии более позднего времени. Коллекция практически не содержит доверенностей английских послов после 1509 г. Применительно к периоду правления Генриха VII она является самым полным собранием полномочий его послов.

Необходимые для настоящего исследования сведения содержатся в третьей и четвертой частях

пятого тома собрания Т. Раймера [5]. В них присутствует информация о более чем 70 миссиях за рубежом, 59 из которых являются дипломатическими. К недипломатическим были отнесены те миссии, целями которых выступали получение подписанных текстов межгосударственных договоров (их ратификаций), переговоры с иностранными послами на английской территории, получение от иностранных правительств полагающихся выплат. Критерии отнесения миссий к дипломатическим либо к недипломатическим рассматривались в другой работе автора [3, с. 50].

Результаты и их обсуждение

В подавляющем большинстве (51) отобранных доверенностей послами назначали двух или более человек. Направление нескольких равноправных членов посольства было обычной практикой в период Средневековья и раннего Нового времени. Коллегиальности состава того или иного посольства соответствовала множественность терминов (до семи), которыми в тексте одной доверенности обозначались послы. Для дипломатических миссий, осуществлявшихся с 3 декабря 1485 г. по 11 апреля 1507 г., выделены 12 терминов, три из которых являются гапаксами соответствующего раздела собрания Т. Раймера. В среднем на одно посольство приходилось 4,8 термина (в тексте одной доверенности).

Данные о частотности использования различных терминов в доверенностях приведены в таблице. Помимо общего количества упоминания тех или иных терминов, в таблице нашло отражение и количество случаев их употребления на первом месте при упоминании должностей. Поскольку в одном случае в тексте документа два термина указаны как синонимы (*orator sive nuncius*), а другие отсутствуют, оба термина посчитаны как употребленные на первом месте при упоминании должностей. Поэтому при общем количестве документов – 59 – в таблице представлено 60 случаев употребления терминов на первом месте при упоминании должностей.

Частотность использования дипломатической номенклатуры в период правления Генриха VII

Frequency of use of the diplomatic nomenclature during the reign of Henry VII

№ п/п	Термин	Количество упоминаний	Доля от общего количества упоминаний, %	Количество упоминаний на первом месте	Доля от количества упоминаний на первом месте, %
1	<i>Commissarius</i>	56	19,7	24	40,0
2	<i>Procurator</i>	47	16,6	6	10,0
3	<i>Orator</i>	45	15,9	16	27,0
4	<i>Nuncius specialis</i>	44	15,5	0	0,0
5	<i>Deputatus</i>	41	14,4	0	0,0
6	<i>Legatus</i>	26	9,2	4	7,0
7	<i>Ambassador</i>	10	3,5	8	13,0
8	<i>Nuncius generalis</i>	7	2,5	0	0,0
9	<i>Nuncius</i>	5	1,8	1	1,5
10	<i>Actor</i>	1	0,3	1	1,5
11	<i>Attornatus</i>	1	0,3	0	0,0
12	<i>Factor</i>	1	0,3	0	0,0
Всего		284	100,0	60	100,0

По результатам анализа частотности использования термины, обозначающие послов, можно разделить на три группы. Первая группа представлена одним термином – *commissarius*. Он не только наи-

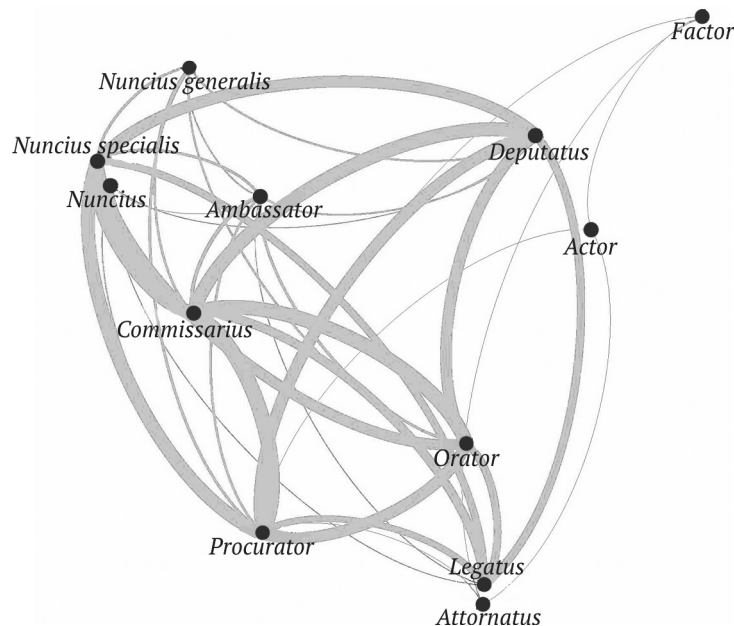
более часто использовался для указания дипломатов Генриха VII, но и в почти половине (40 %) случаев ставился составителями доверенностей в начало перечня таких обозначений.

Вторая группа включает четыре термина: *procurator*, *orator*, *nuncius specialis*, *deputatus*. Каждый из них употреблялся в анализируемом документальном корпусе реже, чем термин *commissarius*. В совокупности эта группа занимает почти две трети (62,4 %) позиций от общего количества использованной терминологии.

Как было отмечено, указанные термины, как правило, употреблялись в сочетании с другими. В це-

лях визуализации информация представлена в виде графа связей (рисунок). Чаще всего встречаются следующие пары сочетаний терминов:

- *commissarius* – *procurator* (45 раз);
- *commissarius* – *orator* (43 раза);
- *commissarius* – *nuncius specialis* (43 раза);
- *commissarius* – *deputatus* (41 раз);
- *procurator* – *nuncius specialis* (40 раз).

Граф связей терминов, обозначающих послов
Graph of connections of terms denoting ambassadors

Таким образом, пять понятий первой и второй групп в совокупности составляют подавляющее большинство (82,1 %) терминов, употребляемых в доверенностях послам Генриха VII. Кроме того, их сочетания образуют самую заметную по количеству употреблений группу. Совместное использование всех терминов первой и второй групп встречается в 23 случаях (38,9 % от общего числа доверенностей), совместное использование четырех из них – в 16 случаях (27,1 %). Это говорит о том, что сочетание терминов *commissarius*, *procurator*, *orator*, *nuncius specialis*, *deputatus* с небольшими вариациями (перемена порядка или пропуск одного или двух понятий) имело формульный характер. К нему прибегали при составлении диспозиции доверенности посла.

При этом в составе формулы наблюдается только одна закономерность – устойчивая тенденция к употреблению термина *commissarius* на первом месте. Действительно, еще Д. Куэллер отметил распространенность этого понятия применительно к наименованию послов в позднее Средневековье, особенно в английской дипломатической документации [7, р. 68]. Большинство исследователей считают его одним из многих обозначений посла – синонимом понятий из второй группы [7, р. 57–58; 8, р. 207–208; 9, р. 154].

Однако в контексте формулы диспозиции доверенности посла этот термин не являлся простым синонимом дефиниций *procurator*, *orator* и др. Семантика термина *commissarius* имеет более общее значение: «человек, выполняющий поручение» (*commissio* ‘поручение, полномочие’) [10, р. 217]. На основании этого можно предположить, что он не использовался для обозначения послов. Его размещение на первом месте формулы указывает на общее правомочие выступать по поручению суверена. Прочие термины вводной формулы уточняли суть поручения и полномочий указанных в доверенности лиц, фактически раскрывали дипломатический характер полученной комиссии. В пользу данного предположения говорит и то, что понятие *commissarius* широко использовалось в государственных документах недипломатического характера (например, в доверенностях на получение денежных выплат).

Следует обратиться к анализу семантики понятий из второй группы. В средневековой латыни существительные *deputatus*, *nuncius*, *procurator* являются производными от глаголов, имеющих близкие значения: «представлять», «делегировать», «замещать», «отстаивать» [10, р. 322, 724, 857]. Эти термины использовались для обозначения посланников достаточно давно. Наиболее употребительными в Средние

века были термины *nuncius* и *procurator*. Термин *nuncius* вошел в широкое употребление в Западной Европе в XII в. и обозначал лиц, передававших устные или письменные послания от своего суверена. Поскольку нунции символически представляли направи́вшее их лицо, во многих случаях им доверяли вести переговоры, заключать договоры, мирные соглашения и брачные альянсы, выполнять другие поручения [7, р. 3–4, 25, 225; 11, р. 26–27; 12, р. 294–295]. Несмотря на это, «основной функцией нунция была доставка послания» [7, р. 13].

Понятие *procurator* получило распространение со второй половины XII в. и отражало наличие у лица *plena potestas* ‘полнота власти’ (понятие заимствовано из римского вещного права). Обладая им, прокуратор (проктор) мог самостоятельно вести переговоры с зарубежными правительствами так, как если бы их вел его собственный суверен. Термин *procurator* дополнял более раннее понятие *nuncius*, в какой-то степени придя ему на смену. Вместе с тем слово *procurator* не содержало тех смыслов репрезентативности, которые были связаны с функционалом нунция и позволяли последнему выполнять церемониальные обязанности [7, р. 26–27, 37–39, 226; 13, р. 213]. Считается, что именно полномочия прокуратора стали основой для формирования представлений о резидентном после Нового времени [7, р. 30; 14, р. 96–99; 15, р. 423–439].

Этимология лишь одного из приведенных терминов – *orator* – указывает на функцию публичного выступления [10, р. 742–743]. Применительно к послам это слово из классической латыни вошло в обиход в эпоху Возрождения с развитием ритуальной и церемониальной стороны дипломатической деятельности [12, р. 294–295].

Содержание понятий второй группы было одинаковым и заключалось в наименовании посланника, который представлял личность направи́вшего его суверена. С учетом отсутствия строгого порядка расположения указанных терминов в составе формулы можно сделать вывод об их синонимичности и равнозначности в канцелярском языке рубежа XV–XVI вв. Четыре термина второй группы использовались в комплексе либо в качестве синонимов, либо для отражения различных прерогатив должности посла английского монарха.

С одной стороны, комплексность формул в доверенностях послов и вариативность в употреблении наименований послов или посланников характерны уже для раннего Средневековья и были широко распространены позднее [4, р. 51–52; 7, р. 4–5]. По меткому замечанию Д. Куэллера, в Средние века превалировала доктрина, ярко выраженная словами декреталиста второй половины XIII в. Э. да Сузы (Гостиенса): «Мы не даем большой власти именам, поскольку, невзирая на то, зовется кто-либо прокуратором, либо синдиком, либо экономом, либо

ослом, или даже если не выражено никакого имени, это не важно»¹ (цит. по [7, р. 34]).

С другой стороны, комплексный характер формул указывает на то, что к концу XV в. изначальные смысловые оттенки различных терминов оказались забыты. Термины второй группы превратились в универсальные наименования послов, а их комплексное использование в формуле объясняется необходимостью риторического усиления. Множество понятий дополняли друг друга, поэтому работники канцелярий раз за разом воспроизводили в дипломатических документах избыточность терминологии [7, р. 34; 12, р. 297; 14, р. 86–87], примером чего являются проанализированные доверенности послов Генриха VII. Подобная избыточность опровергает предположение о существовании в это время иерархии послов. Данное заключение совпадает с выводом Ш. Жири-Делуасона, сделанное им в результате исследования номенклатуры английских и французских послов в 1475–1520 гг. [4, р. 52].

В третью группу включены три термина, занимающие в совокупности менее 10 % от общего количества случаев употребления. Их можно отнести ко второстепенным или к редким наименованиям послов, по крайней мере в данном регионе и в данный промежуток времени.

Примечательно, что в эту группу попало понятие *ambassador*, которое с начала XVI в. стало в Западной Европе основным наименованием для послов светских государств, вытеснив более распространенные ранее формы *orator* и *legatus*. Термин *ambassador* (первоначально *ambaxiator*) имеет самую короткую историю, поскольку вошел в широкое употребление только в XV в., хотя применялся и ранее (в Англии известен с 1300 г.) [9, р. 153]. Его использовали для обозначения дипломатических агентов высокого ранга, постепенно он стал общепринятым наименованием резидентных послов [7, р. 60–61, 226; 11, р. 26; 12, р. 303–308]. По оценке Ш. Жири-Делуасона, после 1510 г. этот термин чаще других употреблялся для обозначения английских и французских послов [4, р. 51; 8, р. 208].

Термин *legatus* – один из самых ранних и восходит еще к эпохе Меровингов [16, S. 167]. Понятие было достаточно широко распространено в Средние века, но исчезло из дипломатической номенклатуры светских государств к концу XV в. [8, р. 208; 12, р. 297–298]. Наименование *nuncius generalis* является производным от *nuncius*, поэтому не рассматривается в статье отдельно (как и *nuncius specialis*).

За пределами выделенных трех групп находятся редкие термины, упоминавшиеся лишь по одному разу. Все они хорошо известны исследователям дипломатической терминологии Средневековья. По мнению Д. Куэллера, наименования *actor*, *attornatus* и *factor* относятся к редко встречающимся синонимам термина «прокуратор» [7, р. 32–34]. Со

¹Перевод наш. – Д. М.

вторым из них (*attorney*) этимологически связано обозначение ряда должностей в англо-саксонской семье права. Помимо средневековой Англии, это понятие использовалось во Фландрии и Брабанте.

Можно сделать вывод об отсутствии в дипломатических документах строгой иерархии терминов для наименования послов. Частое участие в одном посольстве лиц разного социального ранга (лорды, джентри, клирики и др.), обозначавшихся одними и теми же терминами, свидетельствует также об отсутствии иерархии послов в период правления Генриха VII. Все входившие в посольство лица формально обладали равными полномочиями, но на практике их социальный статус мог определять разные роли при выполнении стоявших перед миссией задач.

Таким образом, на рубеже Средневековья и Нового времени в английской практике отношений с другими государствами основным являлось разграничение между дипломатическими и недипломатическими миссиями, а также между выполнявшими их лицами. В исследованном документальном корпусе (к правлению Генриха VII в собрании Т. Раймера относятся 525 документов) содержится информация о недипломатических поручениях по получению договорных выплат, доставке посланий и прочих комиссиях, не основанных на полноте власти.

Следует учесть, что, поскольку номенклатура дипломатических агентов в Англии раннего Нового времени была унаследована из средневековой практики, ее применение не отличалось последовательностью. В частности, нунции часто сохраняли средневековое значение простых передатчиков посланий [9, p. 152–154; 17, p. 106].

При отсутствии дипломатических рангов невозможно говорить об устойчивой связи между наименованиями дипломатических агентов и определенными функциональными обязанностями. Единственным

исключением является термин *commissarius*, указывавший на факт королевского поручения (любого свойства) и поэтому находившийся на первом месте в перечне терминов для обозначения послов.

Между тем связь между обозначением субъектов миссии и их обязанностями прослеживается по крайней мере в одной разновидности недипломатических миссий. Речь идет о поручении (зафиксированном в доверенности) на получение выплат от французской короны, полагавшихся английскому королю по соглашениям в Пикиньи (1475) и Этапле (1492). В корпусе дипломатических текстов, относящихся к периоду правления Генриха VII, содержатся девять доверенностей агентам на получение таких выплат.

Во всех этих документах лица, направляемые для выполнения королевского поручения, названы одними и теми же терминами, которые расположены в одинаковой последовательности. Диспозиция девяти проанализированных доверенностей содержит следующую устойчивую формулу: *commissarius, procurator, factor, negotium gestor, receptor, deputatus* [5, p. 62–63, 71, 101, 124–125, 130–131, 144, 150–151, 158, 183].

Терминология указанных девяти доверенностей частично совпадает с терминологией доверенностей послов, но два термина (*negotium gestor, receptor*) являются уникальными, а один (*factor*) – встречается в номенклатуре послов лишь однажды. В отличие от наименования *factor* ‘представитель’ первые два термина прямо указывают на финансовый характер полученного поручения [10, p. 717, 886]. По-видимому, приведенная формула является единственным примером специального употребления дипломатической терминологии в период правления Генриха VII, хотя и применительно к недипломатической по своему характеру миссии.

Заключение

В конце XV – начале XVI в. в английской дипломатической практике для обозначения послов использовались несколько равнозначных терминов: *procurator, orator, nuncius, deputatus*. Эти термины употреблялись в текстах посольских доверенностей в виде устойчивых формул, включавших комплекс основных терминов с вариациями (перемена порядка или пропуск понятий). С учетом смешанного социального состава многих посольств и отсутствия строгой номенклатуры для наименования их представителей можно сделать вывод о том, что на рубеже XV–XVI вв. иерархия послов не сложилась.

В конце XV – начале XVI в. происходил постепенный процесс унификации дипломатической но-

менклатуры. Пережитком прежнего разнообразия терминологии являлась устойчивая формула обозначения должностных лиц, получивших поручение принять полагающиеся по договору с Францией денежные выплаты.

К сожалению, специфика собрания документов Т. Раймера не позволяет получить информацию, достаточную для анализа дипломатической номенклатуры последующих английских королей династии Тюдоров. По этой причине количественный анализ дипломатической номенклатуры Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии I в целях выявления тенденций ее использования на протяжении длительного периода пока невозможен.

Библиографические ссылки / References

1. Fedele D. Naissance de la diplomatie moderne (XIIIe–XVIIe siècles). *L'ambassadeur au Croisement du Droit, de l'Éthique et de la Politique*. Baden-Baden: Nomos Verlag; 2017. 846 p.
2. Hamilton K, Langhorne R. *Practice of diplomacy. Its evolution, theory and administration*. 2nd edition. London: Routledge; 2011. 328 p.

3. Mazarchuk DV. Diplomatic nomenclature and ranks during the Early Modern period: historiography and research perspectives. *Journal of International Law and International Relations*. 2021;4:47–51. Russian.
4. Giry-Deloison C. La naissance de la diplomatie moderne en France et en Angleterre au début du XVIe siècle (1475–1520). *Nouvelle Revue du Seizieme Siècle*. 1987;5:41–58.
5. Rymer T, editor. *Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates...* Volume 5.4. 3e édition. Hagae: Apud Johannem Neaulme; 1741. 269 p.
6. Hardy ThD, editor. *Syllabus (in English) of the documents relating to England and other kingdoms contained in the collection known as «Rymer's Foedera»*. Volume 2. 1377–1654. London: Longman and Co; 1873. 915 p.
7. Queller DE. *The office of ambassador in the Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press; 1967. 251 p.
8. Giry-Deloison C. Le personnel diplomatique au debut du XVIe siecle. L'exemple des relations franco-anglaises de l'avenement de Henry VII au camp du drap d'or (1485–1520). *Journal des Savants*. 1987;3-4:205–253.
9. Chaplais P. *English diplomatic practice in the Middle Ages*. London: Palgrave; 2003. 277 p.
10. Niermeyer JF. *Mediae latinitatis lexicon minus*. Leiden: Brill; 1976. 1138 p.
11. Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. New York: Dover Publications; 1988. 284 p.
12. Maulde La Clavière de RAM. *La Diplomatie au temps de Machiavel. Volume 1*. Paris: Ernest Leroux; 1892. 465 p.
13. Queller DE. Thirteenth century diplomatic envoys: nuncio and procuratores. *Speculum*. 1960;35:196–213.
14. Cuttino GP. *English Diplomatic Administration 1259–1339*. Oxford: Clarendon press; 1940. 280 p.
15. Mattingly G. The first resident embassies: Medieval Italian origins of modern diplomacy. *Speculum*. 1937;12:423–439.
16. Ganshof FL. Merowingisches Gesandtschaftswesen. In: Bader KS, compiler. *Aus Geschichte und Landeskunde. Forschungen und Darstellungen. Franz Steinbach zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden und Schülern*. Bonn: Röhrscheid Verlag; 1960. S. 166–183.
17. Bombi B. *Anglo-Papal relations in the early fourteenth century. A study in Medieval diplomacy*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 288 p.

Статья поступила в редколлегия 01.06.2022.
Received by editorial board 01.06.2022.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПРОСКУРОВЕ В 1917 г.

Э. В. СТАРОСТЕНКО¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Решения съездов военного и морского духовенства, состоявшихся в начале XX в., до настоящего времени остаются малоизученными. Обращаясь к этой теме, исследователи чаще всего сосредотачивают внимание на работе собраний всероссийского значения – Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства (июль 1914 г., Петроград) и Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства (июль 1917 г., Могилёв). Однако важную роль в истории института военных священников в 1917 г. сыграли и фронтовые съезды, которые состоялись на Юго-Западном (5–7 мая 1917 г.), Западном (24–28 мая 1917 г.), Румынском (25 июня 1917 г.) и Северном (26–28 июня 1917 г.) фронтах. В исследовании рассмотрена работа первого из них – Съезда православного военного духовенства Юго-Западного фронта в Проскурове (май 1917 г.), проанализированы основные решения, принятые на нем. Определено отношение военного духовенства к войне, поддержке политических партий, организации культурно-просветительской деятельности. Рассмотрены предложения делегатов по введению выборного начала и реорганизации системы управления священниками, состоящими в ведомстве протопресвитера. Изучен вопрос о совпадении мнения участников съезда в Проскурове с решениями Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства в Могилёве. В ходе исследования были использованы архивные документы и материалы периодической печати, в частности документы из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге: протоколы заседаний Съезда православного военного духовенства Юго-Западного фронта, резолюции протопресвитера на решения съезда, протоколы заседаний Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства.

Ключевые слова: Первая мировая война; православное военное духовенство; Юго-Западный фронт; Февральская революция; фронтовые съезды духовенства.

РАШЭННІ З'ЕЗДА ПРАВАСЛАЎНАГА ВАЕННАГА ДУХАВЕНСТВА ПАЎДНЁВА-ЗАХОДНЯГА ФРОНТУ Ў ПРАСКУРАВЕ Ў 1917 г.

Э. В. СТАРАСЦЕНКА^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Рашэнні з'ездаў ваеннага і марскога духавенства, якія адбыліся ў пачатку XX ст., да гэтага часу застаюцца малавывучанымі. Звяртаючыся да гэтай тэмы, даследчыкі часцей за ўсё засяроджваюць увагу на рашэннях з'ездаў усерасійскага значэння – Першага Усерасійскага з'езда ваеннага і марскога духавенства (ліпень 1914 г., Петраград) і Другога Усерасійскага з'езда ваеннага і марскога духавенства (ліпень 1917 г., Магілёў). Аднак важную ролю ў гісторыі інстытута ваенных святароў у 1917 г. адыгралі і франтавыя з'езды, якія адбыліся на Паўднёва-Заходнім

Образец цитирования:

Старостенко ЭВ. Решения Съезда православного военного духовенства Юго-Западного фронта в Проскурове в 1917 г. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;4:35–42 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-35-42>

For citation:

Starostenko EV. Decisions of the Congress of the Orthodox military clergy of the Southwestern front in Proskurov in 1917. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;4:35–42.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-35-42>

Автор:

Элеонора Викторовна Старостенко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории и философии историко-филологического факультета.

Author:

Eleonora V. Starostenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of history and philosophy, faculty of history and philology.
eleonorastarostenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2864-7928>

(5–7 мая 1917 г.), Заходнім (24–28 мая 1917 г.), Румынскім (25 чэрвеня 1917 г.) і Паўночным (26–28 чэрвеня 1917 г.) франтах. У даследаванні разглядаецца праца першага з іх – 3-я з’езда праваслаўнага ваеннага духавенства Паўднёва-Заходняга фронту ў Праскураве (май 1917 г.), аналізуюцца асноўныя рашэнні, прынятыя на ім. Вызначаецца стаўленне ваеннага духавенства да вайны, падтрымкі палітычных партый, арганізацыі культурна-асветніцкай дзейнасці. Разгледжаны прапановы дэлегатаў па ўвядзенні выбарчага пачатку і рэарганізацыі сістэмы кіравання святарамі, якія знаходзіліся ў ведамстве протапрэсвітэра. Дзецца адказ на пытанне аб супадзенні меркавання ўдзельнікаў з’езда ў Праскураве з рашэннямі Другога Усерасійскага з’езда ваеннага і марскога духавенства ў Магілёве. Падчас даследавання былі выкарыстаны архіўныя дакументы і матэрыялы перыядычнага друку, у прыватнасці дакументы з фондаў Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў Санкт-Пецярбургу: пратаколы пасяджэнняў 3-я з’езда праваслаўнага ваеннага духавенства Паўднёва-Заходняга фронту, рэзалюцыі протапрэсвітэра на рашэнні з’езда, пратаколы пасяджэнняў Другога Усерасійскага з’езда ваеннага і марскога духавенства.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; праваслаўнае ваеннае духавенства; Паўднёва-Заходні фронт; Лютаўская рэвалюцыя; франтавыя з’езды духавенства.

DECISIONS OF THE CONGRESS OF THE ORTHODOX MILITARY CLERGY OF THE SOUTHWESTERN FRONT IN PROSKUROV IN 1917

E. V. STAROSTENKO^a

^a*Mogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

The decisions of the congresses of the military and naval clergy, held at the beginning of the 20th century, remain little studied to this day. Turning to this topic, researchers most often focus on the decisions of congresses of all-Russian significance which is the 1st All-Russian congress of the military and naval clergy (July 1914, Petrograd), less often on the decisions of the 2nd All-Russian congress of the military and naval clergy (July 1917, Mogilev). However, front-line congresses also played an important role in the history of the institute of military priests: they took place in the Southwestern (5–7 May 1917), Western (24–28 May 1917), Romanian (25 June 1917) and Northern (26–28 June 1917) fronts. This article discusses the work of the first of them which is the Congress of the Orthodox military clergy of the Southwestern front in Proskurov in May 1917. The author of the article analyses the main decisions of this congress. The attitude of the military clergy of the front to the war, participation in the political parties, organisation of cultural and educational activities are shown. The proposals of the delegates on the reorganisation of the administration of the department and the introduction of an elective principle are analysed. It is shown whether the opinion of the participants of the congress in Proskurov coincided with the decisions of the 2nd All-Russian congress of the military and naval clergy in Mogilev. The article was prepared on the basis of archival documents and materials of the periodical press. In particular, documents from the funds of the Russian State Historical Archive (Saint Petersburg) such as protocols of the sessions of the Congress of the Orthodox military clergy of the Southwestern front, the resolutions of the protopresbyter on the decisions of the congress, the protocols of the sessions of the 2nd All-Russian congress of the military and naval clergy were used.

Keywords: World War I; Orthodox military clergy; Southwestern front; February revolution; front-line congresses of the clergy.

Introduction

The February revolution made a profound impact on the position of the Orthodox military clergy in the Russian army. The working conditions of military chaplains and the attitude of soldiers to their activities changed. Amid the manifestation of social problems, the rise in political struggle, the intensification of decay in the army, the military clergy faced the need to adjust their work in conformity with the new realities. Indeed, the Provisional government, just like the imperial power, considered the institution of military clergy as one of the tools to leverage the minds of soldiers, their patriotic feelings, discipline, and subordination. In an attempt to reconsider their activities in the army, their own rights and liabilities, the military clergy began to

convene fraternal meetings at the level of garrisons, divisions and armies. However, in order to draft decisions concerning the entire institution, a higher level was required. Therefore, in May – June 1917, front-line congresses of military clergy were organised, and in July 1917 the 2nd All-Russian congress of military and naval clergy was held (after – 2nd All-Russian congress).

The researchers focused primarily on the decisions of the 1st All-Russian congress of military and naval clergy (July 1914, Petrograd, after – 1st All-Russian congress), less frequently they dwelled on the 2nd All-Russian congress (July 1917, Mogilev). Among the authors who devoted their research to the history of these events, the following ones are worth mentioning: V. M. Kotkov,

S. V. Malyshko, E. V. Starostenko, E. V. Isakova [1–9]. In the few studies of the military clergy congresses which were held during World War I, the front congresses of 1917 went unnoticed. Yet they preceded the 2nd All-Russian congress, contributed greatly to the formation of its agenda and influenced the taken decisions. A close scrutiny of the congresses makes it possible to determine what positions the front-line clergy stood on, what differences there were in the views of the priests working on different fronts. On the eve of the 2nd All-Russian congress, the clergy congresses of the Northern (26–28 June 1917), Western (24–28 May 1917), Southwestern (5–7 May 1917) and Romanian (25 June 1917) fronts were held. Also on 9 June, a congress of the military clergy of Petrograd and its environs was held. The Caucasian front was provided with the information too late, so it was not possible to organise the congress. There is no doubt that the most significant among the aforementioned ones is the Congress of the Orthodox military clergy of the Southwestern front in Proskurov (after – Congress in Proskurov). It became a kind of precursor of the 2nd All-Russian congress because the pro-

posal to convene the congress was voiced in Proskurov. Many issues discussed at the Congress in Proskurov entered the agenda of the 2nd All-Russian congress.

The purpose of this article is to establish the features of the work of the Congress in Proskurov. For the attainment of this goal, the following tasks were set: to consider the main decisions of the Congress in Proskurov, to correlate them with the decisions of the 2nd All-Russian congress, to determine the implementation of decisions in practice if possible.

This research has been prepared on the basis of archival materials. Most of the documents were obtained in the event of working with the funds of the Russian State Historical Archive in Saint Petersburg. It's about the fund 806 entitled «Spiritual government under the protopresbyter of the military and naval clergy». The protocols of the sessions of the Congress in Proskurov, the correspondence regarding its organisation, the resolutions of the protopresbyter on the decisions of the congress, the protocols of the sessions of the 2nd All-Russian congress were used. Also the author of the article used materials of the periodical press.

Methodology

In the process of research, the author adhered to the basic principles of scientific research (the principles of historicism, objectivity, consistency, values-based and comprehensive approaches, etc.). In the work, general

scientific and general logical methods, such as analysis, synthesis, induction and deduction were used. Apart from this, special historical methods (problem-chronological, comparative-historical, etc.) were deployed.

Main part

The Southwestern front military clergy congress took place in Proskurov (currently the city of Khmel-nitsky, the regional centre in Ukraine) on 5–7 May 1917. Representatives of the military clergy of the Western and Romanian fronts also took part in it. In total, 43 military priests attended the congress. By rank, most of them were archpriests and priests. By position, they were army headquarters priests, rural deans, ordinary military priests (regimental, hospital, brigade priests). Five meetings were held.

The congress was initiated by the head priest of the Southwestern front. This position was established only during the war under the Regulations on the field command of troops in wartime. All the military clergy serving in the military units and institutions of the Southwestern front were subordinate to the head priest. It is important to note that the Southwestern front had the largest number of military clergy: there were 830 of them in May 1917¹. During World War I, the position of head priest was held by archpriest V. Griftsov. He explained that there was a need for holding a session due to the great historical events that gripped Russia and the necessity to work out a solution to the most

vital issues which emerged in the aftermath of the new socio-political realities: «At present, we have, on the one hand, a cruel enemy seeking our legacy, on the other – a turbulent sea of human passions, striving for new paths leading to a new life; there, on the battlefields – the thunder of guns that decides the outcome of bloody fight, here inside the country we observe different opinions floating around and the struggle for class and estate interests; outside looms the threat of defeat and enslavement, inside there is a threat of anarchy, decay and destruction. Thus, danger is both ahead of us and behind us. This is the reality we face»² (hereinafter translated by us. – E. S.).

At the first session, a discussion on attitudes towards war and peace took place. The relevance of the issue was directly related to the ideological work carried out by the military clergy in the military environment. Indeed, it was in their sermons, teachings, and conversations that they tried to form the «correct» attitude of soldiers to the war. Both before 1917 in imperial Russia, and after February 1917 under the Provisional government, the military clergy supported the policy of the current government [10, p. 63]. The position of the

¹Rus. State Hist. Arch. (RSHA). F. 806. Inv. 5. F. 10392. P. 71.

²Ibid. F. 10140 p. B. P. 62.

Provisional government, in its turn, was well known: waging the war to the victorious end. The protocol contains discourses of individual military priests about the state of the army: they noted a decline in fighting spirit, anti-militaristic sentiments, and unwillingness to fight. Despite that situation, a military priest had to promote the idea of continuing the war. Meanwhile, the proposed argumentation did not differ from the pre-revolutionary one, the only difference being the fact that the call to fight for the tsar was substituted for the call to support the policy of the Provisional government. The delegates claimed that giving up in the middle of the war would be a shame for Russia (archpriest K. Sukhiev), they justified wars from the standpoint of Christianity (as archpriest I. Krylov said, «...a war is not considered a sin if it is fought in defense of the weak and oppressed»)³. It is important to note that interpretations in line with socialist ideas emerge in the rhetoric of the military clergy concerning war and peace. For example, priest I. Yastrubetsky put it this way: «The coup that has occurred in our country should not change the course of the war, for if capital threatens to the principles of socialism, the threat stems from the German capital. We have to fight it in the first place, but the Germans themselves have to fight it as well... The only way out of this kind of situation suggests itself is a war to victory»⁴. In his speech, he also stated that the war was commenced by «...the ruling classes in defense of the bourgeoisie and capital»⁵. Such statements were not typical of the military clergy. However, in 1917 they became quite common.

As a result of the discussion, the delegates agreed that the war was necessary «a) to liberate the subjugated peoples (of Poland, Belgium, Serbia, Montenegro, Romania, Galicia, Ugrian Rus, the occupied provinces of Russia, etc.), b) to vanquish German militarism that endangers the peace of all mankind, c) to consolidate the new state system with the announced principles of political freedom, social justice and the idea of democracy, d) however, war should not pursue annexations and contributions, and e) as for losses, the issue must be resolved at an international congress in conformity with the principle of fair distribution between belligerent and non-belligerent states»⁶. It is interesting to note that it was the Soviets that were in favour of a world without annexations and contributions, and not the Provisional government which determined the country's foreign policy at that time [11, p. 374]. In brief, the resolution was published in the newspaper «Russkie

vedomosti»: «Recognising the war as the greatest disaster, the congress finds that the war must be brought to an end in order to liberate the enslaved peoples and crush German militarism, which is a threat to the whole world»⁷.

Looking ahead, we shall note that this issue was subject to discussion at other front-line congresses of the military clergy. For instance, at the congress in Minsk the clergy of the Western front agreed that the war should be waged until an honorable peace is negotiated and in agreement with the allies, therefore, inactivity is unacceptable [8, p. 28].

Such an important issue as war and the attitude to it was discussed at the 2nd All-Russian congress. The following wording was put to the vote: «War is a non-Christian phenomenon, but in the presence of modern conditions, it is an inevitable evil, just like a struggle for peace; it is necessary to fight against the possibility of its recurrence, and to this end it is necessary to change the moral nature of human beings»⁸. However, this wording sparked a debate. In particular, one of the delegates from the military clergy of the Southwestern front, archpriest I. Krylov, suggested adding the following words: «...under certain conditions, when war is a necessity, a military heroic feat is a truly Christian virtue»⁹. The proposal was included in the final version¹⁰. We see that the decisions of the Congress in Proskurov and the 2nd All-Russian congress differ. The participants of the first congress that was mentioned considered it necessary to focus on the end of World War I, whereas the participants of the latter formulated their attitude to the war in a broader sense.

Investigating the history of the 1917 military clergy congresses, one should admit that the most difficult, sensitive and controversial issue was the one concerning political parties. This relates to the support of certain political forces in the context of the restructuring of the political field in Russia and preparations for the Constituent assembly. The author reckons that the congresses, both front-line and all-Russian ones, failed to reach a consensus on this issue. The problem was rooted in the dual position of a priests, who were both men of the church and a citizen having political rights and civic duty. That complex issue turned into a serious controversy.

The protocols of the Congress in Proskurov contain only the most important of what was said at its sessions. One of the speakers, priest K. Steshenko, stated the need for the church and the clergy to be above parties

³ RSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10392. P. 64.

⁴ Ibid. P. 64 bp.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 65.

⁷ Съезд военного духовенства // Рус. ведомости. 1917. № 111. С. 5.

⁸ RSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10140 p. B. P. 171 bp.

⁹ Ibid. P. 171 bp.

¹⁰ Ibid. P. 171 bp. – 172.

and political convictions, so that the road to the church and the clergy would always be open for leaders with different political views. At the same time, he recognised that as a citizen, and given the prevailing circumstances, when the fate of the state was being decided, a priest had to clearly speak out about the current political situation and fulfill his civic duty by joining certain political groups or movements. When choosing a party, a priest has to be guided by the gospel, the principles of love, equality and goodwill. Archpriest A. Pogodin, the representative of the clergy of the 13th Army corps, claimed that the clergy of the corps expressed their support for the socialist parties, but only in their desire to influence the society morally, rejecting the achievement of goals by violent methods¹¹. Archpriest I. Krylov, the representative of the clergy of the 1st Guards corps, also supported the idea of joining one or another party, fearing that otherwise a priest's voice would not be heard.

The result of the discussion was the following decision: «a) the church of Christ, as a preacher of eternal truths, must stand above any political parties, as they tend to waver and change their platforms and programmes; b) hence, the clergy, as the preacher of these truths, should not be engaged in social and political movements and parties, but c) as citizens expected to participate in state building, in order to fulfill their duty better, they should join (in Russian *присоединиться*) the party the banner of which is illuminated by great slogans such as love, brotherhood, equality, social justice and democracy»¹². The decision of the congress was presented differently in the periodical press. The pages of the newspaper «Russkie vedomosti» reported that the Congress in Proskurov decided that priests should stand outside political parties¹³. It is precisely this position that representatives of the clergy of the front will persistently defend at the 2nd All-Russian congress of the military and naval clergy.

When one analyses the materials of the 2nd All-Russian congress, it becomes obvious that the clergy of the Southwestern front eventually assumed the position of non-participation in the work of political parties despite the use of the word «joining» in the decision of the Congress in Proskurov. In the result of heated discussions at the sessions of the 2nd All-Russian congress, the majority decided that «... a priest, as a citizen who wants to participate in the construction of state and public life, is free to join (in Russian *примыкать*) any of the existing political parties, guided by the pastoral conscience»¹⁴. However, despite the fact that the majority voted in

favour, later some of the congress participants, including representatives of the clergy of the Southwestern front, demanded that the decision should be submitted for re-vote. In particular, R. Prozorovsky, a delegate from the clergy of the Southwestern front, pointed out to the rest of the participants that the adopted resolutions are not actually supported by the majority: «We must not allow a priest to join any political party. On all fronts, the congresses passed resolutions implying that a pastor should not belong to a political party. The resolution of our session is a defamation of the military clergy who do not want partisanship in their work, and a betrayal of those orders that were definitely given to us by the front-line congresses»¹⁵. The controversy revolved around the interpretation of the word «join». The speaker explained that this word does not mean «be part of» (in Russian *примыкать не значит принадлежать*), although at the same time participation in political life is a human civil right, which the congress cannot take away. R. Prozorovsky was joined by another participant of the congress, archpriest A. Pogodin, who declared that a military pastor should be non-partisan, and the congress of the Southwestern front instructed the delegates to support the idea of non-partisanship at the congress. From his point of view, all that is permissible is the fulfillment of civic duty by voting. Archpriest I. Krylov also delegated from the clergy of the Southwestern front spoke out in a similar way: «The congress cannot give a military pastor a blessing to participate in any political party on its own behalf» [6, p. 73]. The result of the debate was the decision to leave the resolution in the form in which it had been voted for. In response, R. Prozorovsky announced a «dissenting opinion» on behalf of a group of delegates (at the 14th session it was handed to the chair of the congress) [6, p. 73].

It is interesting that at the congress the decision on the attitude towards political parties was not classified as one of the decisions to be implemented immediately¹⁶. Despite this the revised text of the decision was placed on the pages of the institution's journal «Church and social thought: a progressive organ of the military and naval clergy»: «...the clergy, as servants of the church, preaching eternal truths must stand above changing politics and any political parties; but being at the same time citizens called upon at the moment to exercise their civil rights, clergymen can join (in Russian *присоединяться*) political parties and support (for example, in the Constituent assembly) those representatives who are fighting for the implementation of Christian principles and the ideas of democracy»¹⁷.

¹¹ RSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10140 p. B. P. 67 bp.

¹² Ibid.

¹³ Съезд военного духовенства // Рус. вед. 1917. № 111. С. 5.

¹⁴ RSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10140 p. B. P. 172 bp.

¹⁵ Ibid. P. 173.

¹⁶ Ibid. V. P. 213.

¹⁷ Всероссийский съезд военного и морского духовенства // Церковно-обществ. мысль. 1917. № 1. С. 35.

Apparently, as a compromise, the word «join» was used, which was contained in the decision of the session of the Southwestern front.

In the new socio-political realities, the issues of cultural and educational activities acquired special significance. Recognising the importance of information campaigns in the new conditions, delegates from the clergy of the Southwestern front discussed methods of working with soldiers. The speaker (priest K. Steshenko) noted the relevance of conducting conversations and readings, in which the events taking place in Russia would be explained from a Christian point of view. It was suggested not to be limited to conversations, but to take care of providing military units with libraries with up-to-date literature. For better organisation of librarianship, it was recommended to organise awareness-raising activities for soldiers. Those proposals were not new: such a practice of the Orthodox military clergy existed even before the revolution. The delegates to the congress supported the report of K. Steshenko, and voted for the military clergy to conduct conversations and readings, giving political education to soldiers (from a Christian point of view)¹⁸. The materials prepared by the publishing commission of the clergy of the Southwestern front had to become an aid in awareness-raising activities. The commission used to publish editions of military-historical content, and from then on began to print works of political content.

The participants of the Congress in Proskurov could not ignore the issue of the electoral process, which was urgent in Russia after the revolution. They agreed that all administrative positions in the institution, from the dean to the protopresbyter, should be occupied by elected candidates. However, the persons who occupy these positions at the moment had to keep them until the end of the war¹⁹. Separately, the congress discussed having protopresbyter G. Shavelsky remain in office. The participants of the congress asked him not to leave his post, and urged the clergy of the front to vote for the current protopresbyter if the election principle was applied. The 2nd All-Russian congress adopted similar decisions, however, at the request of G. Shavelsky, a re-election of the protopresbyter took place in Mogilev, and the post was reserved for him for life [7, p. 144].

The attempt of the congress participants to accept draft instructions for corps, army and front-line clergy committees seems to be of interest. These projects were presented at the 4th session. The corps spiritual committee was to include one representative from each division of this corps, as well as one representative from the clergy of the sanitary units. The tasks of the com-

mittee included working out measures for the development of all aspects of pastoral activity of the clergy, the promotion of organisation, unification and close cohesion of the clergy, and taking care of maintaining their prestige. To attain this, the committee was supposed to organise spiritual and awareness-raising activities in all units of the corps, take care of supplying the clergy with the necessary literature, discuss and solve emerging problems. A special function of the corps committee would be to conduct courts of honor.

According to the project, the structure of the army clergy committee included one representative from each corps committee and one from the committee of institutions and army units that are not part of the corps. The task of this committee was to coordinate the actions of the army clergy. It was to become an advisory body under the priest of the army headquarters.

The front-line clergy committee was to include one elected member from each army committee and one from units and institutions that were not part of the front armies.

The protopresbyter's resolution on the proposed projects was brief: «The matter of corps, army and front-line clergy committees should be considered once again with all caution»²⁰. At the 2nd All-Russian congress, provisions on new positions and councils would be adopted. However, these would be positions and councils for peacetime states (district priests and district presbyter's councils; corps deanery and corps presbyter's councils). The projects proposed by the congress of the clergy of the Southwestern front were not considered in Mogilev.

In addition to organising their own committees, the participants of the congress recognised the need to participate in the work of military committees and councils. The priests of the front were asked to attend the meetings of regimental committees, to delve into their lives and to exert their pastoral influence on the character and direction of their activities in the spirit of the Gospel²¹.

Speaking about the representation of the military clergy in various assemblies, one cannot fail to point out the fact that the delegates from the clergy of the Southwestern front considered it necessary to have their own representative in the Synod, especially in conditions when issues concerning church reorganisation were being raised. The candidacy of protopresbyter G. Shavelsky was proposed for such representation (which he was not happy about, leaving the following comment on the margins of the meeting minutes: «There wouldn't be big damage to spiritual affairs in the army if I had to be torn away from them by making trips to the Synod»²²). We

¹⁸РSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10140 p. B. P. 68 bp.

¹⁹Ibid. P. 69 bp.

²⁰Ibid. P. 74.

²¹Ibid. P. 71.

²²Ibid. P. 70.

have identified a draft telegram (or report) on behalf of the 2nd All-Russian congress with a petition to the Synod to summon the protopresbyter of the military and naval clergy to the Synod for the presence and participation in its meetings²³. At the same time, we note that in the protocols of the 2nd All-Russian congress there is no mention of a discussion of this issue.

In addition to said above, the work of the journal «Bulletin of the military and naval clergy» was discussed at the congress (the press organ of the department was negatively assessed); the work of the publishing commission operating on the Southwestern front received high acclaim. Issues of charity were discussed (in particular, the facilities of the sanatorium for military clergy in Essentuki), texts of greetings to the government, the Synod, the protopresbyter, the supreme commander and commander of the armies of the Southwestern front were adopted and compiled.

As for the role of the session of the military clergy of the Southwestern front, it is important to note that it was the session that came up with the idea of convening the all-Russian congress of military and naval clergy. The delegates considered it necessary for the better organisation of military and naval clergy, as well as for the streamlining of church and social life. The chair of the congress was asked to appeal to the chief priests of other fronts with a call for speaking out on this issue and supporting the idea of holding the congress. In case of a positive decision on the congress, Petrograd was named as its venue. Nevertheless, as we know, Mogilev became the venue [5, p. 197–198].

A quota for the number of representatives from the clergy of the fronts was formed: it was proposed to elect delegates from all units, both frontline and logistics, including two representatives from the frontline and one representative from every other unit (one from the headquarters, one from the medical unit and one from the reserve regiments, benchmark and supply units). Priest K. Steshenko, archpriest I. Krylov, priest I. Yastrubetsky, archpriest R. Prozorovsky and archpriest A. Pogodin were elected as representatives of the military clergy of the Southwestern front, and archpriest V. Tselitso and archpriest V. Fedorov became reserve candidates²⁴. The chief priest of the front was also to be present at the congress. The delegates from the congress were instructed to abide by the decisions of the Congress in Proskurov and corps committees. In the list of delegates to the 2nd All-Russian congress, we have discovered a discrepancy with the decision of the front: archpriest G. Kastorsky and priest A. Mateyuk were also indicated among the delegates from the Southwestern front (both did not participate in the work of the frontline congress, G. Kastorsky arrived in Mogilev as a representative of the corps and was admitted as a plenipotentiary delegate on an exceptional basis)²⁵.

The protopresbyter agreed to the norm of the Congress in Proskurov and, in order to accelerate the election of delegates, recommended it to the clergy of other fronts. He suggested sending one representative from the fleet, and three from Petrograd and the surrounding area. The start date of the 2nd All-Russian congress was also announced then – 1 July 1917.

Conclusion

The Congress in Proskurov is a significant event in the history of the military clergy during World War I. It became the reaction of the military clergy to the socio-political changes that swept the society and the army after the February Revolution of 1917. The clergy of the Southwestern front came up with a proposal to hold an all-Russian congress of military and naval clergy, developed a quota for the number of participants from each front. The decisions made in Proskurov influenced the agenda of the 2nd All-Russian congress. The priests of the Southwestern front discussed the issues that they considered the most important in the inter-revolutionary conditions. These include the attitude towards war and peace, political parties, the introduction of the elective principle and the reorganisation of the management system, educational work with sol-

diers. The congress participants agreed that the war must be fought to the bitter end. The decision of the congress about political parties differed from the decision of the 2nd All-Russian congress, that led to a complex discussion in which representatives of the clergy of the Southwestern front advocated for the decision of the front-line congress. The decision to introduce an elective principle in all administrative positions in the institution of the military and naval clergy fully coincided with the general opinion of the military and naval clergy. Proposals for the creation of corps, army and front-line spiritual committees were not developed. In general, the congress played its role in consolidating the military clergy in a difficult post-revolutionary situation, but most of the decisions of the 2nd All-Russian congress that followed it were not implemented.

Библиографические ссылки

1. Котков ВМ. Первый Всероссийский съезд представителей военного и морского духовенства в документах Российского государственного исторического архива. *Вестник архивиста*. 2011;2:248–257.
2. Котков ВМ, Коткова ОВ. *Материалы Первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах Российского государственного исторического архива. Том 1*. Санкт-Петербург: Астерион; 2018. 444 с.

²³RSHA. F. 806. Inv. 5. F. 10140 p. B. P. 267–267 bp.

²⁴Ibid. P. 73.

²⁵Ibid. P. 149, 152.

3. Котков ВМ, Коткова ОВ. *Материалы Первого Всероссийского съезда представителей военного духовенства в фондах Российского государственного исторического архива. Том 2.* Санкт-Петербург: Астерион; 2018. 584 с.
4. Малышко СВ. Роль съездов военного и морского духовенства в организации его деятельности. В: Михальченко СИ, Чубур АА, редакторы. *Studia internationalia: материалы Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVIII–XX вв.»*; 22–24 июня 2011 г.; Брянск, Россия. Брянск: Ладомир; 2011. с. 57–67.
5. Старостенко ЭВ. Всероссийский съезд военного и морского духовенства 1917 года в городе Могилёве. В: Батюков АН, Пушкин ИА, редакторы. *История Могилёва: прошлое и современность: сборник научных статей участников X Международной научной конференции*; 25–26 мая 2017 г.; Могилёв, Беларусь. Могилёв: Могилёвский государственный университет продовольствия; 2017. с. 197–201.
6. Старостенко ЭВ. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2017;4:71–75.
7. Старостенко ЭВ. *Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны.* Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2020. 200 с.
8. Старостенко ЭВ. Съезд православного военного духовенства Западного фронта 1917 года в Минске. В: Мельникова АС, редактор. *Романовские чтения – 15: сборник статей Международной научной конференции*; 26–27 ноября 2020 г.; Могилёв, Беларусь. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2021. с. 28–29.
9. Исакова ЕВ. *Съезды и братские собрания военного духовенства в начале XX века* [Интернет]. 2000 [процитировано 2 ноября 2021 г.]. Доступно по: <http://pobeda.ru/sezdyi-i-bratskie-sobraniya-voennogo-duhovenstva-v-nachale-xx-veka.html>.
10. Старостенко ВВ. Проблема свободы совести в законодательстве и общественно-политической мысли в Российской империи начала XX в. *Вестник Могилёвского государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки (история, философия, филология).* 2017;1:60–64.
11. Бабкин МА. *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви).* Москва: Индрик; 2006. 504 с.

References

1. Kotkov VM. [The 1st All-Russian congress of representatives of the military and naval clergy in the documents of the Russian State Historical Archive]. *Vestnik arkhivista.* 2011;2:248–257. Russian.
2. Kotkov VM, Kotkova OV. *Materialy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda predstavitelei voennogo dukhovenstva v fondakh Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. Tom 1* [Materials of the 1st All-Russian congress of representatives of the military clergy in the funds of the Russian State Historical Archive. Volume 1]. Saint-Petersburg: Asterion; 2018. 444 p. Russian.
3. Kotkov VM, Kotkova OV. *Materialy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda predstavitelei voennogo dukhovenstva v fondakh Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. Tom 2* [Materials of the 1st All-Russian congress of representatives of the military clergy in the funds of the Russian State Historical Archive. Volume 2]. Saint-Petersburg: Asterion; 2018. 584 p. Russian.
4. Malysheko SV. [The role of the congresses of the military and naval clergy in the organisation of its activities]. In: Mikhail'chenko SI, Chubur AA, editors. *Studia internationalia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Zapadnyi region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XVII–XX vv.»*; 22–24 iyulya 2021 g.; Bryansk, Rossiya [Studia internationalia: materials of the International conference «Western region of Russia in international relations 18th–20th centuries»]; 2011 July 22–24; Bryansk, Russia]. Bryansk: Ladoimir; 2011. p. 57–67. Russian.
5. Starostenko EV. [All-Russian congress of representatives of the military clergy of 1917 in Mogilev]. In: Batyukov AN, Pushkin IA, editors. *Istoriya Mogileva: proshloe i sovremennost': sbornik nauchnykh statei uchastnikov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*; 25–26 maya 2017 g.; Mogilev, Belarus' [History of Mogilev: past and present: the collection of scientific articles of the participants of 10th scientific conference; 2017 May 25–26; Mogilev, Belarus]. Mahilioŭ: Mogilev State University of Food Technologies; 2017. p. 197–201. Russian.
6. Starostenko EV. The Second All-Russian congress of the Orthodox military and navy clergy of 1917. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2017;4:71–75. Russian.
7. Starostenko EV. *Pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na territorii Belarusi v gody Pervoi mirovoi voyny* [Orthodox military clergy on the territory of Belarus during the World War I]. Mahilioŭ: Mogilev State A. Kuleshov University; 2020. 200 p. Russian.
8. Starostenko EV. [Congress of the Orthodox military clergy of the Western front in 1917 in Minsk]. In: Mel'nikova AS, editor. *Romanovskie chteniya – 15: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*; 26–27 noyabrya 2020 g., Mogilev, Belarus' [Romanov's readings – 15: collection of articles of scientific conference; 2020 November 26–27; Mogilev, Belarus]. Mahilioŭ: Mogilev State A. Kuleshov University; 2021. p. 28–29. Russian.
9. Isakova EV. Congresses and fraternal meetings of the military clergy at the beginning of the 20th century [Internet]. 2000 [cited 2021 November 2]. Available from: <http://pobeda.ru/sezdyi-i-bratskie-sobraniya-voennogo-duhovenstva-v-nachale-xx-veka.html>. Russian.
10. Starostenko VV. [The problem of freedom of conscience in legislation and socio-political thought in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Magiljovskago dzjarzhavnaga wniversitjeta. Seryja A. Gumanitarnyja navuki (gistoryja, filasofija, filalogija).* 2017;1:60–64. Russian.
11. Babkin MA. *Rossiiskoe dukhovenstvo i sverzhenie monarkhii v 1917 godu (materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi)* [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917 (materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox church)]. Moscow: Indrik; 2006. 504 p. Russian.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 9:902/903

ЭЛЕМЕНТЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АТБАСАРСКОЙ И БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Д. С. БАЙГУНАКОВ¹⁾, В. Ф. ЗАЙБЕРТ¹⁾, Г. Е. САБДЕНОВА¹⁾

¹⁾Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
пр. аль-Фараби, 71, 050040, г. Алма-Ата, Казахстан

Показано, что значительные изменения, произошедшие в социальной организации обществ после доместики лошади в начале эпохи палеометалла, отразились на производстве орудий труда. Появились их новые виды, которые могли использоваться в качестве оружия. Наконечники копий, стрел, дротиков, ножи, гарпуны, молоты, боласы и другие артефакты, найденные на территории более чем 200 памятников Северного Казахстана, которые относятся к атбасарской (7–3-е тыс. до н. э.) и ботайской (4–3-е тыс. до н. э.) культурам, дают возможность исследовать формы ранней милитаризации древних обществ. Отмечается, что некоторые орудия труда могли быть универсальными и использоваться как в хозяйстве, так и в военных столкновениях. После доместики лошади мир палеометалла вступил в полосу войн нового поколения, направленных на уничтожение противника конницей. В этом состоит принципиальное изменение характера вооруженных конфликтов в древности. Делается вывод о том, что если для охотников-собираателей, каковыми были носители атбасарской культуры, враждебные конфликты являлись локальными, то для ботайцев они вышли уже на межрегиональный уровень.

Ключевые слова: Северный Казахстан; неолит; энеолит; охота; коневодство; конфликт; милитаризация.

Образец цитирования:

Байгунаков ДС, [Зайберт ВФ], Сабденова ГЕ. Элементы милитаризации у носителей атбасарской и ботайской культур Северного Казахстана. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:43–52 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-43-52>

For citation:

Baigunakov DS, [Zaibert VF], Sabdenova GE. Elements of militarisation of the Atbasar and Botai cultures of Northern Kazakhstan. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:43–52.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-43-52>

Авторы:

Досбол Сулейменович Байгунаков – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета.
Виктор Федорович Зайберт – доктор исторических наук, профессор; директор Научно-исследовательского института «Археология и степные цивилизации».
Гульмира Есбатыровна Сабденова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения.

Authors:

Dosbol S. Baigunakov, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history.
dosbol_bs@mail.ru
Victor F. Zaibert, doctor of science (history), full professor; director of the Research Institute «Archaeology and Steppe Civilisations».
Gulmira E. Sabdenova, PhD (history), docent; associate professor at the department of world history, historiography and source studies.
gulmiras2801@gmail.com

ЭЛЕМЕНТЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ У НОСЫТАЎ АТБАСАРСКОЙ І БАТАЙСКОЙ КУЛЬТУР ПАЎНОЧНАГА КАЗАХСТАНА

Д. С. БАЙГУНАКАЎ^{1*}, В. Ф. ЗАЙБЕРТ^{1*}, Г. Е. САБДЗЕНАВА^{1*}

^{1*} *Казахскі нацыянальны ўніверсітэт імя аль-Фарабі,
пр. аль-Фарабі, 71, 050040, г. Алма-Ата, Казахстан*

Паказваецца, што пасля дамештыкацыі каня ў пачатку эпохі палеаметалу ў сацыяльнай арганізацыі грамадства адбыліся значныя змены ў галіне матэрыяльнай і духоўнай культуры. З'явіліся новыя віды прылад працы, якія маглі выкарыстоўвацца ў якасці зброі. Наканечнікі коп'яў, стрэл, дроцікаў, нажы, гарпуны, молаты, боласы і іншыя артэфакты, знойдзеныя на тэрыторыі больш чым 200 помнікаў Паўночнага Казахстана, якія адносяцца да атбасарскай (7–3-е тыс. да н. э.) і батайскай (4–3-е тыс. да н. э.) культур, даюць магчымасць даследаваць формы ранняй мілітарызацыі старажытных грамадстваў. Адзначаецца, што некаторыя прылады працы маглі быць універсальнымі і выкарыстоўвацца як у гаспадарцы, так і ў ваенных сутыкненнях. Пасля дамештыкацыі каня свет палеаметалу ўступіў у паласу войнаў новага пакалення, накіраваных на знішчэнне саперніка коннікаў. У гэтым заключаецца прычына змены характару ўзброеных канфліктаў у старажытнасці. Робіцца выснова аб тым, што калі для паляўнічых-збіральнікаў, якімі былі носьбіты атбасарскай культуры, варожыя канфлікты з'яўляліся лакальнымі, то для батайцаў яны выйшлі ўжо на міжрэгіянальны ўзровень.

Ключавыя словы: Паўночны Казахстан; неаліт; энеаліт; паляванне; конегадоўля; канфлікт; мілітарызацыя.

ELEMENTS OF MILITARISATION OF THE ATBASAR AND BOTAI CULTURES OF NORTHERN KAZAKHSTAN

D. S. BAIGUNAKOV^a, V. F. ZAIBERT^a, G. E. SABDENOVA^a

^a *al-Faraby Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Alma-Ata 050040, Kazakhstan
Corresponding author: D. S. Baigunakov (dosbol_bs@mail.ru)*

The huge changes that took place after the domestication of the horse at the beginning of the paleometall in the field of material and spiritual culture, in the social organisation of societies, undoubtedly affected the production of various tools. There were new types of tools that could be used as weapons. The tips of spears, arrows, darts, knives, harpoons, hammers, bolas and other artifacts from more than two hundred sites of Northern Kazakhstan, related to the Atbasar (7000–3000 BC) and Botai (4000–3000 BC) cultures give an opportunity to consider questions of forms of early militarisation of ancient societies. Some tools, their seriality and significant standardisation indicate that they could be universal and complex, they were used in agriculture, as well as in military clashes. After the domestication of the horse, the world of paleometall entered a new generation of wars aimed at the direct destruction of the enemy by cavalry. This is a fundamental change in the nature of armed conflicts, the transformation of the content of war or armed struggle in Antiquity. If the hostile conflicts among hunter-gatherers, which were the bearers of the Atbasar culture, are primarily local, then for the Botai people they are already reaching the interregional level.

Keywords: Northern Kazakhstan; Neolithic; Eneolithic; hunting; horse breeding; conflict; militarisation.

Introduction

During archaeological researches done at the monuments of the Holocene meso-Neolithic and Eneolithic period (4000–3000 BC), particularly at the sites and settlements with rich cultural layers filled with artifacts, significant number of original burial and religious structures, and residential household complexes have been investigated [1, p. 305–306]. Our results suggest more and more that some facts can be connected to economic and household activity of ancient people, but also to elements of militarism. It is commonly known that hunting, fishing, and gathering, which had held an exclusively extensive character and did not fully satisfy human life needs, formed the main source of life-sustaining human activity in the first half of the Holo-

cene. The tradition of expropriation and appropriation of valuable religious, sacred, and everyday objects had got a significant role in that period. Naturally, the appropriation of another's property was generally far from being peaceful and was accompanied with violence also with using hunting tools which from that moment had become instruments of armed violence and war. To some extent, the process of militarisation of everyday life of Ancient hunters and fishermen was accompanied with an ancient feature of human society – cannibalism, and it was one of the reasons of hostile conflicts which had fanned the flames of the militarisation of everyday life of people in the late Stone Age. According to archaeology, the gradual disappearance of that custom is

observed within the transition of the economy to productive forms of husbandry, when «the man of industry» has begun to sacrifice wild and domesticated animals in rituals and ceremonies instead for people.

From the modern point of view, the concept of war may have taken its beginning in the era of the late Eneolithic – early Bronze Age, when stable patriarchal socio-political structures began to form itself on the basis of diversified forms of property. The period of wars was preceded by evolutionary processes of domestic and social conflicts. The latter occurred within the tribal organisation between members of paired families, as well as external and internal conflicts, due to sources, took place for natural resources, women, and children. The creation and regulation of family-tribal structures in which militarised men and women, that defended the

safety of their property and also expropriated neighbouring territories, made the result of permanent conflicting relations. Those relations began to play a significant role. These processes had got its starting point since Botai people had become professional horse soldiers and had radically changed the socio-economic and political line of development, forming a legendary and heroic but always dehumanised image of war.

Representatives of the Atbasar culture were the first to create their own culture. At the end of the Neolithic and at the beginning of the Eneolithic, part of the population of Northern Kazakhstan united in the Botai culture. They co-existed together for a while. The tangible economic development of the Botai culture gave them superiority and they gradually absorbed the Atbasar culture.

Research results

Natural-ecological characteristic of Northern Kazakhstan and the particularity of the topography of the sites of Atbasar and Botai cultures. Atbasar culture, members of which settled the river valleys of the Ural, Tobol, Ishim, Nura, Iman-Burluk, Irtysh, and other rivers, emerged in Northern Kazakhstan on the local Mesolithic basis at the beginning of the Holocene. On the whole, the monuments of this culture are located on high flood-plain and first terraces. Such a topographical situation is completely consistent with the climatic conditions of the beginning of the Holocene, characterised by dry continental climates and low groundwater levels and the dominance of wormwood-grass steppe surrounding valleys [2, p. 63]. The largest settlements and encampments of Vinogradov, Iavlenskii, Akkanskii, Kurgalzhinskii and Temanskii microdistricts of Northern Kazakhstan, part of Atbasar territory [3, p. 40–98] are confined to these topographical levels in particular. Living in the river valleys, the Atbasar developed their calendar cycle and structured their economic and social activities, breaking their territory up on a functional basis: the main living space was basic settlements, seasonal workshops, seasonal workshops for extracting raw materials and preparing goods, seasonal hunting camps and points of tracking and slaughter of animals during hunting seasons. This structure was regulated by experts in the surrounding environment, skilled hunters and fishermen.

Since the valleys were settled by several ethnic groups, conflicts always arose for convenient topographical places of settlement and activity. Most likely the Atbasar's military conflicts and confrontations took place on a local level. During this period, economic migration took place in a longitudinal direction to utilise the gifts of the environment at different times of the year. The goal was to possess the most favorable places, where settlement became the object of socio-ethnic strife and even war. Consequently, the ecological niche occupied by crops within the valley was a cause of militarisation. Stocks for winter, livestock, and other material valuables could also be bones of contention among different groups.

Monuments of the late Neolithic-Eneolithic occupy the second terraces, bedrock shores and exit out onto the watershed and are based on the shores of lakes and streams (fig. 1). Numerous Neolithic Atbasar settlements are located on the bedrock terraces of the Ishim River. Taking into account materials of soil analyses [4], it should be noted that during that time there were periods of an increase of the river regime in the steppe of Northern Kazakhstan. Landscape and climate changes to some degree influenced the dynamic of economic and cultural types of the population of the Ural-Kazakhstan steppe over the past 10 000 years.

Fig. 1. Northern Kazakhstan (Botai culture).
Source: personal archive of D. S. Baigunakov

The main topography of Neolithic monuments bears witness that the ruggedness of floodplains 4000–3000 BC was no less significant than today. In turn, the stable river regime of the rivers was determined by the relative humidity and warmer climate in the region. A low level of flood waters and short duration of spring floods did not destroy the settlement sites located on the slopes and at the bases of the first terraces, but renewed the water of the lakes and river-formed lakes, ensuring reliable fishing [5, p. 8–32]. In the conditions of dry steppe landscapes between rivers and stable river regime of river valleys, the economy of the population of the steppe zone was based on high-productivity fishing with hunting and gathering in an auxiliary role.

According to expert observations, in the late Neolithic-Eneolithic, the river and temperature regimes changed. Prolonged spring flooding of rivers and high water levels disrupted traditional forms of economy. A more moist climate led to the flourishing of the steppe ecosystem, a diversity of plant communities, and the establishment of a hierarchical structure of animal ecology within which ungulates, including horses, took a visible place. Here it is worth noting that the directions of calendar migration were subordinate to natural and ecological conditions, of which the level of solar radiation, the main wind rose, and the topographical distribution of aquatic, terrestrial, geological, faunal and geographical resources. The main resources for the Botai became quality clay in sediment from the late Pleistocene and early Holocene on the right bed-rock shores of ancient lakes and rivers, pine forests and forest outliers, and lakeside reeds and rangelands on vertically expressed steppe expanses. Botai settlements were laid out in the habitat of numerous horses, which made use of not only pastures but also forests which acted as windbreaks and shelter from poor weather and blizzards. The most comfortable places for settlement, naturally, also served as objects of discord between Eneolithic ethnic groups.

A particularity of the Botai's calendar cycle was the cultivation of a complex, diversified economy and domestic crafts according to the seasons. Against the backdrop of specialised horse breeding, fishing, gathering, and hunting developed. These forms of engagement adapted to seasonal economic migration and the Botai inhabitation of various ecological niches. Forms of hunting most actively improved. Besides the procurement of wild ungulates and fur game, much attention was allocated to means of control, slaughter, and exploitation of wild horses living in the area within 100 km of Botai settlements. A particularity of such hunting is the fact that these horsemen invented a series of devices (kuryk (lasso for catching horses in the form of a long pole with a loop at the end), hair roping, hammer-bits, bits, halters, etc.) which very effectively solved the issue of meat for winter and daily needs.

The task of hunting carried a passionate character. Numerous herds were the object of discord of ancient horsemen and hunters. At their core, the conditions of horse breeding form the physical strength and valor of a warrior.

Motifs of militarisation in the economic life of members of Atbasar and Botai culture. According to experts, the production inventory from the excavated and examined Neolithic monuments (Atbasar culture) consists of more than 10 000 items. These include tips of spears, javelins, arrows, scrapers for preparing skins, knives for cutting meat, wood, bones, knife and dagger sheaths, and sheaths for composite hunting equipment. The percentage of hunting tools from individual archaeological sites is as follows: Vinogradovka-14 – 41.8 %; Vinogradovka-2 – 46.7 %; Telmana-14 – 39.7 %; Zhabai-Pokrovka-1 – 42.2 %; Iavlenka-2 – 48.0 %; Telmana-12 – 41.7 % [3, p. 158].

It should be noted that in the Neolithic, individual and collective corral hunting was practiced. Ethnographic materials provide such information: animals were driven not only into narrow valleys or sharp cliffs where they were then killed but also into artificial pens which were built by skillfully using the rugged terrain, in so far as convenient and appropriate natural sites for corral hunting were few and far between [6, p. 9]. In addition, the choice of region for permanent settlement was determined by the needs of fishing. Therefore, the introduction of artificial elements in the terrain with the goal of corralling animals in an area not far from the community's permanent settlement could be a very real phenomenon. The Atbasar's historical experience of corral hunting in the Neolithic served as a basis for the use of these skills by Botai horsemen, who mastered not only the skill of riding but also honed military discipline while rounding up animals, which prepared them for military actions against potential enemies.

The very idea of artificial corrals built with the help of fencing was akin to the idea of a stop net or stake-net [7, p. 18–28]. An important new feature of hunting in this system of husbandry was that it allowed people to not immediately utilise of all the animals held in the corral, where they could be kept for a longer period of time to be slaughtered as food or ritual requirements required. The idea of holding wild animals in corrals could be achieved only among settled fishermen and hunters. This was the first important step (the stage of animal domestication) which laid the groundwork for an extraordinary event – the domestication of the horse, which took place in the late Neolithic – Eneolithic.

Due to the fact that the economic structure of early horse herders was formed on the use of pasture lands, regular renewal of territory at the expense of new undeveloped lands was required. This was the main motivation for militarisation since the space of the open steppe was an arena for constant contact of ancient

ethnic groups in the process of claiming ecological niches and fulfilling calendar cycles. Naturally, these numerous contacts were not always peaceful in nature. Animal husbandry, migration, and war became characteristic features of the steppe ecumene. Making lightning raids, horsemen used tactics of cavalry combat with the use of ranged weapons. In close quarters they could use spears, javelins, knives, axes, possibly even excavating equipment, bolas for repelling attacks, and also disk-like stones which were designed for slaughtering livestock. Battle tactics depended on the area's geography. Early horsemen could use those same skills in battle which they used every day in animal husbandry, such as corralling livestock [8, p. 48], organisation of ambushes of various types and other maneuvers designed to demoralise and open up groups of enemies.

Early Botai horse breeders were not only innovators in the era of horse-transport communication, introducing advanced technologies in animal husbandry, architecture, jewellery, medicine, numerous domestic crafts, but were also the first political and military warlords, seated on proud, beautiful, and spirited horses, covering the vast expanses of the Old World, bringing the whole world new ideas.

The domestication of the horse and the emergence of regional conflicts. From the moment of the domestication of the horse, humanity crossed over after several million years of evolution from walking to horse communication. This moment was the beginning of steppe civilisation, a dynamic accelerator of the world historical process [9, p. 246]. It began with the change of social institutions of early horse breeders, the change of economic structures, and the replacement of matrilineal and matriarchal structures with patriarchal family and community institutions. A horseman and his mount come to the fore of ideology and worldview. The first becomes the head of the family and the second occupies the dominant place in the pantheon of totem deities and symbols in a three-dimensional ideological and mythological space of the cosmos and biosphere. This natural process was a factor of the spread of horse breeding and horses from the multi-pedigree Botai herds [10, p. 361]. The movement of passionaries' horse breeding confederations in different directions of Eurasia leads to economic and social connections and to political and military conflicts. From this moment in particular at the turn of the period 4000–3000 BC begins stage of stormy, passionate, according to L. N. Gumilev, ethno-cultural processes for the peoples of Eurasia [11, p. 387–388]. Horse breeding and war become an everyday occurrence of horsemen. The domestication of the horse enabled the emergence of regional conflicts.

Anthropological data and archaeological artifacts bear witness to the stability of demographic dynamics over the course of 500–800 years during the period 4000–3000 BC. The demographic dynamic was due to

the stability of the Botai economic and cultural type [12, p. 19–20]. Of course, the primary cell of Botai society was the family. According to archaeological sources, it is possible to determine the number of people living in one dwelling; for example, in Botai settlements, the minimal quantity of residents consisted of 2–4 people (in dwellings No. 12, 51), the maximum being 18–20 people (dwellings No. 15, 16, 33, 35, 41) [13, p. 308]. Several families formed familial exogamic communities, closely connected by common economic and cultural ties. It is possible that the Botai had a tribal structure, which was, in essence, a form of military organisation. During periods of military clashes, the heads of clans, exogamic communities, families, or tribes momentarily became military leaders. Their compatriots (in particular men) made up the backbone of the army. Cohorts of horse warriors or the number of early horsemen depended on the external threat. The acquisition of pastureland, livestock, sources of copper and other resources was resolved at the level of familial exogamic communities or family and tribal structures; obviously, they then sent forth small detachments. For more distant campaigns, the number of warrior horsemen grew several times over [14]. Most likely, the type of military organisation was similar to a people's militia; primarily young warriors were sent to regional battles. The preservation of certain economic and cultural types made it possible not only to unite various family and tribal groups but also forced the ancient Botai tribe. A council of elders of family and tribal communities or tribal structures made the major decisions upon the advent of regional conflicts, determining the role of every member of a military detachment.

In the era of the Eneolithic, in the Ural-Irtysh interfluvium, there were three cultures – the Surtand, Botai, and Ust-Naryn – connected by the border contacts of different cultures and regions. At Botai sites there are Surtand ceramics with talc as imports; an analogous situation is observed in comparison when comparing Ishim and Irtysh monuments, beads with close analogs in Zaman and Babin (Bukhara, Uzbekistan) monuments, etc. Occupying an intermediate position between Surtand and Ust-Naryn cultures, and also Kelteminar culture in its later stages, the Botai closely interacted with all their neighbours [13, p. 252–254]. A part of imported items could have been brought as part of the spoils of regional conflicts. In excavations of Botai settlements and other complexes, heavily exploited individual human bones were often found. It's possible that such condition of individual human bones speaks to instances of cannibalism among the Botai. These bones possibly even belonged to external and sworn enemies, which were brought as slaves and prisoners of war from far away for ritual purposes.

In the process of the domestication of horses and the constitution of Botai culture, militarisation begins to take on the classical forms of military relations in

a significant area of Central Asia. The formation of a new image of the horseman-warrior that took place in the Botai culture determined the character and vectors of military conflict for centuries to come. The Botai became the first political and military warlords, crossing enormous expanses of the Old World on the horse. Steppe confederations of early horse breeders steadily drew numerous ethnic groups into the new civilisational process.

Types of armaments of the Botai horseman. The flint inventory of the Botai is genetically connected with the industry of the last stages of Atbasar neolithic culture, undergoing the process of change from plate industry to flaking. The continuation of the traditions of making cutting tools from the Neolithic to the Bronze age also speaks to the uniformity of stone technology in

the framework of Atbasar and Botai culture [15, p. 96]. In the Botai Eneolithic collection one can see specialisation and intensive use of tools. For example, a widely used series of arrowheads, spears, and javelins used in ranged combat are generally found in fragments. It should be noted that among the arrowheads predominate instances with a leaf-shaped and willow-shaped form with a rounded or acuminate base. Arrowheads with a protruding shaft and sub-triangular form are one of a kind. They are all made with a pressure flaking, which in some cases forms serrated edges (fig. 2, 3). Careful production of arrows says a great deal since arrows symbolise authoritative and ambassadorial powers; weapons and the threat of their use were used in rituals of protective magic [16, p. 110].

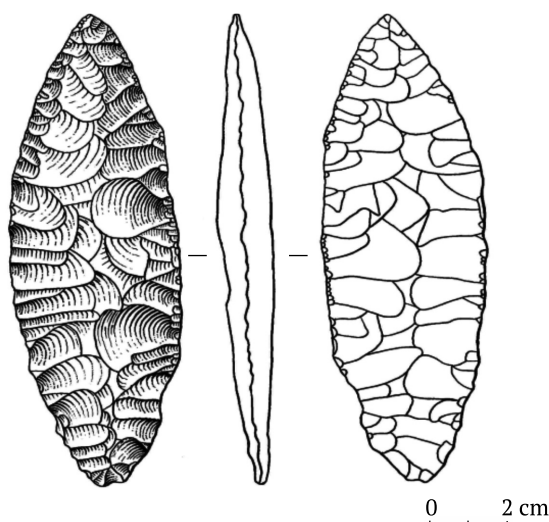

Fig. 2. The tip of the spear (Botai culture).
Source: personal archive of D. S. Baigunakov

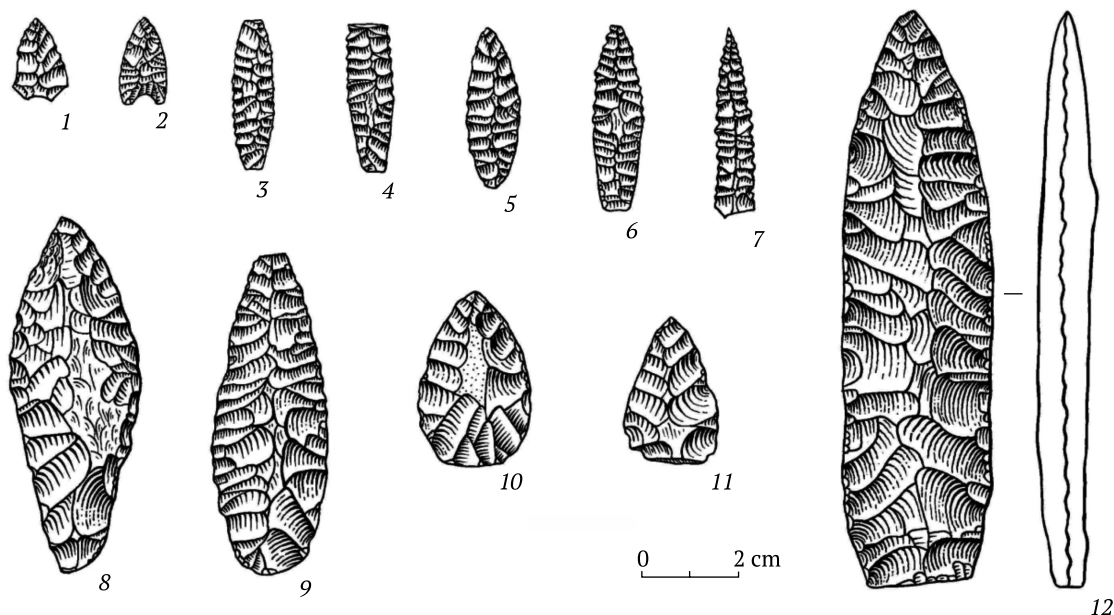

Fig. 3. Artifacts found in the settlement Botai: 1–11 – arrowheads; 12 – dart tip.
Source: personal archive of D. S. Baigunakov

In the collections of Botai culture, javelin heads generally have a leaf-like shape; only rarely are they seen with a truncated base. The surface of the product was made with large flakes, which form the corrugated edge of the weapon. A series of spearheads includes tools, the working edge of which has acuminate, elongated form. Only the edges are chipped away. Sometimes this chipping is subtending. In their functional purpose, tools of this series could be used as drills, piercing tools, and boring tools. Some exhibits are fairly large in size – up to 10–13 cm. Spears could serve as important instruments for signaling in combat [17, p. 20].

Plates from the Botai period had anomalous facing and were used as knives, scrapers, and other objects for everyday use. On the whole, these are medial cross-sections with an aspect ratio from 1–1 to 1–1.5 cm. Stone knives were made with the same technique as the above-mentioned tools and were used in close combat.

One of the leading categories of finds at Botai settlements is macroforms (approximately 8 thousand units), which differed in seriality with the types presented. There were made of different materials: shale, sandstone, quartzite, limestone, etc. These products are divided into the following types: disk-like products (perforated stones) [18, p. 173–174]. They in their turn are divided into sub-types: disk-like with piercings, hemispherical disks, or spherical disks with cylindrical and tapered bores; the disks are flattened in profile (fig. 4). These variants of products are encountered most frequently. There are different shapes – round, oval, and sub-square ones. They also vary in size and proportions. They largely have a diameter of 5 to 15 cm. Far fewer products have a diameter less than 5 cm. The drilling of disks was done from two sides. The openings' diameter varies from 0.5 to 2.5 cm. A significant series is represented in the collection of objects with a round shape without signs of drilling. Their size are 1.6 × 2.6 cm, 4.0 × 6.0 cm. Thus, the comparison of archaeological and ethnographic sources from the territory of their distribution allowed researchers to approximately outline the possible functions of this object. The most widespread are as follows: 1) club as an element of a ceremonial character; 2) club as an element of

armament; 3) weighting (weight) for a loom; 4) spindle; 5) fly wheel for drilling; 6) playing disks; 7) weighting (digging sticks) 8) counterweights for traps; 9) nozzle bellows; 10) mallet for tenderising meat; 11) sinkers for fishing nets; 12) object for grading cylindrical shapes; 13) thrust bearing; 14) weighting for wooden pestles [12, p. 290]. Ancient residents of the Botai settlement used them extensively. Such instruments could be used for the slaughter of livestock in everyday life. It is possible they were even used against enemies in order to crack an opponent's skull or overwhelm him in close combat.

In the Botai collection, we often encounter cutting tools which are potential armaments of mounted warriors [19, p. 50]. These are axes, wedges, chisels, and flat axes. Among them are ritual axes, possibly also for the execution of prisoners (fig. 5). Raw materials for the creation of axes were primarily greenish or dark slate, from which the following shapes are distinguished: rectangular, oval, and triangular. The axes' length was 7–14 cm, width – 4–6 cm, thickness – 1.2–2 cm. Usually, the angle for sharpening axes was up to 60°. The axes' blades were curved, razor-sharp, and beveled. Some were improved by fine edge retouching. On all surfaces the axes have chips as the result of the knapping process. There are also trapezoidal axes. Such tools are ground with a narrow, straight, and symmetrical blade and have secondary working on all surfaces. At the head there is a shape of fixing ring, made with small gutter. Some tools are partially cut along the side face, the blades are carefully polished. The majority of axes were found in living quarters. This shows that axes were widely used in daily life, including not only during peace, but also war time. Some specialists propose that «in the IV and the first half of the III millennium BC, judging by the variety of visual material, the function of the axes as a real military weapon, frightening and smiting foes of these lands and protecting thanks to the patronage of the supreme gods of a given clan, tribe, nomen government, settlement, or ancient power formed as the result of unification, is emphasised» [20, p. 219–220]. Studies of culture over 40 years also show the region of distribution of various tools [21, p. 41–42].

Fig. 4. Discoids found in the settlements Botai, Krasnyi Yar, Roshchinskoe.
Source: personal archive of V. F. Zaibert

Fig. 5. Ritual ax found in the settlement Botai.
Source: personal archive of V. F. Zaibert

Products particular to the collection are distinguished as wedged-bits from 4 to 10 cm in size. Length-wise their cross-section is sub-rectangular in form, often ovular, with a thickness – 0.8–2.0 cm. As a rule, the products are cut and often have a secondary touch-up of the blade.

Boleadores (stone boleadores) also were part of a Botai horseman's arsenal. In general this was a spherical object without holes with a diameter from 2 to 5 cm. Among them there are some natural sandstone nodules and also artificial ones made by people. As a thrown hunting weapon, boleadores certainly were mostly used in ranged combat, in order to repel an opponent's attack or chase down a fleeing enemy.

Notches, scratched, engraved or sawed lines, concentric circles, geometric shapes, etc. have been recorded on the surface of a number of products made

from stone, sandstone, and clay. They can be seen on products made from bone, with tubular bones, ribs, and shoulder blades serving as canvases. The Botai created piercings with from splint bones. Bone tips were manufactured from longitudinal segments of tubular bones; they were usually 6–8 cm in length. These products generally have a tortuous shape are lenticular at the cross-section; the points of the tips are acuminate, the base is flattened or acuminate with bilateral cuts, and the surface is polished. Most of the bits and harpoons were manufactured from segments of horse metapodia. One- and multiple-tip harpoons, 7–12 cm in length are encountered (fig. 6). In the collections from encampments, numerous composite harpoons and spears have been identified, which also could have been used not only as fishing instruments, but also as instruments for hunting and weapons of defense and attack.

Fig. 6. Harpoons found in the settlements Botai, Krasnyi Yar, Roshchinskoe.
Source: personal archive of V. F. Zaibert

A special category of macroform is the pickaxe. They have an elongated form (at the cross-section sub-square or oval) and their length reaches 20 cm. We assume that this mining instrument was used in armed conflicts in the stone, copper, and bronze ages.

There is a variety of polished tiles from sandstone and slate in the collection. The largest specimens reach sizes of up to 30 cm and they have the final refinements of polished handiwork. It seems they were often used in preparing weapons for combat with potential opponents.

The overwhelming majority of weapons in the Botai collection are broken in fragments. They show not only

their wide use for domestic purposes, but also their possible use in military clashes and conflicts.

In our opinion, it can be said that the weapons of armed Botai horsemen are presented as multifunctional types of tools and weapons. He was dressed in leather armor and had weapons for ranged and close combat. Every instrument used in domestic tasks could be utilised as a weapon; therefore, the tradition of weapon veneration, military strength, and valor were widely reflected in the daily life of Botai culture. It's possible some elements of symbols of power and the tradition of weapon veneration spread widely in the Eneolithic era, when regional conflicts appeared.

Conclusion

Thus, our analysis of materials of Atbasar and Botai cultures shows that weapons made of stone, flint, and bone were used not only in domestic and productive life, but also in spiritual and socio-political life. The latter has its tendency towards militarisation of a peaceful ethnic group in the economic, social, and thus the political sphere has been brought to life. Regulation of relationships in the latter areas becomes the lot of elders, clerics, priests, shamans, and professional horsemen warrior-leaders.

At the base of cultural genesis lie processes of global adaptation of man and society in the environment.

The environment itself presents man certain conditions for living in favorable and extreme conditions. Man is forced to submit to the global challenges of nature, deal with cosmic and biosphere cycles while maneuvering and developing sacred customs and rituals. An intermediary between society and nature were outstanding fellow tribesmen possessing psychological, spiritual, and ideological qualities. They played a key role in the preservation or destruction of ethnic groups and surrounding reality. In the contradictions of nature and society were already laid aggressive impulses in solving social problems.

Economic indicators of ancient cultures depended on the degree of closure of annual calendar cycles. The fact is that during life, two extreme factors act on man and society. The first is natural, which is characterised in Central Asia by a sharp continental climate with unstable weather manifestations. The second is the unstable demographic factor. This made it difficult to regulate the acquisition and utilisation of the base product and harmonise the balance between the economic condition of the ethnic groups and the surrounding environment. This pattern stimulated society to find sustainable economic regulators. One of the ways was the seizure of other's territories and property. Another way was the process of domestication of horses and obtaining of significant food income, allowing the possibility of an ethnic group's breaking away from a traditional way of life inhibiting the processes of innovation and migration. The union of these two paths with the example of the Botai culture gave the effect of passionary growth in the conditions of a new era of horse-transport communication.

The domestication of horses and the emergence of regional conflicts are two sides of one process of changing the sense of time in the development of new horizons of life and adaptation in concrete conditions. At the same time, in a system of sustainment of ethnic groups and in relation to other psychological, ethnic, and religious staples, traditional canons of attitudes towards the surrounding environment were broken. Cultural opacity of ethnic groups gave rise to discomfort, contradictions, conflict, and ultimately war as

a means of harmonisation of psychological aspects of ethnic groups in new geographic, demographic, and socio-economic conditions.

The fear of horsemen especially manifested among farmers and gathers who were struck by members of the Botai confederacy. The victorious procession of horse warriors across Eurasia was determined to a large degree by the frightening combination of rider and horse acting on farmers who previously hadn't seen horsemen. It is also necessary to consider the selection of ranged and close-combat weapons. These are bows and arrows, spears and javelins, knives and daggers, throwing stone-bolas, kuryk (a long pole with a hair rope loop at the end), stone hammers and axes with wooden handles. The horsemen themselves were dressed in leather pants, jackets, and shirts, with leather boots on their feet and malakhai hats on their heads.

Thanks to studies of the two permanently linked Atbasar and Botai cultures, the evolution of the emergence and phases of growth and transformation of militarisation of hunter-, fisher-, and horse herding societies over the course of the last 10 thousand years has been deduced and substantiated. The first two stages may be characterised with elements of militarisation that raised and consolidated out of contradictions of the internal nature of the process of cultural and ethnic genesis within those societies, but the last stage may have been marked with the formation of family clans and mastery of horse-transport communication, therefore their internal contradictions shifted to regional social conflicts or wars.

Библиографические ссылки

1. Baigunakov D, Sabdenova G. Some results of studying the ancient history of Kazakhstan. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2014;131:304–308. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.04.121.
2. Белецкая Н.П. О геоморфологии Северо-Казахстанской области. В: Пузырева АА, редактор. *Вопросы региональной географии Казахстана*. Алма-Ата: Издательство КазПИ; 1983. с. 59–63.
3. Зайберт В, Плешаков А, Төлебаев Ә. *Атбасар мәдениеті*. Астана: А. Х. Марғұлан атындағы археология институтының филиалы; 2012. 352 бет. = Зайберт В, Плешаков А, Төлебаев А. *Атбасарская культура*. Астана: Филиал Института археологии имени А. Х. Марғұлана; 2012. 352 с. = Zaibert V, Pleshakov A, Tyulebayev A. *The Atbasar culture*. Astana: Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan; 2012. 352 p.
4. Зданович ГБ, Иванов ИВ, Хабдулина МК. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане). *Советская археология*. 1984;4:35–48.
5. Зайберт ВФ. *Атбасарская культура*. Екатеринбург: УрО РАН; 1992. 221 с.
6. Хинаят Б, Исабеков Қ. *Саятшылық қазақтың дәстүрлі аңшылығы*. Алма-Ата: Алматыкітап; 2007. 208 бет.
7. Дементьев В.И. *Основы охотоведения*. Москва: Лесная промышленность; 1971. 236 с.
8. Дежкин ВВ. *Охота и охотничье хозяйство мира*. Москва: Лесная промышленность; 1985. 358 с.
9. Калиева СС, Логвин ВН. Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* [Интернет]. 2011 [процитировано 11 августа 2022 г.];2: 246–255. Доступно по: <http://ipdn.ru/private/a15/246-255.pdf>.
10. Нурушев МЖ. Ботайская лошадь и её значимость в евразийской культуре и изучении проблем доместикации рода *Equus*. *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2011;7:361–364.
11. Лавров СБ. *Лев Гумилёв: судьба и идеи*. Москва: Айрис-пресс; 2007. 608 с.
12. Зайберт ВФ, Хазбулатов АР, Оутрам Алан, Байгунаков ДС, Бексеитов ГТ, Наурызбаева ЭК и др. *Сакральные контексты ботайской культуры*. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры; 2018. 380 с.
13. Зайберт ВФ. *Ботайская культура*. Алма-Ата: КазАқпарат; 2009. 576 с.
14. Зайберт ВФ, Байгунаков ДС, Сабденова ГЕ. Историко-культурное значение ботайской культуры (к 40-летию открытия). *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2020;2(65):506–514. DOI: 10.51889/2020-2.1728-5461.34.

15. Baigunakov D. From the history of the Kazakhstan's Eneolithic study. In: Siebenberg L, editor. *2nd International scientific conference «European applied sciences: modern approaches in scientific researches»*. Volume 1; 2013 February 18–19; Stuttgart, Germany. Stuttgart: ORT Publishing; 2013. p. 94–96.
16. Худяков ЮС. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии. *Этнографическое обозрение*. 2004;1:102–111.
17. Худяков ЮС. Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых номадов Центральной Азии. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012;7:20–26.
18. Зайберт ВФ. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана. В: Массон ВМ, редактор. *Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: Наука; 1989. с. 171–179.
19. Захаров СВ. К вопросу о происхождении ботайской культуры. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* [Интернет]. 2010 [процитировано 11 августа 2022 г.];1:49–58. Доступно по: http://ipdn.ru/_private/a12/49-58.pdf.
20. Никулина НМ. Ритуальные молоты-топоры из троянскогоклада L (к вопросу о датировке данного археологического комплекса). *Вестник древней истории*. 1999;2:218–228.
21. Slavchev V, Baigunakov D, Sabdenova G. The Eneolithic of Kazakhstan: the history of study and the main problems. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of History*. 2017;4:40–45.

References

1. Baigunakov D, Sabdenova G. Some results of studying the ancient history of Kazakhstan. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2014;131:304–308. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.04.121.
2. Beletskaya NP. [About the geomorphology of the North Kazakhstan region]. In: Puzyreva AA, editor. *Voprosy regional'noi geografii Kazakhstana* [Questions of regional geography of Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo KazPI; 1983. p. 59–63. Russian.
3. Zaiibert V, Pleshakov A, Tyulebayev A. *The Atbasar culture*. Astana: Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan; 2012. 352 p. Kazakh, Russian, English.
4. Zdanovich GB, Ivanov IV, Khabdulina MK. [Experience in the use of paleosurface research methods in archaeology (Kara-Oba and Obaly mounds in Northern Kazakhstan)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1984;4:35–48. Russian.
5. Zaiibert VF. *Atbasarskaya kul'tura* [Atbasar culture]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 1992. 221 p. Russian.
6. Hinayat B, Isabekov K. *Sajatshylyk kazaktyn dastyrli anshylygy* [Traditional Kazakh hunting hut]. Alma-Ata: Almaty-kitap; 2007. 208 p. Kazakh.
7. Dementiev VI. *Osnovy okhotovedeniya* [Fundamentals of hunting]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'; 1971. 236 p. Russian.
8. Dezhkin VV. *Okhota i okhotnich'e khozyaistvo mira* [Hunting and hunting economy of the world]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'; 1985. 358 p. Russian.
9. Kaliyeva SS, Logvin VN. Some details on problem of domestication of the horse from Tersek and Botajsk sites. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Internet]. 2011 [cited 2022 August 11];2:246–255. Available from: http://ipdn.ru/_private/a15/246-255.pdf. Russian.
10. Nurushev MJ. Botaya horse and its importance in the study of Euroasian culture and the problems of Equus genus domestication. *Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2011;7:361–364. Russian.
11. Lavrov SB. *Lev Gumilev: sud'ba i idei* [Lev Gumilev: fate and ideas]. Moscow: Iris-press; 2007. 608 p. Russian.
12. Zaiibert VF, Khazbulatov AR, Outram Alan, Baigunakov DS, Bekseitov GT, Nauryzbayeva EK, et al. *Sakral'nye konteksty botaiskoi kul'tury* [Sacred contexts of Botai culture]. Astana: Kazakh Research Institute of Culture; 2018. 380 p. Russian.
13. Zaiibert VF. *Botaiskaya kul'tura* [Botai culture]. Alma-Ata: KazAkparat; 2009. 576 p. Russian.
14. Zaiibert VF, Baigunakov DS, Sabdenova GE. Botai's historical and cultural significance (for the 40th anniversary of the opening). *Abay Kazakh National Pedagogical University Bulletin. Series «Historical and socio-political sciences»*. 2020;2(65): 506–514. DOI: 10.51889/2020-2.1728-5461.34.
15. Baigunakov D. From the history of the Kazakhstan's Eneolithic study. In: Siebenberg L, editor. *2nd International scientific conference «European applied sciences: modern approaches in scientific researches»*. Volume 1; 2013 February 18–19; Stuttgart, Germany. Stuttgart: ORT Publishing; 2013. p. 94–96.
16. Khudiakov YuS. On symbolism of arrows by Ancient and medieval Central Asian nomads. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004;1:102–111. Russian.
17. Khudyakov YuS. A spear and an arrow as symbols of military and state power in Ancient and medieval nomads of Central Asia. *Bulletin of the Buryat State University*. 2012;7:20–26. Russian.
18. Zaiibert VF. [Dynamics of interaction of natural-ecological and socio-economic factors in the process of formation and development of the producing economy in the steppes of Kazakhstan]. In: Masson VM, editor. *Vzaimodeistviya kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilisatsii* [Interactions of nomadic cultures and ancient civilisations]. Alma-Ata: Nauka; 1989. p. 171–179. Russian.
19. Zakharov SV. On the question of the origin of the Botai culture. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Internet]. 2010 [cited 2022 August 11];1:49–58. Available from: http://ipdn.ru/_private/a12/49-58.pdf. Russian.
20. Nikulina NM. Ritual hammer-axes of the trojan treasure «L» (the problem of dating of the archaeological complex). *Vestnik drevnei istorii*. 1999;2:218–228. Russian.
21. Slavchev V, Baigunakov D, Sabdenova G. The Eneolithic of Kazakhstan: the history of study and the main problems. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of History*. 2017;4:40–45.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 101.1:316.347:316.647.8

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И РОЛИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлено историко-философское осмысление этнического стереотипа в современном глобальном мире. Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, возрастающим уровнем тревожности и агрессивности в виртуальном и реальном пространстве, эскалацией этнокультурной напряженности, этнофобии, а также усиливающейся этнической стереотипизацией в обществе, с другой стороны, дефицитом комплексных и системных исследований проблемы этнических стереотипов в условиях современных коллизий. Предлагается предметный историко-философский анализ природы этнических стереотипов, раскрывающий не только структурные компоненты и особенности этнического стереотипного мышления, но и значение этнических стереотипов в диагностике перспектив этнокультурного взаимодействия. Дифференцируются аутентичные и искусственно мифологизируемые этнические стереотипы. Раскрывается особая роль этнического стереотипа в качестве инструмента как для эскалации напряжения, так и для сближения этнокультурных общностей. Анализируются два коррелирующих уровня стереотипного восприятия – когнитивный и эмоционально-ценностный. Они оказывают непосредственное влияние на позитивную или негативную коннотацию в этнической стереотипизации. Обосновывается взаимосвязь между различными искаженными вариантами этнического самовыражения в гиперпозитивной и литотизированной форме и этническими стереотипами, проявляющаяся в этнокультурной девиации: этнофобии, чувстве коллективной вины, этнофаворитизме, этнофанатизме и т. д. Подчеркивается, что в условиях открытых глобальных границ приписывае-

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;4:53–62.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-53-62>

For citation:

Kurbacheva OV. Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;4:53–62. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-53-62>

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

мая категоризация носит условный характер и поэтому гетеростереотипы всегда будут выступать как мысленный конструкт. Акцентируется практическая значимость полученных выводов о важности своевременного обнаружения трансформации этнических стереотипов, которые являются своеобразным индикатором этнокультурной напряженности и влияют на перспективу этнокультурного взаимодействия в современном полиэтническом мире.

Ключевые слова: этническая общность; этнический стереотип; этническая идентичность; автостереотип; гетеростереотип; этнофобия; этнокультурное взаимодействие.

ГІСТОРЫКА-ФІЛАСОФСКАЕ АСЭНСАВАННЕ СУТНАСЦІ І РОЛІ ЭТНІЧНЫХ СТЭРЭАТЫПАЎ У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

В. У. КУРБАЧОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлена гісторыка-філасофскае асэнсаванне этнічнага стэрэатыпу ў сучасным глабальным свеце. Актуальнасць даследавання прадыктавана, з аднаго боку, узростаючым узроўнем трывожнасці і агрэсіўнасці ў віртуальнай і рэальнай прасторы, эскаляцыяй этнакультурнай напружанасці, этнафобіі, а таксама этнічнай стэрэатыпізацыяй у грамадстве, з другога боку, дэфіцытам комплексных і сістэмных даследаванняў праблемы этнічных стэрэатыпаў ва ўмовах сучасных калізій. Прапануецца прадметны гісторыка-філасофскі аналіз прыроды этнічных стэрэатыпаў, які раскрывае не толькі структурныя кампаненты і асаблівасці этнічнага стэрэатыпнага мыслення, але і значэнне этнічных стэрэатыпаў у дыягностыцы перспектывы этнакультурнага ўзаемадзеяння. Дыферэнцыруюцца аўтэнтычныя і штучна міфалагізаваныя этнічныя стэрэатыпы. Раскрываецца асаблівая роля этнічнага стэрэатыпу ў якасці інструмента як для эскаляцыі напружання, так і для збліжэння этнакультурных супольнасцей. Аналізуюцца два карэлюючыя узроўні стэрэатыпнага ўспрымання – кагнітыўны і эмацыйна-каштоўнасны. Яны аказваюць непасрэдны ўплыў на пазітыўную ці негатыўную канатацыю ў этнічнай стэрэатыпізацыі. Абгрунтоўваецца ўзаемасувязь паміж рознымі скажонымі варыянтамі этнічнага самавыяўлення ў гіперпазітыўнай і літатызаванай форме і этнічнымі стэрэатыпамі, якая праяўляецца ў этнакультурнай дэвіяцыі: этнафобіі, пачуццёва-калектыўнай віны, этнафаварытызме, этнафанатызме і г. д. Падкрэсліваецца, што ва ўмовах адкрытых глабальных межаў прыпісаная катэгарызацыя носіць умоўны характар і таму гетэрастэрэатыпы заўсёды будуць выступаць як разумовы канструкт. Акцэнтуюцца практычнае значэнне атрыманых высноў аб важнасці своєчасовага выяўлення трансфармацыі этнічных стэрэатыпаў, якія з'яўляюцца своеасаблівым індикатарам этнакультурнай напружанасці і ўплываюць на перспектыву этнакультурнага ўзаемадзеяння ў сучасным поліэтнічным свеце.

Ключавыя словы: этнічная агульнасць; этнічны стэрэатып; этнічная ідэнтычнасць; аўтастэрэатып; гетэрастэрэатып; этнафобія; этнакультурнае ўзаемадзеянне.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE ESSENCE AND ROLE OF ETHNIC STEREOTYPES IN THE MODERN WORLD

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the historical and philosophical understanding of the ethnic stereotype in the modern global world. The relevance of the study is dictated, on the one hand, by the increasing level of anxiety and aggressiveness in the virtual and real space, the escalation of ethno-cultural tension, ethnophobia, as well as the increasing ethnic stereotyping in society. And, on the other hand, the lack of comprehensive and systematic studies of the problem of ethnic stereotypes in the context of modern collisions. In this regard, the article proposes a substantive historical and philosophical analysis of the nature of ethnic stereotypes, revealing not only the structural components and features of ethnic stereotyped thinking, but also the significance of ethnic stereotypes in diagnosing the prospects for ethnocultural interaction. The article differentiates authentic and artificially mythologised ethnic stereotypes, and also reveals the special role of the ethnic stereotype as a tool that can be used both to escalate tension and bring together ethnic and cultural communities. Two correlated levels in stereotyped perception are analysed: the cognitive and emotional-value levels, which together have a direct impact on the positive or negative connotation in ethnic stereotyping. The author substantiates the relationship between various distorted variants of ethnic self-expression in a hyperpositive and lithotised form and existing ethnic stereotypes, which manifests itself in ethnocultural deviation: ethnophobia, collective guilt, ethnofavoritism, ethnofanatism, etc. Exploring heterostereotypes, the author emphasises that in the conditions of open global boundaries, the attributed categorisation is conditional

and therefore heterostereotypes will always act as a mental construct. The practical significance of the findings about the importance of timely detection of the transformation of ethnic stereotypes, which are a kind of indicator of ethno-cultural tension and affecting the prospect of ethno-cultural interaction in the modern multi-ethnic world, is emphasised.

Keywords: ethnos; ethnic community; social stereotype; ethnic stereotype; identity; autostereotype; heterostereotype; ethnophobia; ethnocultural interaction.

Введение

Сегодня проблема этнокультурных стереотипов является одной из самых востребованных тем для исследований в пространстве социально-гуманитарной мысли. Влияние этнических стереотипов на особенности и перспективы конструктивного этнокультурного взаимодействия ставит обсуждаемый вопрос на уровень сложных и актуальных тем, особенно в условиях геополитической нестабильности, интенсивных миграционных процессов и эскалации этнокультурной напряженности. Глобализация и интенсификация миграционных процессов в совокупности с масштабными и лавинообразными изменениями в социокультурной сфере и геополитическими конфигурациями обусловили ренессанс этнического дискурса и его проблемных сторон, одной из которых и является вопрос об этнических стереотипах в современном глобальном полиэтническом обществе.

Первые исследовательские работы на тему социальных стереотипов (1920–30-е гг.) отличались критическим отношением к ним. Анализ проводился преимущественно в сфере социальной психологии (Д. Кац, К. Брейли, Е. Богардус, У. Липпман и др.). Стереотипы интерпретировались как ложные представления, искажающие истинный взгляд на общество. Однако уже во второй половине XX в. этнические стереотипы стали объектом внимания более широкого диапазона научной мысли (культурной антропологии, этнологии, этнической психологии, социальной философии, этносоциологии, психолингвистики и др.) и градус критичности в интерпретации стереотипов снизился до нейтрально-

го. Постепенно научное сообщество отказывалось от однозначных утверждений о ложном мифотворчестве в стереотипах (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, О. Клайнберг, А. Х. Гаджиев и др.). Такой подход сохраняется в исследованиях и современных авторов, затрагивающих тему стереотипов в целом и этно-стереотипов в частности (Р. Брубейкер, В. А. Тишков, С. Е. Рыбаков, В. Л. Максимов, В. С. Агеев, П. С. Гуревич и др.). Стоит отметить, что преобладающее большинство аналитических работ, посвященных этническим стереотипам, развивается в рамках социологической или психологической научной мысли. Наблюдается дефицит комплексного осмысления, аккумулирующего различные подходы и предлагающего целостное социально-критическое представление об этнических стереотипах. Поэтому данная статья посвящена именно предметному и всестороннему историко-философскому исследованию сущности этнических стереотипов, их особенностей в современных условиях, а также роли в конструировании долгосрочных межэтнических взаимоотношений. Для реализации указанной цели были поставлены следующие задачи: обозначить сущностные характеристики этнического стереотипа в современных условиях, выявить его структурные компоненты, проанализировать корреляцию этно-стереотипов с этническим самосознанием, показать, как механизм атрибуции может инициировать этноинтеграционные или дивергентные процессы взаимодействия, вплоть до эскалации конфликтов или этнофобии.

Методология исследования

В первую очередь необходимо обозначить семантические границы интерпретации этнического стереотипа. Можно зафиксировать общее содержательное определение этнического стереотипа: это упрощенный, стандартизированный, эмоционально-оценочный и устойчивый образ представлений о ценностях, нормах и ключевых паттернах поведения какого-либо этноса и его субъектов (этнофоров)¹. Ключевыми характеристиками стереотипа выступают эмоциональная окрашенность, ригидность к новой информации и изменениям, а также высокая степень согласованности среди

членов социальной группы, которая является носителем стереотипных установок. Для дальнейшего исследования важно уточнить, что этнические и национальные стереотипы не представляют собой равнопорядковые понятия и явления. Как этнос и нация относятся к различным уровням социальной общности (хоть и пересекающимся и оказывающим взаимное влияние), так и этнические и национальные стереотипы отличаются друг от друга. По историческим меркам нация – совсем молодая социально-политическая организация и ее идеологемы и культурные ценности имеют

¹Этнический стереотип // Слов. социолнгвист. терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru/846> (дата обращения: 27.08.2022).

конструктивистский характер [1, с. 47]. Безусловно, этническая культура оказывает весомое влияние на формирование национальных ценностей. Однако важно учитывать, что за незначительным исключением, когда этническая и национальная культуры тождественны (это относится, например, к японской культуре), современные государства полиэтничны и аккумулируют ценности, атрибутивные образы и установки нескольких этнических общностей или субэтносов одновременно. А с учетом географической подвижности политических границ в «короткий XX век» национальная культура и национальные стереотипы представляют собой весьма динамичный конструкт, в котором этнические составляющие могут незначительно, но все же варьироваться [2, с. 54]. Этнические же стереотипы являются более устойчивыми, формируются преимущественно стихийно и имеют глубокие исторические корни. Это и является основанием для разграничения национальных и этнических стереотипов и акцентирования внимания именно на последних: этнические стереотипы более укоренены в общественном сознании и в большей мере представлены в национальной культуре, национальные же

стереотипы опосредованы идеологическими и географическими рамками и необязательно отражают образы мышления всех этнических общностей нации. В силу такой закономерности линия демаркации между этническими и национальными стереотипами часто может быть размыта.

При написании статьи были использованы результаты социологических исследований по выявлению латентных этнических стереотипов. В ходе данных исследований были задействованы такие социологические методы, как тест парных сравнений и тест метафор [3, с. 182]. При подготовке статьи применялась комплексная методология: исторический и логический методы, выявляющие логику интерпретации понятия этнического стереотипа, метод компаративного анализа основных структурных элементов этнической стереотипизации, их общих особенностей и специфических отличий, системный анализ этнического самосознания и этнической стереотипизации и последующий синтез в выявлении их взаимной корреляции, прогностический метод выявления потенциальных угроз и перспектив этнокультурного взаимодействия посредством изучения превалирующих этнических стереотипов.

Результаты и их обсуждение

Этнические, а тем более национальные стереотипы представляют собой схематичный образ, генерализирующий общий социальный портрет носителя этнического сознания, своеобразный «безотчетный стандарт» мышления и поведения [4, с. 21]. В повседневной практике это выглядит максимально упрощенно: немцы пунктуальны, белорусы терпеливы, эстонцы медлительны. Но откуда возникают эти представления, и отражают ли они действительные характеристики этноса? При осмыслении сущности конкретных этнических стереотипов необходим исторический экскурс в контекст. Он позволяет выявить историко-культурные условия той или иной группы и дифференцировать многократно повторяющиеся ситуации, для которых в этнической группе спустя определенное время вырабатывается наиболее оптимальная модель поведения, закрепляемая в схематичный образ реакции. Эта аккумуляция культурно-исторического опыта и социально-психологического ответа формирует стереотип, выполняющий различные функции: генерализации и передачи опыта, экономии мышления (не требует перманентных поисков на известные и повторяющиеся вопросы) и конструирования собственных идентификационных маркеров, отличающих одну группу от другой. В итоге прошлое представляет собой «символический ресурс коллективной групповой консолидации» [5, с. 57].

Однако важно отметить, что механизм освоения и включения стереотипов в систему собственной

когнитивной атрибуции может быть вариативным и представлять собой как непосредственный контакт с этнической общностью, так и опосредованное знакомство через средства массовой информации, общественное мнение, инструменты искусства (кинематограф, литературу, рекламу, фольклор) и др. В связи с этим важно дифференцировать аутентичные этнические стереотипы и приписываемые стереотипы, подкрепляемые социальными мифами. Если аутентичные стереотипы в той или иной степени соразмерны образу этнической группы, то приписываемые стереотипы искусственно конструируемы, часто навязаны и в силу искаженной или ограниченной информации могут находиться в пространстве предрассудков и предубеждений, быть нерелевантными самой культуре.

Принципиально значимо, что такие стереотипы чаще всего отражают не столько особенности поведения или ментальные характеристики этноса как объекта представлений, сколько иллюстрируют позицию и отношение этнических групп как субъекта – носителя такого образа о других. Например, спокойствие эстонцев для испанца будет интерпретировано как медлительность, а для жителей скандинавских стран, наоборот, будет признаком рассудительности. Сложность в том, что грань между мифологизированными, т. е. приписываемыми, и аутентичными стереотипами весьма тонкая. Ведь стереотипное мышление, как уже было отмечено, всегда эмоционально и достаточно резистент-

но: стереотипы закрепляются на бессознательном уровне восприятия, для их выявления и преодоления требуются целенаправленные и неоднократные когнитивные усилия. Однако природа стереотипов такова, что предполагает обратное: разгрузить мышление, действовать по привычке и шаблону. Об этом писал еще У. Липпман, введший понятие «социальный стереотип» в научный тезаурус: человек, контактируя с ограниченным количеством людей, не имея физической возможности быть участником всех социальных процессов, тем не менее обладает определенными, пусть и упрощенными, представлениями о вещах и других людях, получив общую схематичную информацию от других [6, с. 94]. И здесь мы сталкиваемся с еще одной сложностью. Какой психологический образ закладывается другими в наше сознание? Позитивная или негативная коннотация превалирует в этнических стереотипах, которые искусственно подкрепляются социальными мифами? Повышенный уровень критичности чаще всего свойствен отражению именно чужого опыта и культуры, что возвращает нас к размышлению не столько о самой этнической общности, сколько о носителе негативного образа.

Такая дифференциация этнических стереотипов (аутентичные и приписываемые, позитивные и негативные) становится основанием для того, чтобы выделить в структуре социального стереотипа два коррелирующих между собой уровня – когнитивный и эмоционально-ценностный. Когнитивный уровень отражается в схематичном наборе условных представлений, а эмоционально-ценностный – в позитивной или негативной оценке объекта (этнической общности), которая формируется в сознании воспринимающего. При этом устойчивая корреляция этих двух уровней проявляется в неминусовом взаимном влиянии: с одной стороны, ошибочный, нерелевантный образ этнической общности может отразиться в его негативной оценке, с другой стороны, предвзятое, тенденциозное отношение к какому-либо этносу инициирует формирование его искаженного образа [4, с. 21]. Примерами подобной некорректной генерализирующей когнитивной и оценочной атрибуции могут выступать такие стереотипы, как ленивый француз или скупой еврей. В результате этнический стереотип может послужить эмпирическим индикатором степени напряженности, принятия или непринятия другой этнической группы.

Кроме обозначенной дифференциации, важной классификацией этнических стереотипов выступает деление стереотипов на авто- и гетеростереотипы. Более того, специфика их формирования и принятия тесно коррелирует с механизмами и закономерностями проявления этнического самосознания, поэтому стереотип выступает не просто случайным

набором схематичных представлений, а своеобразным маркером этнической самоидентификации. Для того чтобы детально и предметно разобраться в особенностях формирования этнических аттитюдов, необходимо последовательно проанализировать каждый из указанных видов.

Автостереотип представляет собой совокупность стереотипных представлений о собственной этнической группе и несет вполне объяснимую социально-психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, сохранение культурно-исторического опыта, формирование и принятие своего облика на психоэмоциональном и социокультурном уровнях – все это позволяет этнической группе подготовиться ко встрече с другой культурой и, что наиболее важно, очертить собственные социокультурные и духовно-мировоззренческие границы. Предназначение стереотипов – наладить отношения внутри группы, «создав образ, позволяющий ее членам идентифицировать себя в водовороте истории... Сверхзадача социальных стереотипов – обеспечить, пусть символическую, целостность социальной общности» [7, с. 248]. Генерализация, согласованность и приписывание общих черт всей группе – универсальный механизм социального стереотипа в целом и этнического стереотипа в частности. Однако важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. А это уже напрямую зависит от особенностей выражения этнической идентификации – позитивной или негативной идентичности. Ведь этническое самосознание представляет собой «относительно устойчивую систему осознанных представлений реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса» [8, с. 88]. За осознанием этнопсихологических и культурных особенностей этнической группы и осознанием себя как части этой общности и тождественности с ее спецификой следует этап принятия и оценивания. Более важным, чем содержательный компонент самосознания, выступает эмоционально-оценочный компонент, например чувства значимости, гордости, исторической ценности. Но именно эмоционально-оценочная составляющая в структуре этнического самосознания подвержена колоссальному давлению и может претерпевать существенные изменения как в сторону гиперболизации, так и в сторону литотизации (преуменьшения) собственной значимости. Соответственно, представления о типичных чертах своего общества, выраженных в автостереотипах, будут варьироваться от ценностно-эмоционального полюса самоидентификации. Например, избыточная форма позитивной самоидентификации может быть представлена как в виде этноцентризм-

ма, так и в виде этнофанатизма или этнодискриминации. И если форма проявления этноцентризма чаще всего ограничивается умеренной аффектацией на собственной значимости и неагрессивном изоляционизме по отношению к иноэтническим общностям и их представителям (своеобразный внутригрупповой фаворитизм, проявляющийся на бытовом уровне в форме предпочтения представителей своей группы в зоне прямого взаимодействия), то этнофанатизм влечет за собой более явные и опасные последствия – фанатичную приверженность собственной культурной парадигме, культивируемый традиционализм, агрессивное, интолерантное отношение к другим этнокультурным общностям. И это, безусловно, отразится на общих представлениях и стереотипах, которые будут формироваться в сознании этнической группы о других. В данном случае иллюстрируется то, как ценностно-эмоциональный уровень может повлиять на содержательный (когнитивный) уровень стереотипного восприятия. В силу болезненной гиперболизированной протекции собственной этнической или национальной культуры акцентированно принижается или обесценивается другая. Дихотомия категорий «друг – враг» и «чужие – свои» является распространенным инструментом в социальном мифотворчестве. Поэтому исследование особенностей восприятия, стереотипных представлений о собственной или иноэтнической группе имеет важное практическое значение: обнаружив в стереотипах проявление девиантных форм этнического самосознания как в сторону гиперболизации, так и в сторону литотизации, возможно скорректировать общую эмоционально-оценочную реакцию. Явная асимметрия в оценках своей или чужой культуры может стать сигналом к потенциальным угрозам межэтнического взаимодействия. Однако важно учитывать, что это может стать инструментом для конструктивистских решений, ориентированных как на разрешение латентных конфликтов, так и на эскалацию деструктивных действий.

При литотизированной форме выражения этнического самосознания сверхпозитивное ценностно-эмоциональное отношение к собственной группе сменяется повышенной тревожностью и критичностью, что также выражается в автостереотипах. Негативная аффектация имеет разные проявления: этнонегативизм (негативные ассоциации, чувство стыда или вины, повышенная критичность к собственной этнокультурной общности), этноэлиминация (вытеснение собственных этнических ценностей и ориентация на иные, более приемлемые) и этнонигилизм (осознанная идентификация с иной этнической общностью) [8, с. 110]. При этом степень литотизации зависит как от внешних, так и от внутренних психоэмоциональных факторов.

В качестве примера повышенной критичности к собственной общности можно привести социологическое исследование, опубликованное в 2017 г. Среди жителей Хабаровского края России (респондентами выступили коренные народы Хабаровского края, русский и нерусский этнос, куда входили и белорусы) проводилось изучение латентных этнических стереотипов [3, с. 181]. С помощью метода парных сравнений и метода метафор была выявлена следующая закономерность: при оценивании представителей коренных народов Хабаровского края ими самими, русскими и нерусскими респондентами у всех опрошенных отсутствовали негативные сравнения в первом десятке выбранных ассоциаций. Все три группы опрошенных отмечали доброжелательность, трудолюбие и талантливость представителей коренных народов края, что безусловно говорит о высоком уровне этнополитического консенсуса, толерантности к аутгруппе и позитивной этнической самоидентификации, выраженной в автостереотипах (например, стереотип о талантливости своего народа поддержали 68,8 % респондентов) [3, с. 183]. Несмотря на контекстуальность локализации исследования, а также на то, что эксперты акцентировали внимание на пилотном формате проводимого опроса, можно наблюдать интересные закономерности. При оценивании русского этноса фиксировались негативные ассоциации, причем со стороны самих же русских респондентов. Если среди нерусских респондентов 29,9 % отметили лентяйство русских, то среди русских опрошенных о лентяйстве высказались уже 45,1 % [3, с. 184]. Среди негативных черт самооценки чаще всего встречались стереотипы о громкости (44,4 %) и недисциплинированности (27,8 %). Если сравнить с первой группой опроса, то талантливыми себя считают только 50,0 % русских респондентов, а умными – 53,7 %. Этот локальный пример служит иллюстрацией того, как критичность к собственной этнокультурной общности (литотизированная форма идентичности) проявляется в авто- и гетеростереотипах. В целом даже критичность и негативные ассоциации, выраженные в автостереотипах, аккумулируемые с внешним недоверием или критикой, могут привести к чувству этнической уязвимости, комплексу исторической неполноценности и инициировать агрессивную протекционистскую реакцию по отношению к другим этническим группам (например, цыгано- или кавказофобию). Поэтому так важно вовремя выявлять и анализировать общую этнокультурную риторику. Такая профилактическая работа способна предостеречь от потенциальной угрозы и эскалации этнокультурной напряженности как на локальном, так и на глобальном уровне.

Важно понимать, что содержательный образ типичного представителя той или иной этнокультур-

ной общности – сложный, динамичный и многогранный конструкт, который может включать в себя как положительные, так и критические черты. Амбивалентность автостереотипов свидетельствует о том, что этническая общность – это не статичная и предельно упрощенная общность людей, а живой организм, интегрирующий различные представления и атрибутивные черты самокатегоризации. В качестве примера могут быть приведены данные эмпирического исследования известного белорусского этнопсихолога Л. И. Науменко, содержательно анализирующего «мы-образ» белорусов. Обобщенный этнический автостереотип белорусов был сформулирован посредством анализа ответов на открытый вопрос: «Напишите три качества, которые лучше всего характеризуют большинство белорусов» [9, с. 60]. Среди многочисленных ответов были обозначены образы и представления белорусов о самих себе, затрагивающие абсолютно разные аспекты взаимодействия и этнокультурного своеобразия: отношение к людям и к другим народностям, деловые качества, общественно-политическая позиция, отношение к труду, финансовая грамотность и др. В результате было выявлено, что типичному белорусу свойственны такие качества, как трудолюбие, толерантность, покладистость, выносливость, простодушие, миролюбивость, а также пассивность, аполитичность, безволие и инертность [9, с. 62]. Многокомпонентность и симбиоз положительных и отрицательных характеристик в автостереотипах белорусов говорят о текущем и живом процессе самосознания и самокатегоризации. При этом была выявлена любопытная закономерность: обнаружился достаточно низкий уровень показателей собственной этнокультурной отличительности по отношению к русскому, польскому и украинскому этносам [9, с. 63]. Данная размытость этнодифференцирующих признаков белорусской этнической общности, безусловно, объясняется ее геополитическим положением и межкультурным пограничьем, исторически аккумулирующим ценностные установки соседних культур.

Что же касается гетеростереотипов (стереотипных представлений об иной этнической общности и ее этнофорах), то они напрямую коррелируют с особенностями этнического самосознания и выполняют функцию социально-психологической защиты своей группы от дивергентных процессов. При гиперболизированной форме идентичности чужой этнос потенциально может восприниматься как опасный, а при литотизированной – иноэтническая общность чаще всего выступает компенсаторным инструментом, что также является значимым сигналом для межэтнического взаимодействия. Однако здесь имеется ряд важных нюансов. Необходимо учитывать, что этническая группа в целом представляет собой особую форму социальной ор-

ганизации, значимой особенностью которой выступает приписывание принадлежности к группе как теми, кто в нее входит, так и теми, кто в нее не входит [10, с. 15]. Таким образом, превалирующую роль в идентификации любой этнической группы играет факт признания ее двумя акторами – внутренним (через самокатегоризацию) и внешним (через дифференциацию и оценивание Другого как непосредственного представителя определенной социальной организации и носителя релевантных стандартов для этой группы). В результате главными принципами идентификации этнической группы и ее культуры выступают сходство со своими и отличие от других. Сходство со своими коррелирует и объясняет важную характеристику этнического стереотипа – согласованность. Именно обнаружение, а затем разделение превалирующим количеством субъектов этнической общности единых установок, паттернов поведения и представлений делают возможным сам механизм приобщения себя к определенной социальной группе. А. Тэшфел, британский специалист по социальной психологии, полагал, что именно согласованность выступает важнейшей характеристикой любых социальных стереотипов [11]. Отличие от других может проявляться как во внешних атрибутах, например в поведенческих или бытовых паттернах, так и на глубоком духовно-мировоззренческом уровне и отражаться в социально-культурном фоне взглядов, ценностных ориентиров и стереотипов. Однако сегодня, в условиях миграционных и глобализационных процессов, этническая и национальная идентичность претерпевает ряд сущностных трансформаций, ведь самосознание и самокатегоризация не являются статичными и единожды данными или приобретенными феноменами. Идентичность может быть скорректирована и переосмыслена, может быть множественной и приписываемой. Поэтому оценивание и категоризация со стороны всегда имеют ряд сложностей. Аскриптивная (приписываемая) этнокультурная идентичность может не совпадать с аутентичной самокатегоризацией: то, как представитель этнической группы идентифицирует сам себя, отличается от того, какую идентичность ему приписывают, исходя из внешних антропогенетических маркеров (например, цвета кожи и волос). Необходимо зафиксировать важное заключение: категоризация не тождественна стереотипизации. Мы можем идентифицировать какого-либо индивида как представителя той или иной общности, но он необязательно будет носителем стереотипов данной социальной группы. Например, мы можем категоризировать индивида как белоруса по внешним антропогенным маркерам (место рождения, язык), но в силу различных институтов социализации и инкультурации данный индивид будет нетипичным белорусом и будет идентифицировать себя с абсолютно иным этнокультурным сообществом

либо же придерживаться принципов множественной или размытой идентичности, например чувствовать себя гражданином мира.

Еще один важный аспект связан со спецификой внешней этнокультурной стереотипизации. Часто она носит негативно-ограничительную функцию: оценочное сравнение своей и чужой групп с явным превалированием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием негативного образа Другого может проявиться на уровне этнофобии и послужить катализатором этнокультурной напряженности. Уместно вспомнить, что именно гетеростереотипы чаще всего являются результатом социального мифотворчества и говорят преимущественно о субъекте восприятия, нежели о самом объекте.

Важно отметить, что корреляция стереотипного восприятия и качества межэтнического взаимодействия обнаруживается в обоих направлениях: имеющиеся стереотипы могут отразиться на специфике и степени благоприятности межэтнического взаимодействия, при этом межэтнические отношения и действия оказывают непосредственное влияние на формирование этнических стереотипов. В зависимости от характера и типа взаимодействия на эмоциональном уровне (подчинение или доминирование, сотрудничество или соперничество) у одних участников могут сложиться нерелевантные представления, отражающиеся впоследствии на критическом содержании образа другой общности. Содержательный пласт стереотипного восприятия обусловлен двумя важными факторами – психологическим состоянием и социальным порядком. Психологические нюансы отражаются на закономерностях проявления и развития этнического самосознания. Социальный порядок, в свою очередь, выступает непосредственным социокультурным контекстом, в рамках которого осуществляется механизм стереотипизации. Далее в зависимости от внешних обстоятельств, в которых находится этническая общность, могут варьироваться акценты в стереотипах. Это связано с тем, что этнические стереотипы функционально ориентированы на выполнение сразу нескольких задач: во-первых, объяснять существующие отношения между различными этническими группами, во-вторых, оправдывать существующие или планируемые отношения между ними [11]. К тому же этнические стереотипы ориентированы на сохранение существующих межэтнических отношений. В таком случае стереотипы могут быть инструментом для рационализации

и обоснования враждебности по отношению к другой этнической группе. Здесь обнаруживается определенная ангажированность механизмов стереотипизации. Однако важно дифференцировать процесс и предмет стереотипизации, т. е. его содержательный компонент, который ангажирован локальным контекстом. Как отмечает российский профессор Т. Г. Стефаненко, «неслучайно психологический механизм стереотипизации во все времена использовался в различных реакционных политических доктринах, санкционирующих захват и угнетение народов, для сохранения господства поработителей путем насаждения негативных стереотипов о побежденных и поработенных» [7, с. 249]. В качестве примера достаточно вспомнить стереотипы о темнокожем населении, сформированные в период колониальной культуры.

Но как возможны данная мифологизация и искусственное конструирование образа чужого? Во-первых, следует различать формы проявления стереотипов. Так, существуют стереотипы поведения и стереотипы восприятия [12, с. 180]. Стереотипы поведения – это устойчивые схематизированные модели поведения, свойственные представителям определенной этнической группы. Их знание помогает корректно декодировать действия либо же прогнозировать возможные реакции, что позволяет оптимизировать и скорректировать на практике особенности межэтнического взаимодействия. Однако сложность состоит в том, что стереотипное поведение скоррелировано со стереотипами восприятия, которые не обнаруживаются на поверхности и не маркированы однозначными смысловыми кодами. Стереотипы – это обобщенный образ Другого, за которым скрывается целый пласт духовно-мировоззренческих и социально-исторических представлений, которые объективируются и упрощаются во взгляде Другого. Это в определенном смысле *terra incognita* ‘неизвестная земля’ для воспринимающего. Во-вторых, сам механизм стереотипизации связан с тем, что индивид, воспринимая чужую этническую общность, подсознательно делит иную культуру на знакомую и незнакомую и, как следствие, квалифицирует незнакомую как чужую и неизвестную [12, с. 180]. Именно неизвестность и чуждость иной этнической группы представляют собой потенциальную лакуну, заполняющуюся мифотворческими образами и установками, которые впоследствии используются как ключ к объяснению или оправданию специфики межэтнического взаимодействия с данной группой [13, с. 13].

Заключение

В результате предметного и системного осмысления сущностных особенностей этнических стереотипов в контексте современности можно за-

фиксировать следующие выводы. Современные глобализационные, геополитические и миграционные процессы актуализировали повышенный инте-

рес к этничности, выступающей своеобразной проекционистской реакцией на внешние изменения. На фоне данного парадокса, при котором географические границы стираются, а внимание к этнической культуре усиливается, особое внимание уделяется этнической стереотипизации. Во-первых, этнические стереотипы выступают непосредственным проводником в исследовании особенностей национальной и этнической идентичности и ее адаптации к реалиям. Подавляющее большинство автостереотипов носит этноцентристский характер. Исследование автостереотипов в динамике позволяет выявить и проанализировать особенности этнической фрустрации, проекций, а также закономерности историко-культурных приоритетов. Во-вторых, содержательный пласт и эмоциональный показатель этнической стереотипизации могут служить индикатором, выявляющим потен-

циальные и реальные угрозы в эскалации этнокультурной напряженности. Генерализация общих представлений об этнокультурной общности может быть как релевантной и аутентичной, так и искусственно конструируемой, ангажированной социальными-политическими и идеологическими представлениями. Особенно явно это прослеживается на фоне конструирования гетеростереотипов, содержательный аспект которых во многом зависит от целей субъекта стереотипизации. Безусловно, процесс стереотипизации является неизбежной частью взаимодействия с другими этнокультурными общностями, однако опасность заключается не в самом процессе, а в его содержательном и ценностном наполнении, искусственной стигматизации этнофоров и общности в целом, отражающейся на особенностях и перспективах конструктивного межэтнического взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев ВГ, переводчик; Баньковская СП, редактор. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
2. Хобсбаум Э. *Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке*. Охотин Н, переводчик. Москва: АСТ; 2017. 384 с.
3. Завалишин АЮ, Костюрина НЮ. Этнические стереотипы: экспликация и анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017;20(2):177–196. DOI: 10.31119/jssa.2017.20.2.9.
4. Максимов ЛВ. О некоторых стереотипах теоретической этики. *Этическая мысль*. 2016;12(2):20–33. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
5. Аполлонов ИА, Тарба ИД. Проблема этнокультурных оснований исторического сознания в эпоху глобализации. *Вопросы философии*. 2020;8:54–63. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-54-63.
6. Липпман У. *Общественное мнение*. Барчунова ТВ, переводчик; Левинсон КА, Петренко КВ, редакторы. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2004. 384 с.
7. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН; 2000. 320 с.
8. Хотинцев ВЮ. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 240 с.
9. Науменко ЛИ. *Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика*. Минск: Беларуская навука; 2012. 205 с.
10. Барт Ф, редактор. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Пильщиков И, переводчик. Москва: Новое издательство; 2006. 200 с.
11. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. In: Turner JC, Giles H, editors. *Intergroup behavior*. Oxford: Basil Blackwell; 1981. p. 144–167.
12. Крысько ВГ. *Этнопсихология и межнациональные отношения*. Москва: Издательство «Экзамен»; 2002. 448 с.
13. Малащенко А, Олкотт МБ, редакторы. *Реальность этнических мифов*. Москва: Гендальф; 2000. 99 с.

References

1. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso; 1983. 160 p. Russian edition: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Nikolaev VG, translator; Ban'kovskaya SP, editor. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p.
2. Hobsbawm E. *Fractures time. Culture and society in the twentieth century*. New York: New Press; 2013. 319 p. Russian edition: Hobsbawm E. *Razlomannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke*. Okhotin N, translator. Moscow: AST; 2017. 384 p.
3. Zavalishin AYU, Kostyurina NYU. Ethnic stereotypes: explication and analysis. *The Journal of Sociology and Social Antropology*. 2017;20(2):177–196. Russian. DOI: 10.31119/jssa.2017.20.2.9.
4. Maksimov LV. On certain stereotypes of theoretic ethics. *Ethical Thought*. 2016;12(2):20–33. Russian. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
5. Apollonov IA, Tarba ID. The problem of ethnocultural foundations of historical consciousness of the person in the era of globalisation. *Voprosy filosofii*. 2020;8:54–63. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-54-63.
6. Lippmann W. *Public opinion*. New York: Free Press Paper; 1997. 272 p. Russian edition: Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie*. Barchunova TV, translator; Levinson KA, Petrenko KV, editors. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2004. 384 p.
7. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences; 2000. 320 p. Russian.
8. Khotinets VYu. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 240 p. Russian.

9. Naumenko LI. *Belorusskaya identichnost'. Soderzhanie. Dinamika. Sotsial'no-demograficheskaya i regional'naya spetsifika* [Belarusian identity. Content. Dynamics. Socio-demographic and regional specificity]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. 205 p. Russian.
10. Bart F, editor. *Ethnic groups and boundaries. The social organisation of culture difference*. Oslo: Universitetsforlaget AS; 1969. 153 p.
Russian edition: Bart F, editor. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii*. Pil'shchikov I, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 200 p.
11. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. In: Turner JC, Giles H, editors. *Intergroup behavior*. Oxford: Basil Blackwell; 1981. p. 144–167.
12. Krysko VG. *Etnopsikhologiya i mezhnatsional'nye otnosheniya* [Ethnopsychology and international relations]. Moscow: Izdatel'stvo «Ekzamen»; 2002. 448 p. Russian.
13. Malashenko A, Olcott MB, editors. *Real'nost' etnicheskikh mifov* [The reality of ethnic myths]. Moscow: Gendal'f; 2000. 99 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2022.
Received by editorial board 23.05.2022.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВА

HISTORY OF ART

УДК 94

ФЕНОМЕН МАСКИ КАК МЕДИУМА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н. Б. КИРИЛЛОВА¹⁾

¹⁾Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Россия

Объектом исследования выступает феномен маски как уникального явления культуры, предметом – символика маски как медиума и мифологического кода в разные исторические эпохи, что обусловлено определенными социально-культурными тенденциями. Отмечается, что, зародившись в первобытном обществе, маска прошла свой путь развития. Доказывается, что одна из главных социальных функций маски – быть медиумом, посредником между человеком и обществом, а также между реальным и мифологическим мирами. На основе исследования генезиса и эволюции маски, анализа взаимодействия маски и мифотворчества в истории ритуальной и театральной культуры делается вывод об актуальности данной проблемы в контексте новой социокультурной реальности, включая период пандемии, когда маска стала символом защиты.

Ключевые слова: маска; история культуры; феномен маски; медиум; миф; ритуал; мифологическая реальность; мифологическое сознание.

Образец цитирования:

Кириллова НБ. Феномен маски как медиума в истории культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:63–71 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-63-71>

For citation:

Kirillova NB. Phenomenon of the mask as medium in history cultural. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:63–71.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-63-71>

Автор:

Наталья Борисовна Кириллова – доктор культурологии, профессор; заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности департамента искусствоведения, культурологии и дизайна.

Author:

Natalia B. Kirillova, doctor of science (cultural studies), full professor; head of the department of cultural studies and social and cultural activities, faculty of art history, cultural studies and design.
urfo@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9187-7080>

ФЕНОМЕН МАСКІ ЯК МЕДЫУМА Ў ГІСТОРЫІ КУЛЬТУРЫ

Н. Б. КИРЫЛАВА^{1*}

^{1*}Уральскі федэральны ўніверсітэт імя першага Прэзідэнта Расіі Б. Н. Ельцына,
вул. Міра, 19, 620002, г. Екацярынбург, Расія

Аб'ектам даследавання выступае феномен маскі як унікальнай з'явы культуры, прадметам – сімволіка маскі як медыума і міфалагічнага кода ў розных гістарычных эпохі, што абумоўлена пэўнымі сацыяльна-культурнымі тэндэнцыямі. Адзначаецца, што, зарадзіўшыся ў першабытным грамадстве, маска прайшла свой шлях развіцця. Дакладаецца, што адна з галоўных сацыяльных функцый маскі – быць медыумам, пасярэднікам паміж чалавекам і грамадствам, а таксама паміж рэальным і міфалагічным светам. На аснове даследавання генезісу і эвалюцыі маскі, аналізу ўзаемадзеяння маскі і міфатворчасці ў гісторыі рытуальнай і тэатральнай культуры робіцца выснова аб актуальнасці дадзенай праблемы ў кантэксце новай сацыякультурнай рэальнасці, уключаючы перыяд пандэміі, калі маска стала сімвалам абароны.

Ключавыя словы: маска; гісторыя культуры; феномен маскі; медыум; міф; рытуал; міфалагічная рэальнасць; міфалагічная свядомасць.

PHENOMENON OF THE MASK AS MEDIUM IN HISTORY CULTURAL

N. B. KIRILLOVA^a

^aUral Federal University named after the first president of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira Street, Yekaterinburg 620002, Russia

The object of research is the phenomenon of the mask as a unique phenomenon of culture. The subject of analysis is the symbolism of the mask as a medium and a mythological code in different historical eras determined by certain socio-cultural trends. Having originated in primitive society, the mask has been developing throughout the history of human civilisation. In the study it was proved that one of the main social functions of the mask, which has arisen historically, is to be a medium, that is, an intermediary between man and society, the real and mythological worlds. Taking the genesis and evolution of the mask as a basis for the study, analysis of the interaction of the mask and myth-making in the history of ritual and theatrical culture, the authors proceed from the relevance of this problem in the context of the new social and cultural reality, including the pandemic, when the mask becomes a symbol of protection.

Keywords: mythological consciousness; cultural history; phenomenon of the mask; magic; mythological reality; ritual; myth.

Introduction

In the 21st century which marks the era of globalisation and digitalisation, the interest of researchers in the eternal questions of human existence, the spiritual and practical activities, the problems of the meaning of life, and the prospects of civilisation has increased. This interest has doubled during the pandemic, in which humanity is literally faced with a dilemma – life and death. At the same time, the mask ceased to be only the subject of a festive ritual but became a symbol of protection and salvation.

In view of this, we are particularly interested in the study of the cultivation of the mask in different historical eras, which is also conditioned and actualised with the modern trends. Based on the above, the object of the study is the phenomenon of the mask in the history of culture, and the subject of research is the functions of the mask as a medium and cultural (mythological) code.

The analysis of sources and literature indicates that representatives of various humanities are studying the symbolism of the mask: anthropologists and ethnographers, historians, culturologists and theater critics, which indicates the relevance and inexhaustibility of this topic. The origins of the mask are in the folklore and mythology of different countries. Thus, the researcher of the culture of the peoples of Eurasia B. N. Putilov proved that it is in folklore that the elements of mythology are formed in rituals, social acts, customs and etiquette, typical everyday situations [1, p. 35]. M. Bakhtin asserted the «folk-carnival nature of the mask», which «functions in the organic whole of folk culture» [2, p. 59]. C. Lévi-Strauss studied the mask in the aggregate of three facets of culture: 1) as a material object; 2) in the context of its connections with the semantics of the worlds; 3) its social and religious features [3].

Many researchers associate the mask phenomenon with gaming culture, that is, in the sense that A. D. Avdeev defined as a special image of a creature, put on or worn in order to transform into this creature [4, p. 81]. Dutch cultural studies scholar J. Huizinga noted that «the sight of a person in a mask takes us, even at the level of purely aesthetic perception... from the everyday life around us to another world. To the sphere of savages, children, and poets, in the sphere of the game» [5, p. 40]. The main feature of the mask, according to the French theater expert P. Pavis, «disrupts the character's normal connections with reality, introduces a foreign body into the viewer's self-identification with the performer» [6, p. 171].

One can agree with the opinion of the cultural studies scholar and theatrical figure A. Tolshin that the mask, «having been born in the depths of mythology and folklore as their organic component, bears the cultural code, the seal of the time and the society that created it» [7, p. 7]. Moreover, the creation of an image with the help of a mask can be considered as «a special kind of spiritual creativity, as a game discourse that reflects the characteristics of a separate ethnic group» [8, p. 115]. About the specifics of the gaming potential of the mask wrote researchers of the history of the Western European theater G. N. Boyadzhiev [9] and S. S. Mokulsky [10], M. M. Molodtsova – the author of works on the features of the *commedia dell'arte* [11], E. G. Tikhomirova, who analysed the cultural forms of the mask [12].

The relevance and scientific novelty of the raised in this study problem lie in the fact that, by revealing the social functions of the mask, one proves that the main function is the ability of the mask to be a me-

dium – an communicative intermediary between man and society, between the real and mythological worlds, helping the individual to comprehend reality.

In Ancient times, the mask was used in a wide variety of rituals for both practical and aesthetic purposes. The masks of the Ancient East are known among the surviving relics. For example, the golden mask from Ur – the bull's head found among the treasures of the royal tomb in Mesopotamia (the area of present-day Iraq), dates back to about 2800 BC. Among the iconic ones is the golden mask of Agamemnon, found in Crete and dating back to about 1500 BC. The death mask of the Egyptian pharaoh Tutankhamun, dating back to 1352 BC, is also well-known. The history of the origin of these unique masks is interestingly analysed by N. Fyson [13, p. 10–17].

In European culture, the mask was widely represented in the visual and stage art of the Ancient Greeks and Romans. Laughing and crying masks, as a kind of symbol of the theater, appeared on the Greek stage in the 5th century BC. In the Middle Ages, wearing masks was first associated with a miracle-play – a religious drama based on scenes from the Bible and the Gospel, then with the morality play [8]. The demand for mask-making rose during the Renaissance when the folk culture of the carnival began to flourish, freeing people from religious tenets, lifting many class and sexual prohibitions.

Thus, the purpose of this article is to substantiate that the mask is a polyfunctional cultural phenomenon that was formed at the dawn of human civilisation. We proceed from the fact that the mask in culture has multiple meanings and can be used not only in a literal but also in a figurative, metaphorical sense.

Methodology

Since the research is interdisciplinary, we combined general scientific (analysis, synthesis, generalisation) methods as well as culturological, historical, and philosophical methods.

The cultural-historical approach allowed us to consider the mask as a source of social evolution, in the process of which the society assimilates cultural experience, starting from the primeval period during which such a phenomenon as the mask arose.

The historical-comparative method of research made it possible to conduct a comparative analysis of the functions of the mask in different historical periods: from primitive rituals of *Urgesellschaft* (hunting, farming, burial) to a cultural code and an intermediary between the real and mythological worlds.

The philosophical-analytical method helps to trace the process of the transition of the mask from the

function of a material object into the phenomenon of human civilisation and the factor in the formation of mythological consciousness. The cultural-semiotic method allows one to understand the specific features and the language of the mask as a medium, that is, an intermediary between a person and the world around them.

The methodological apparatus of modern theory and history of culture is quite wide, thanks to the principle of consistency, based on the combination of effective application of different methods used in related fields of knowledge. Since the purpose of the work was to analyse the phenomenon of the mask, the method of phenomenological reduction for the author has become an effective way to comprehend the symbolism of the mask both in its origins and in the process of evolution, thereby determining the prospects for its further research.

The origin of the phenomenon of the mask

Art historians often start the history of the mask with an analysis of the theatrical traditions of the Ancient world. However, anthropologists and ethnographers have proven that even in the history of primitive

culture, one can find various examples when a person, for a certain purpose, transformed into another being, influencing other people. Therefore, the genesis of the mask lies in primeval culture [14].

Mask as magic and ritual

The entire life, including the communication system, of the primitive people was spent performing numerous ritual procedures and rites. A significant part of them had a rationally inexplicable, magical nature. However, for ancient people, such magical rituals seemed to be as necessary and efficient as any labour acts, because they were acts of communication. Primitive beliefs and actions were reduced to ideas about the souls of the dead, about spirits, to the cult of ancestors. During the Upper Paleolithic, the emergence of the technique of drawing, construction, sculpture, as well as dance and music, the use of masks for symbolic rituals, the complication of the structure of society are recorded; there are first instances of using magic aimed at increasing fertility, of private property.

In the Paleolithic era, there were already hunting rituals, the cult of animals (which can be established by anthropologists from rock paintings), fortune-telling by animal bones, ritual dances in masks and animal costumes, making amulets from animal bones and claws [15, p. 502].

The world of meanings, in which a person lived at the dawn of his history, was determined by rituals. Ritualistic acts served as symbols, the knowledge of which determines the level of knowing the culture and the social significance of an individual. The imitateness of ritualistic behaviour demanded that each individual followed patterns and precluded creative independence. At this stage, the spiritual foundation of primitive culture, according to A. Flier, is the mythological consciousness [15, p. 403], which gives rise to new magical rituals. Myths and mythmaking permeate all forms of human life and act as the main texts of primitive culture.

The earliest form of human transformation is hunting camouflage which emerges in the era of barbarism, which is at the highest stage of savagery in accordance with the periodisation by the 19th century American historian and ethnographer L. Morgan [16].

Hunting disguise, despite the appearance of a mask, is still not a sign of a game action, which in primitive society manifests itself primarily in dances: first hunting, then totem (totem in Indian – kind). This was pointed out at the end of the 19th century by the famous English researcher E. Taylor, who noted that in hunting, but to a greater extent in totem dances, one can see both the birth of an object of art and the appearance of a public capable of enjoying beauty. Moreover, totem dances reveal attempts to create an artistic image, not only of an animal, but also of people, including the mythical ancestor in a variety of guises [17].

The number of roles played by a person at the stage of the tribal development of society was not too great,

and the desire to realise one's place in the world was not sufficiently formed. Meanwhile, with the development of social consciousness, the mask-image started develop and became more complex. Although its appearance is often kept unchanged, the internal content of the image changes significantly. Thus, for example, the Canadian Indians had special double masks with very complex and ingenious designs. First, the masks represent one kind of creature, and then, with the help of a special device, the masks unfold, and there is another mask that portrays a different character.

Meanwhile, in Paleolithic art (the Stone Age), there are such fantastic images that are incompatible with any of the known living creatures. The images are of two types: some are animal-like but in shape and appearance they are noticeably different from animals known to science, others could be mistaken for people, if not for many animalistic features. Such figures are usually called sorcerers or shamanic masks.

For example, in the Tuc d'Audoubert Cave (France), there is an engraving of a creature with a hump on its back, a wide muzzle resembling one of a moose, with horns curving forward and wide ears. Even more famous is the sorcerer from the cave of the Three Brothers. It is a figure depicted in an erect position, with a long tail and human legs. The forelimbs look like animal paws, and the head is decorated with antlers [18, p. 181].

To understand these examples, there is not enough reliable knowledge about the mythology and religious beliefs of Paleolithic man. However, the art of the end of the Early Stone Age (engravings and drawings) can be described from the standpoint of a culture of human society.

It should be noted that the collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg (the Kunstkamera) also feature several unusual masks: one has the upper half of a person's face and the lower half of a beaver's muzzle; the other, despite its human appearance, has a beak-shaped nose¹. The process of anthropomorphising masks continues until the mask becomes completely humanoid, and its animal nature is preserved only in certain details of the costume. It should be emphasised that this process is typical for the European regions of the world, while zoomorphic masks are preserved in many territories of Asia, the countries of the East, and Latin America.

A mask depicting a person goes through the same evolution as the mask of an animal: initially, a genuine skull is placed on the head, then the skull is lowered onto the face in the form of a mask, then it is replaced by an artificially made mask that naturally conveys the

¹Маски в коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. URL: https://www.kunstkamera.ru/museums_structure/sluzhby_i_podrazdeleniya/exhibitions_dep/exhibitions_archive/virtualnye_vystavki1/maski (дата обращения: 17.10.2021).

features of the deceased, and finally, there is a mask that depicts the face of the ancestor.

Despite the proliferation of masks and their various types, the word *mask*, as ethnographers note, does not exist in many languages. Moreover, the origin of the word *mask* itself is also completely unclear. This view is held by American ethnographers J. Nunley and K. McCarthy who believe that the word originated from the Arabic word *maskhara*, which meant to transform into an animal. In Ancient Egypt, the word *msk* 'second skin' was used. In Latin, the mask is designated both as *maska* and as *larva* «devilish creature», and as *persona*. In Italy the word *maskera* was established, in France – *masque*, in England – *mask*, in Romania, Serbia and Croatia – *maskara*, in Poland – *maskara* [7, p. 159].

Mask and myth. Mythological codes of the mask

With the emergence of a religious worldview – animism (from the Latin word *animus*, which meant 'soul'), the primitive person began to believe in spirits, in the animateness of all objects. According to E. B. Tylor, over time, the image of the spirit is more and more detached from reality, moving into the field of imaginary, fantastic. Moreover, in the religion of primitive societies, a mask, especially a funerary mask, becomes an expression of supernatural power, thus being a kind of pass into the mysterious world of spirits [17].

Thus, the mask appears in Ancient culture in a variety of contexts with different purposes and meanings. The mask is an essential element of the ceremony, the participants of which, portraying mythological or real characters, appeared in masks. This proves that the mask was a way of representing various ideas and notions that exist in the culture of different peoples. A special merit of C. Levi-Strauss in the ethnological study of the mask is that the scholar was the first to prove that «the plasticity, graphics, and color of the masks themselves as material objects» were involved in the system of transformation of masks [3, p. 25].

Due to the increasing role of the individual in the disintegrating primitive community and the formation of the power of the leader, a new image of the man is emerging – an individual hero. In honor of this or that character, plays begin to be performed, and myths and legends about heroes serve as dramatic material. This is how myths and legends of Ancient Greece arise, as well as Roman mythology and later biblical plots.

In the structure of mythological consciousness, the magic of the mask takes on a special meaning. This becomes apparent during the emergence and development of the Ancient Greek theater, which peaked in the 5th century BC. Having combined mythology with performing arts, Ancient Greek theater possessed several specific features associated with his magical ef-

fect. One way or another, this concept is associated with the concept of a human skull or face. For example, among the Northern peoples the Khanty and the Mansi, the mask is referred to as «birch bark face», among the coastal Chukchi – «hairy face», among the Nenets – «leather face», and among the American Indians – «alien face» [19]. In Russian culture, the mask (in accordance with V. Dahl's explanatory dictionary) is referred to as a «lichina». At the same time, it can be a false face for fun but it can also be an expression of pretense, the duplicity of a person, that is, a disguise of their true actions and intentions². In general, in popular superstition, the mask is perceived as a dangerous object, since dressing up in Ancient Russia was regarded as the basis for contact with the inhuman, other world [20].

Since Ancient times, the concept of magic has been used as a synonym for magic, sorcery in various types of human practices. The Ancient Greek theater, born in Athens as a large-scale folk spectacle, possessed a certain magical power.

The ancient theater had several specific features, both distinguishing it from the theaters of subsequent eras, and bringing it closer to them. The main feature was that the actors performed in masks. Why was not a single theatrical performance held without masks? «The mask», wrote G. N. Boyadzhiev, «...made the character's face especially expressive, sculpturally majestic and proud... The mythological heroes of the tragedy are dressed in robes that increase their height, give movements and gestures monumentality» [9, p. 12].

There are countless cultural monuments depicting the masks of the Ancient Greek theater: painted vases, figurines, bas-reliefs, mosaics, etc. Greek sculpture gives one a certain idea of the masks of this period as it captures their features.

Masks were made from wood or linen. In the latter case, the canvas was stretched over a frame, covered with plaster, and painted. The masks covered not only the face but the entire head so that the hair of the hairstyle was fixed on the mask, to which, if necessary, a beard was also attached. Although the mask made the face immobile, the performance was complemented by the richness and expressiveness of the plasticity and the declamatory abilities of the actor.

The magical impact of the Ancient Greek and then the Ancient Roman theater as a factor in the formation of mythological consciousness confirms the typology of magic on its various grounds, as evidenced by various studies. Thus, the concept of J. Frazer is based on the principle of cause-and-effect relationship [21]. Meanwhile, L. Lévy-Bruhl deduces the belief in the direct magical influence of man on a natural object or a group

²Маска // Толковый словарь живого великорус. языка В. И. Даля [Электронный ресурс]. URL: <https://dal.slovaronline.com/15636-MASKA> (дата обращения: 17.10.2021).

of natural objects from a sense of human involvement with nature, particularly inherent in primitive consciousness [22, p. 264].

As a sacred object, the mask has been used since Antiquity in different cultures as a magical means to transform its wearer; with its help, a person could become the embodiment of the divine or demonic principle, join the world of animals, shadows, or spirits. In many cultures, the mask is credited with the ability to live an independent life, possess a person, and even replace or destroy them.

Another important factor: throughout the history of mankind, including primitive society, the mask was somehow associated with the mythological interpretation of reality. Moreover, the mask became a certain code for myths that permeate all forms of human life and act as the main texts of primitive culture, proto-advertising (clan and tribal totems), the basic elements of which are various symbols, including a mask.

The myth, as the basis of first the primitive, then the man of Antiquity and the medieval man, and as the basis for the emergence of a mask, has always pursued a specific goal, subordinating nature to the human value scale, personifying it, where all the forces of the world reached the same level and where a person could easily communicate with them, no matter how formidable these forces were [22]. Meanwhile, the mask served as a cultural and mythological medium and intermediary.

Thus, the world turned out to be outside the boundaries of everyday relations and interests, and one could not only look into the world as in a mirror but also manage, that is, conduct it according to the laws of nature and myth. The first theatrical performances in primitive society, using the mask as a code and medium, served the same purpose, as well as the ones in the subsequent periods of theatrical art development: in Ancient times, in the Middle Ages, in Modern and Contemporary history.

Having shown the need to correlate the mask that exists in a particular ethnic community with the masks of other communities, C. Lévi-Strauss discovered the logic of transformations in intercultural contacts [3]. In this regard, the scholar's work «The way of the masks» substantially supplemented the scientific understanding of mythological thinking: both binary oppositions and all the operations on which the logic of myths is based turn out to be effective in situations of transformation of the plastic characteristics of masks. In other words, the canvas of thinking thus acquires not only a virtual but also a real psychological status in the spiritual life of people of different societies. Thanks to the ethnological study, in various museum artifacts, including the collections of preserved masks, one can see the embodied mythological thinking of different cultural traditions.

The first attempts at scientific comprehension of the myth and ways of its implementation in culture, as it is known, can be found in Antiquity: the allegorical interpretation of the myth was characteristic of the sophists and stoics (the gods are the personification of their functions), the philosophical and symbolic interpretation of Plato. And the representation of the myth took place on the stage through the plots of ancient playwrights (Euripides, Sophocles, Plautus, etc.), as well as through the play of actors, each of whom had his own mythological mask. Thus, the actor, putting on this mask, turned into a kind of medium. The Middle Ages was the second time of great myth-making when Christian and Muslim myths arose on the basis of new world religions. Renaissance humanists (J. Boccaccio, F. Bacon) believed that myth was an expression of the feelings and passions of an emancipated personality, as well as moral and poetic allegories. At the same time, all these periods of human civilisation are associated not only with the spread of mythology but also with the further development of a theatrical culture based on the synthesis of the mask and myth, which becomes a special socio-cultural value. The theatricalisation of myth in the Renaissance becomes an artistic phenomenon not only in professional dramaturgy (P. Ariosto, D. Bruno, N. Machiavelli in Italy, L. de Vega and Calderon in Spain, etc.) but also in the development of the folk theater. A striking example of such a theater is the rise of the Italian *commedia dell'arte* with its famous masked characters, such as Harlequin, Colombina, Piero, Pantalone, Tartaglia, and others, which have survived to this day through the images of the dramaturgy of C. Galdone and C. Gozzi.

The discovery of America marked the beginning of an era of new horizons in the comprehension of myth. In the fundamental work by G. Vico dated 1725 «The new science» [23], an original philosophy of myth is proposed. The most Ancient era is presented as poetic, in all aspects rooted in myth. Mythology is called divine poetry, with a specific way of thinking, comparable to child psychology, based on sensuality, concreteness, corporality, emotionality, from which Homer's heroic poetry eventually emerges, myths and legends of Ancient Greece. However, the French enlighteners (Voltaire, Diderot, Montesquieu) debunked myth and mythology as products of ignorance, deceit, and superstition.

At the end of the 19th century, the era of remythologisation begins, which started with the works by F. Nietzsche, A. Bergson. In many works of art (for example, in R. Wagner's operas), there was an apology of myth as an eternal, timeless, living essence of culture, and not as a half-forgotten episode of its prehistory. Within the framework of the evolutionary direction, the ritualistic concept of myth arose. J. Frazer made

his own adjustments, opposing magic to animism as a universal form of worldview and considering myth as a cast of a dying magical ritual, in which a significant role was given to the mask [21].

The sociological study of myth began with the works by E. Durkheim and L. Lévy-Bruhl who suggested that mythology and religion, as collective representations expressing social reality, differ from magic. Moreover, L. Lévy-Bruhl drew attention to the myths that combine the supernatural and the natural in primitive thinking, which we identified earlier in the analysis of the mediating function of the mask in the life of primitive man [22].

In the 20th century, the psychological direction in the study of myth was also developed. For Z. Freud, myths were the expression of psychological complexes; for C. G. Jung, myths appear as clumps of ideas about the collective unconscious and archetypes as a category of symbolic thought [24]. C. G. Jung's influence can

be found in the position of the American researcher J. Campbell which analyses the evolution of the mythological hero [25]. A peculiar theory of myth was proposed in E. Cassirer's works. Mythology, along with language and art, appeared to him as a special symbolic form of culture, and the philosopher designated mythological consciousness as a code [26]. The ideas of C. G. Jung, J. Campbell and E. Cassirer somehow unite myth and mask, making it possible to consider them as mediums, that is, mediators between a person and the world around him, helping to know this world.

Thus, researchers of the 20th century, having proved the fundamental role of myth and ritual, made it obvious that mythology, as well as the magical role of the mask, are closely related to each other and have become peculiar forms of maintaining the socio-cultural basis of human society, contributing to its development in different historical periods.

Conclusion

All in all, it can be noted that the phenomenology of the mask can be traced throughout the history of mankind, including not only primitive society but also the culture of Antiquity, the Middle Ages, and the Renaissance, Modern, and Contemporary history. Whereas the relation of the mask and myth, considered in the article, is a factor of cultural development not only of Western European countries, but also different peoples of the world, including the regions of Asia, the East and Latin America.

The author examined the history of the mask as a unique multifunctional phenomenon that plays a significant role in the formation of the communicative and ritual (festive) culture of society. This trend intensifies during the period of the emergence of animism

(religious worldview), when the mask in the full sense of the word becomes a medium – not just an intermediary, but a pass to the mysterious mythological world of spirits, occupying a special place in the structure of mythological consciousness. The interaction of the mask and the myth becomes obvious during the period of the appearance of the Ancient (Ancient Greek and Roman) theater, as well as the further development of stage culture.

In the information age, the mask is an integral part not only of artistic and media culture but also of political mythology, penetrating the sphere of political life. Based on the study of myths as a mechanism for modelling the image, a new science was born called imageology.

Библиографические ссылки

1. Путилов БН. *Фольклор и народная культура. In теторіат*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 2003. 458 с.
2. Бахтин ММ. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Москва: Эксмо; 2015. 640 с.
3. Леви-Стросс К. *Путь масок*. Островский АБ, переводчик. Москва: Республика; 2000. 398 с. (Мыслители XX века).
4. Авдеев АД. *Происхождение театра. Элементы театра в первобытной системе*. Москва: Искусство; 1959. 266 с.
5. Хейзинга Й. *Человек играющий = Homo ludens. Статьи по истории культуры*. 2-е издание. Сильвестров ДВ, переводчик. Москва: Айрис Пресс; 2003. 486 с.
6. Павис П. *Театральный словарь*. Баженова Л, Вахта И, Васильева О, Горячев А, Иванов С, Разлогова Е и др., переводчики; Беляева Г, Губский Е, Гущина Е, Кораблева Г, Медведева Н, редакторы. Москва: Прогресс; 1991. 504 с.
7. Толшин АВ. *Маска, я тебя знаю*. Санкт-Петербург: Петрополис; 2015. 288 с.
8. Tlepov ZA, Malikova AM, Tursynbayeva AO, Makulbekov AT, Dugalich NM. Performance of Medieval religious mystery play as theatrical art genre and precursor of 'political theatre'. *European Journal of Science and Theology*. 2021;17(4):109–117.
9. Бояджиев ГН. *От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров*. Москва: Образование; 1969. 352 с.
10. Мокульский СС. *О театре*. Москва: Искусство; 1963. 544 с.
11. Молодцова ММ. *Комедия дель арте*. Ленинград: ЛГИТМИК; 1990. 218 с.
12. Тихомирова ЕГ. Маска как культурная форма. *Наука. Искусство. Культура*. 2017;2:28–35.
13. Файсон Н. Великие сокровища мира. Гурвиц М, переводчик. Москва: Бертельсманн медиа; 1996. 160 с.
14. Еремеев АФ. *Границы искусства*. Москва: Искусство; 1984. 320 с.
15. Шулепова ЭА. *Историческая культурология*. Москва: Академический проект; 2015. 796 с.

16. Морган ЛГ. *Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Косвен ОМ, переводчик. Москва: Ленанд; 2021. 360 с.
17. Тейлор ЭБ. *Первобытная культура*. Коропчевский ДА, переводчик. Москва: Издательство политической литературы; 1989. 573 с.
18. Leroi-Gourhan A. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames and Hudson; 1968. 543 p.
19. Кириллова НБ. Культурные коды маски: исторический контекст. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1*. 2018;24(4):158–169.
20. Моров АГ. *Три века русской сцены. Книга 1. От истоков до великого Октября*. Москва: Образование; 1978. 320 с.
21. Фрейзер Дж. *Золотая ветвь. Исследование сравнительного религиоведения*. Рыклин МК, переводчик. Москва: Академический проект; 2017. 799 с.
22. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Шаревская ИБ, переводчик. Москва: Академический проект; 2020. 428 с.
23. Вико Дж. *Основания новой науки об общей природе наций*. Губер АА, переводчик. Москва: РИПОЛ классик; 2018. 704 с.
24. Юнг КГ. *Аналитическая психология: прошлое и настоящее*. Москва: Мартис; 1995. 86 с.
25. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. Чекчурина ОЮ, переводчик; Римицан Н, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2018. 352 с.
26. Кассирер Э. *Избранное: опыт о человеке*. Вимер Б, переводчик. Москва: Гардарики; 1998. 780 с.

References

1. Putilov BN. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2003. 458 p. Russian.
2. Bakhtin MM. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Eksmo; 2015. 640 p. Russian.
3. Lévi-Strauss C. *La voie des masques*. Paris: Plon; 1979. 256 p.
Russian edition: Lévi-Strauss C. *Put' masok*. Ostrovskii AB, translator. Moscow: Respublika; 2000. 398 p. (Mysliteli 20th veka).
4. Avdeev AD. *Proiskhozhdenie teatra. Elementy teatra v pervobytnoi sisteme* [The origin of the theatre. Elements of the theater in the primitive system]. Moscow: Iskusstvo; 1959. 266 p. Russian.
5. Huizinga J. *Homo ludens: a study of the play-element in culture*. Boston: Beacon Press; 1971. 232 p.
Russian edition: Huizinga J. *Chelovek igrayushchii = Homo ludens. Stat'i po istorii kul'tury*. 2nd edition. Sil'vestrov DV, translator. Moscow: Airis Press; 2003. 486 p.
6. Pavis P. *Dictionnaire du théâtre*. Paris: Messidor; 1987. 477 p.
Russian edition: Pavis P. *Tetral'nyi slovar'*. Bazhenova L, Vakhta I, Vasil'eva O, Goryachev A, Ivanov S, Razlogova E, et al., translators; Belyaeva G, Gubskii E, Gushchina E, Korableva G, Medvedeva N, editors. Moscow: Progress; 1991. 504 p.
7. Tolshin AV. *Maska, ya tebya znayu* [Maska, I know you]. Saint Petersburg: Petropolis; 2015. 288 p. Russian.
8. Tlepov ZA, Malikova AM, Tursynbayeva AO, Makulbekov AT, Dugalich NM. Performance of Medieval religious mystery play as theatrical art genre and precursor of 'political theatre'. *European Journal of Science and Theology*. 2021;17(4):109–117.
9. Boyadzhiev GN. *Ot Sofokla do Brekhtha za sorok teatral'nykh vecherov* [From Sophocles to Brecht in forty theatrical evenings]. Moscow: Education; 1969. 352 p. Russian.
10. Mokulsky SS. *O teatre* [About the theatre]. Moscow: Iskusstvo; 1963. 544 p. Russian.
11. Molodtsova MM. *Komediya dell'arte* [Commedia dell'arte]. Leningrad: LGITMIK; 1990. 218 p. Russian.
12. Tihomirova EG. Mask as a cultural form. *Science. Arts. Culture*. 2017;2:28–35. Russian.
13. Fyson N. *Great treasures of the world*. London: AA Publishing; 1995. 159 p.
Russian edition: Fyson N. *Velikie sokrovishcha mira*. Gurvitz M, translator. Moscow: Bertelsmann media; 1996. 160 p.
14. Ereemeev AF. *Granitsy iskusstva* [The boundaries of art]. Moscow: Iskusstvo; 1984. 320 p. Russian.
15. Shulepova EA. *Istoricheskaya kul'turologiya* [Historical cultural studies]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2015. 796 p. Russian.
16. Morgan LH. *Ancient society. Researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. New York: Henry Holt and Company; 1907. 506 p.
Russian edition: Morgan LH. *Drevnee obshchestvo. Issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. Kosven OM, translator. Moscow: Lenand; 2021. 360 p.
17. Tylor EB. *Primitive culture*. London: J. Myrray; 1871. 2 volumes.
Russian edition: Tylor EB. *Pervobytnaya kul'tura*. Koropchevskii DA, translator. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1989. 573 p.
18. Leroi-Gourhan A. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames and Hudson; 1968. 543 p.
19. Kirillova NB. Cultural mask codes: historical context. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2018;24(4):158–169. Russian.
20. Morov AG. *Tri veka russkoi stsny. Kniga 1. Ot istokov do velikogo Oktyabrya* [Three centuries of the Russian stage. Book 1. From the origins to the great October]. Moscow: Education; 1978. 320 p. Russian.
21. Frazer J. *The golden bough. Research of comparative religious studies*. London: Macmillan; 1920. 515 p.
Russian edition: Frazer J. *Zolotaya vetv'. Issledovanie sravnitel'nogo religiovedeniya*. Ryklin MK, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2017. 799 p.
22. Lévy-Bruhl L. *Primitives and the supernatural*. New York: Haskell House Publishers; 1973. 405 p.
Russian edition: Lévy-Bruhl L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2020. 428 p.

23. Vico G. *Principj d'una scienza nuova: d'intorno alla comune natura delle nazioni*. Napoli: Morano; 1991. 480 p.
Russian edition: Vico G. *Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsii*. Guber AA, translator. Moscow: RIPOl classic; 2018. 704 p.
24. Jung CG. *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee* [Analytical psychology: past and present]. Moscow: Martis; 1995. 86 p. Russian.
25. Campbell J. *The hero with a thousand faces*. Princeton: Princeton University Press; 2004. 403 p.
Russian edition: Campbell J. *Tsyacheliki geroi*. Chekchurina OYu, translator; Rimitsan N, editor. Saint Petersburg: Piter; 2018. 352 p.
26. Cassirer E. *Izbrannoe: opyt o cheloveke* [Selected: experience about a person]. Vimer B, translator. Moscow: Gardarika; 1998. 780 p. Russian.

Received by editorial board 09.10.2022.

Документы

Документы

Documents

УДК 94(3)

«В ЭТОТ ВОПРОС ВНЕСЕНО СЛИШКОМ МНОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОЖЕСТОЧЕНИЯ»: ПЕРЕПИСКА В. Н. АНДРЕЕВА И М. ФИНЛИ

С. Г. КАРПЮК^{1), 2)}

¹⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

²⁾Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32а, 119334, г. Москва, Россия

Анализируются письма историков М. Финли и В. Н. Андреева. Их переписка показывает, что советский ученый был не только ситуационным финлеанцем. Он вполне осознанно следовал принципам работы М. Финли с источниками. Взгляды английского ученого значительно повлияли на В. Н. Андреева – он стал его последователем и работал вне рамок научных школ советского антиковедения. Переписка с М. Финли показывает высокую степень включенности В. Н. Андреева в актуальную повестку мировой науки об Античности в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., однако закрытость советского научного сообщества, отсутствие полноценного международного общения не способствовали восприятию идей советского ученого западными коллегами. В. Н. Андреев был для М. Финли лишь одним из многих его последователей по всему миру. Отсутствие личного контакта не позволило изменить это положение. Сам факт того, что в вопросах методологии советский ученый следовал советам буржуазного ученого, свидетельствовал о том, что с конца 1950-х гг. советскую историографию древности уже невозможно воспринимать как единый поток, и о том, что с этого времени советский исторический нарратив эпохи оттепели перестал быть унифицированным.

Ключевые слова: В. Н. Андреев; М. Финли; оттепель; СССР; древняя история; советская историография.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00519 «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–80-х гг. (пример истории древности)»).

Образец цитирования:

Карпюк С. Г. «В этот вопрос внесено слишком много идеологического ожесточения»: переписка В. Н. Андреева и М. Финли. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:72–79.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-72-79>

For citation:

Karpyuk SG. «Too much ideological bitterness has been added to this issue»: V. N. Andreev's correspondence with M. Finley. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:72–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-4-72-79>

Автор:

Сергей Георгиевич Карпюк – доктор исторических наук; главный научный сотрудник^{1), 2)}.

Author:

Sergey G. Karpyuk, doctor of science (history); chief researcher^{a, b}.
oxlos@yandex.ru

«У ГЭТАЕ ПЫТАННЕ ЎНЕСЕНА ЗАНАДТА ШМАТ
ІДЭАЛАГІЧНАЙ ЖОРСТКАСЦІ»:
ПЕРАПІСКА У. М. АНДРЭЕВА І М. ФІНЛІ

С. Г. КАРПЮК^{1*, 2*}

^{1*} Омскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. М. Дастаеўскага, пр. Міра, 55а, 644077, г. Омск, Расія

^{2*} Інстытут усеагульнай гісторыі РАН, пр. Ленінскі, 32а, 119334, г. Масква, Расія

Аналізуюцца лісты гісторыкаў М. Фінлі і У. М. Андрэева. Іх перапіска паказвае, што савецкі навуковец быў не толькі сітуацыйным фінлеанцам, але і свядома прытрымліваўся прынцыпаў працы М. Фінлі з крыніцамі. Погляды англійскага вучонага значна паўплывалі на У. М. Андрэева – ён стаў яго паслядоўнікам і працаваў па-за межамі навуковых школ савецкага антыказнаўства. Перапіска з М. Фінлі паказвае высокую ступень уключанасці У. М. Андрэева ў актуальны парадак сусветнай навукі аб Антычнасці ў канцы 1950-х – першай палове 1960-х гг., аднак закрытасць савецкай навуковай супольнасці, адсутнасць паўнаважных міжнародных зносін не спрыялі ўспрымання ідэй савецкага вучонага заходнімі калегамі. У. М. Андрэеў быў для М. Фінлі толькі адным з яго шматлікіх паслядоўнікаў па ўсім свеце. Адсутнасць асабістага кантакту не дазволіла змяніць гэтае становішча. Сам факт таго, што ў пытаннях метадалогіі савецкі вучоны прытрымліваўся парад буржуазнага вучонага, сведчыў аб тым, што з канца 1950-х гг. савецкую гістарыяграфію старажытнасці ўжо немагчыма ўспрымаць як адзіны струмень, і аб тым, што з гэтага часу савецкі гістарычны наратыў эпохі адлігі перастаў быць уніфікаваным.

Ключавыя словы: У. М. Андрэеў; М. Фінлі; адліга; СССР; старажытная гісторыя; савецкая гістарыяграфія.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы Расійскага навуковага фонду (праект № 22-28-00519 «Разнастайнасць пад выглядам адзінства: савецкі гістарычны наратыў 1960–80-х гг. (прыклад гісторыі старажытнасці)»).

«TOO MUCH IDEOLOGICAL BITTERNESS
HAS BEEN ADDED TO THIS ISSUE»:
V. N. ANDREEV'S CORRESPONDENCE WITH M. FINLEY

С. Г. КАРПЮК^{a, b}

^a Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia

^b Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia

The documents of M. Finley in the library of Cambridge University and in the personal fund of V. N. Andreev in the manuscript department of the Russian National Library in Saint Petersburg contain letters from two historians. The correspondence of M. Finley and V. N. Andreev shows that the Soviet scientist was not only a situational Finlean, but also quite consciously followed the principles of M. Finley's work with sources. Acquaintance with M. Finley's works and correspondence with him significantly influenced V. N. Andreev: he became a follower of an English scientist, working outside the framework of scientific schools that existed in Soviet scholarship. Correspondence with M. Finley shows a high degree of inclusion of a Soviet scientist in the current agenda of world science about Antiquity in the late 1950s – first half of the 1960s, however, the closeness of the Soviet scientific community, the lack of full-fledged international communication did not contribute to the perception of V. N. Andreev's ideas by Western scientists. For M. Finley, V. N. Andreev was apparently just one of his many followers scattered around the world. The lack of personal contact did not allow this position to be changed. The very fact that the Soviet scientist in matters of methodology followed and listened to the advice of the scientist of the «bourgeois» testified that the Soviet historiography of Antiquity since the late 1950s could no longer be perceived as a single stream; the Soviet historical narrative of the thaw era ceases to be unified.

Keywords: V. N. Andreev; M. Finley; thaw; USSR; Ancient history; Soviet historiography.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00519 «Diversity under the mask of unity: Soviet historical narrative of the 1960–80s (an example of the history of Antiquity)»).

Письма историков Мозеса Финли и Владислава Николаевича Андреева хранятся в библиотеке Кембриджского университета¹ и в персональном фонде

советского ученого в отделе рукописей Российской национальной библиотеки² в Санкт-Петербурге. К сожалению, переписка представлена в неполном

¹ Camb. Univ. Libr. The Finley Pap. Add. 9607.

² Отд. рукоп. Рос. нац. б-ки (ОР РНБ). Ф. 1336. Оп. 1160.

объеме. Тем не менее некоторые цепочки писем сохранились полностью или почти полностью. Большая часть переписки находится в Петербурге, в Кембридже писем существенно меньше. Переписка ученых важна для анализа процессов, которые происходили в сообществе советских историков-антиковедов в эпоху оттепели и повлияли на позднесоветский исторический нарратив.

На первый взгляд, это переписка маститого ученого и молодого аспиранта. Впрочем, в конце 1950-х гг. М. Финли был известным ученым, но еще не профессором, ему не было и 50 лет, а В. Н. Андрееву в это время было больше 30 лет. Поэтому традиционная модель «учитель – ученик» требует как минимум дополнительного пояснения.

Переписка ученых была побочным результатом поиска В. Н. Андреевым оппонента для диссертации³. Первоначально он хотел пригласить для этого Э. Л. Казакевич (Грейс), американского исследователя, которая к тому времени несколько лет жила в Москве, смогла подтвердить ученую степень и работала в секторе древней истории Института истории Академии наук СССР [1]. Она благожелательно отнеслась к молодому ученому, хотя во многом не соглашалась с его взглядами. Э. Л. Казакевич не решилась оппонировать обширную диссертацию на русском языке и предложила В. Н. Андрееву обратиться к М. Финли⁴, с которым была давно знакома, вела переписку и которому отправляла свои статьи.

Тематика исследований В. Н. Андреева оказалась близка к вопросам изучения М. Финли конца 1940-х – начала 1950-х гг. Советский ученый также проявлял интерес к массовым источникам, стремился использовать материал надписей для характеристики земельных отношений в Аттике классического периода. После публикации в начале 1950-х гг. работ Дж. Файна и М. Финли по аграрным отношениям в Аттике классического периода [2; 3] подобная тематика стала популярной. Неслучайно Л. М. Глускина, старшая коллега В. Н. Андреева по Ленинградскому государственному педагогическому институту имени Герцена, опубликовала в 1957 г. обзор зарубежных работ, в котором подробно рассматривала труды М. Финли [4].

В 1958 г. В. Н. Андреев отправил письмо в Кембридж. Оно было утеряно, однако сохранился ответ английского ученого, а также несколько его последующих писем⁵. На первое письмо ленинградского историка М. Финли ответил следующее.

10 ноября 1958 г.

Дорогой доктор Андреев!

Благодарю Вас за то, что прислали мне автореферат Вашей диссертации. Мне он, естественно, очень интересен, и мне приятно, что Вы сочли весомыми мои предположения о земельной собственности в Афинах IV в. до н. э. Я надеюсь, что Вы опубликуете более подробное исследование по этой теме и, когда оно будет готово, пришлете мне экземпляр.

Надеюсь, через несколько недель буду иметь возможность послать Вам один или два оттиска в качестве *antidóron*⁶.

Искренне Ваш, Мозес Финли⁷.

Таким образом, М. Финли выразил готовность вступить в переписку, заинтересовавшись исследованиями советского ученого по близкой ему тематике. В. Н. Андреев продолжил общение.

19 августа 1959 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Теперь я могу послать в ответ на Ваше любезное письмо два оттиска своих статей. Я начал заниматься античной историей четыре-пять лет тому назад, и это мои первые печатные работы. Я сам хорошо сознаю их несовершенство. Все же мне хотелось бы узнать Ваше мнение о том общем направлении, которого я придерживаюсь.

Мне приятно сообщить Вам, что я получил большое удовольствие, внимательно читая Ваши работы (как раз на днях я познакомился с Вашей статьей⁸ в *Historia*. VIII. Н. 2). Мне нравятся Ваш трезвый и осторожный подход (*approach*) к экономическим явлениям древности и сама Ваша манера изложения. Весьма многие Ваши теоретические взгляды представляются мне хорошо обоснованными и безусловно правильными. Я с нетерпением жду публикации новых Ваших работ по социально-экономической истории Греции классической эпохи.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш, В. Андреев⁹.

В. Н. Андреев отправил М. Финли свои работы, напечатанные в журнале «Вестник древней истории», и продемонстрировал, что он в курсе самых последних исследований английского ученого, в частности его знаменитой статьи о рабстве, вышедшей в том же, 1959, году в западногерманском журнале «*Historia*». В. Н. Андреев подчеркнул, что

³Научным руководителем В. Н. Андреева была (до ухода на пенсию в 1960 г.) А. А. Мотус (Мотус-Беккер) – доцент Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, специалист по истории восстания Спартака.

⁴ОР РНБ. Ф. 1336. Оп. 1160. Д. 65. Л. 1–1 об.

⁵В. Н. Андреев писал по-русски с небольшой долей английских слов, М. Финли – по-английски. Перевод писем М. Финли выполнен автором настоящей статьи.

⁶*Antidóron* ‘ответный дар’ (*to dōron* ‘дар’, *he antidōreá* ‘ответный дар’).

⁷ОР РНБ. Ф. 1336. Оп. 1160. Д. 84. Л. 1.

⁸Имеется в виду знаменитая статья М. Финли [5].

⁹Camb. Univ. Libr. The Finley Pap. Add. 9607. Box 13. E24.

одобряет и принимает подход М. Финли к экономике древности. Английский ученый не замедлил с ответом.

10 октября 1959 г.

Дорогой доктор Андреев!

Благодарю Вас за Ваше любезное и лестное для меня письмо. Я очень жду, когда смогу прочитать Ваши статьи, и, когда сделаю это, буду рад отправить Вам замечания, если таковые будут. К сожалению, не могу это сделать в самое ближайшее время, поскольку не читаю по-русски и должен найти кого-то, кто мне это переведет. Здесь достаточно подходящих людей, но сейчас я сам очень загружен другими делами, поэтому вынужден отложить чтение Ваших статей до каникул.

Несколько недель назад я послал Вам два отдельных оттиска, которые Вы, я надеюсь, получили. Один из них – моя статья о рабстве в журнале «Historia», которую Вы, как я понял из Вашего письма, уже прочитали.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш, Мозес Финли¹⁰.

Научная коммуникация была в разгаре, тормозило ее только то, что М. Финли должен был найти переводчика, поскольку В. Н. Андреев писал ему по-русски. В конце 1959 г. ленинградский историк отправил письмо, в котором изложил свою программу исследований и попросил английского коллегу ее оценить.

8 ноября 1959 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Я получил Ваши two offprints и letter (два отдельных оттиска и письмо. – С. К.) от 10/X-59. Очень Вам признателен. Проблема рабства чрезвычайно меня интересует, и мне кажется, что Ваша точка зрения много основательнее, чем экстремистские позиции Westermann'a, Jones'a и Starr'a¹¹. Надеюсь подробнее изложить свое мнение по этому поводу в обзоре, который я готовлю для ВДИ (журнала «Вестник древней истории». – С. К.)¹². Вообще в этот вопрос внесено слишком много идеологического ожесточения и стремления к абсолюту. Задача, конечно, состоит в том, чтобы исследовать конкретные

формы, особенности и проявления рабства (в духе «Bergwerkssklaven» Lauffer'a)¹³.

Вашу рецензию на книгу Boak'a¹⁴ (саму книгу я еще не видел) я прочитал с интересом, но и с некоторым опасением: Вы очень строгий критик!

Поэтому я заранее подготавливаю себе путь к трусливому отступлению. Как Вы уже знаете, по существу я еще неофит и невежда (особенно в области филологии). Моя статья в ВДИ является чем-то вроде эксперимента, и ее выводы имеют гипотетический характер. Я отчетливо представляю себе ее уязвимое место: цены земельных участков на хороi (закладных камнях. – С. К.) необязательно должны рассматриваться как достаточно representative (представительные. – С. К.). Имеется, однако, много косвенных соображений, свидетельствующих о сравнительно равномерном распределении недвижимой собственности.

Я собираюсь работать дальше над социально-экономической историей Аттики IV–II вв. до н. э. примерно в том же направлении (только на более солидной основе). Основные теоретические предпосылки могут быть сформулированы таким образом.

1. При существующем положении дел требуются не столько общие концепции, сколько частные исследования по отдельным проблемам и видам источников.

2. Новые перспективы открывает изучение всякого рода количественных отношений по надписям.

3. При таком изучении наиболее плодотворными оказываются статистико-просопографические методы исследования.

Мне хотелось бы написать несколько работ, по форме напоминающих статью Randall'a «The erechtheum workmen»¹⁵. Но начинать я вынужден с переписки P[rosopographia] A[ttika]¹⁶ на отдельные карточки. Потом нужно будет ее дополнить. Это потребует несколько лет, в течение которых я, вероятно, почти ничего не буду писать.

Каково Ваше мнение об этой программе?

Разрешите на этом закончить.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш, В. Андреев¹⁷.

Таким образом, советский исследователь поддержал точку зрения М. Финли (буржуазного ученого

¹⁰ОР РНБ. Ф. 1336. Оп. 1160. Д. 84. Л. 2.

¹¹Westermann W. L. The slave systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955. 180 p. ; Jones A. H. M. Slavery in the Ancient World // Econ. Hist. Rev. 1956. Vol. 9, No. 2. P. 185–199 ; Starr C. G. Overdose of Slavery // J. Econ. History. 1958. No. 18. P. 17–32.

¹²Андреев В. Н. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии // Вестн. древ. истории. 1960. № 4. С. 131–146. (Можно сопоставить этот «оттепельный» обзор западной литературы с близким по духу обзором другого молодого ученого – филолога-классика М. Л. Гаспарова. См.: Гаспаров М. Л. Римская литература в современной буржуазной филологии // Вестн. древ. истории. 1960. № 4. С. 146–170.)

¹³Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Wiesbaden, 1955–1956. Bd. I–II.

¹⁴Finley M. I. Review on: Boak A. E. R. Manpower shortage and the fall of the Roman Empire in the West. Ann Arbor : Michigan University Press, 1955 // J. Roman Studies. 1958. No. 48. P. 156–164.

¹⁵Randall R. H. The erechtheum workmen // Amer. J. Archaeology. 1953. Vol. 57, No. 3. P. 199–210.

¹⁶Kirchner J. Prosopographia Attica. Berlin, 1901–1903. Bd. I–II.

¹⁷Camb. Univ. Libr. The Finley Pap. Add. 9607. Box 13. E24.

в советской терминологии) на античное рабство, оценив его позицию как умеренную. Более того, В. Н. Андреев попросил М. Финли дать отзыв на программу своего исследования. Ответ английского ученого последовал очень быстро.

11 декабря 1959 г.

Дорогой доктор Андреев!

Благодарю Вас за письмо от 8 ноября. С нетерпением жду Вашу обзорную критическую статью о рабстве, поскольку именно рабство – одна из главных тем, над которой я работаю и буду работать в течение ближайших нескольких лет. Между прочим, если Вам в руки попадет второй номер 19-го тома «The Journal of Economic History» за этот год, в нем опубликован хороший ответ Старру от Деглера¹⁸, который Вы, возможно, пожелаете рассмотреть в Вашей статье.

Я затрудняюсь комментировать Ваш план работы (и принципы, которые Вы выдвигаете), потому что мне еще не перевели Вашу статью из ВДИ, и поэтому я могу говорить только в общих чертах. В принципе, я полностью согласен со всем, что Вы говорите.

Как Вы знаете, я всегда стоял на той точке зрения, что (а) конкретные случаи должны быть рассмотрены, и, более того, по большинству тем нет никакого оправдания для отказа от рассмотрения каждого конкретного случая; (б) таблицы и количественный анализ демонстрируют то, что простое впечатление дать не может. Это прежде всего относится к надписям, и для историков древности сейчас самое время перестать перебирать тухлявую ветошь литературных источников, которые, в сущности, те же самые, что и век назад, и уже выжаты до суха, и переходить к работе с надписями, которые, за исключением самых известных, представляют собой неразработанную жилу. Странно, как много сделано в области изучения папирусов, которые представляют общество, во многих отношениях нетипичное, и как мало сделано в области изучения надписей.

Тем не менее, как Вы прекрасно понимаете, на этом пути существуют опасности. Античная статистика всегда будет сурово ограничена скудностью свидетельств, и количественный анализ без теории бесплоден (или хуже). Моя рецензия на книгу Боака получилась сравнительно суровой, исходя из этих факторов¹⁹; то же самое можно сказать и о статье

Рэндалла о ремесленниках Эрехтейона²⁰. Эта сфера (античная статистика – С. К.) предоставляет ценное поле деятельности и дает важные преимущества во многих отношениях, однако она страдает от почти полного незнания античной экономики и, что особенно важно, от незнания процедур общественных работ.

Все эти рассуждения могут быть для Вас не очень полезны, поскольку все столь неопределенно. Но мое проклятое незнание русского приводит меня ко всему этому, пока я не буду точно знать, что вы сделали по стоимости земельных участков (в Аттике. – С. К.). И я не могу завершить без некоего отхода от смысла того, что я говорил выше. Это факт, что я сам в последние годы перебирал тухлявую ветошь, особенно гомеровскую, а также античных историков в книге, которую надеюсь закончить этим летом. В свою защиту могу лишь сказать, что я не пытался найти умные решения старых проблем, что, по моему мнению, является исключительно тратой времени, но вместо этого исследовал заново определенные проблемы, исходя из разных логических посылок.

Искренне Ваш, Мозес Финли²¹.

М. Финли положительно оценил план В. Н. Андреева, но, естественно, ожидал получить перевод его работ. Он поделился с коллегой из России своими сомнениями и программой собственных исследований. Переписка продолжилась еще несколько лет. Вот что писал М. Финли в более поздних письмах.

3 сентября 1963 г.

Спасибо за то, что Вы так доброжелательно пишете о моей работе. Я счастлив, что имею возможность вернуть комплимент и сказать, с каким огромным нетерпением я жду Ваших дальнейших публикаций²².

4 сентября 1965 г.

Печирка, которого я встретил на прошлой неделе на конгрессе по экономической истории в Мюнхене²³, дал мне Ваш правильный адрес...

Печирка также сообщил мне, что он пригласил Вас приехать на конференцию в Брно в апреле следующего года²⁴. Если я могу позволить себе такую вольность, мне хотелось бы добавить мою собственную надежду, что Вы будете там, хотя бы по той причине, что это даст нам возможность встретиться лично²⁵.

¹⁸Degler C. N. Starr on Slavery // J. Econ. History. 1959. Vol. 19, No. 2. P. 271–277.

¹⁹Finley M. I. Review on: Boak A. E. R. Manpower shortage...

²⁰Randall R. H. The erechteum workmen...

²¹ОР РНБ. Ф. 1336. Оп. 1160. Д. 84. Л. 3.

²²Там же. Л. 5.

²³Имеется в виду III Международный конгресс экономической истории, который состоялся в Мюнхене 23–27 августа 1965 г., где М. Финли выступил с докладом «Место экономической истории в исследованиях по классической Античности».

²⁴В Брно (Чехословакия) в апреле 1966 г. состоялся микенологический симпозиум. Я. Печирка – известный чехословацкий ученый, специалист по аттическим надписям.

²⁵ОР РНБ. Ф. 1336. Д. 84. Оп. 1160. Л. 9–10. (Конверт с надписью: «Dr. V. N. Andreyev, Leningrad P-3, B. Pushkarskaya, dom 29, kv. 10, USSR».)

18 октября 1965 г.

*Могу ли я позволить себе такую вольность и сказать еще раз, как много для меня значит возможность нашей встречи, если Вы после всего этого в конце концов решите посетить конференцию в Брно в апреле следующего года*²⁶.

Однако встреча М. Финли и В. Н. Андреева в Чехословакии так и не состоялась. Принадлежал ли В. Н. Андреев к числу невыездных или у него просто не было денег на научный туризм, который был в определенных рамках разрешен с 1958 г., неизвестно. Письменная коммуникация не была подкреплена личным контактом, что способствовало ее затуханию. Возможно, М. Финли и В. Н. Андреев все же встречались на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в 1969 г.

Конечно, В. Н. Андреев переписывался и с другими зарубежными учеными. В его статьях присутствует много ссылок на других авторов, в основном на зарубежных. В то же время уже прозвучавшая в научной литературе характеристика В. Н. Андреева как ситуационного финлеанца²⁷ имеет право на существование. Впрочем, это отмечали и современники: Л. М. Глускина писала о том, что В. Н. Андреев исследовал надписи на закладных камнях, не известные М. Финли, «но новые надписи не поколебали выводов, сделанных на основе ранее известного материала». В. Н. Андреев, по сути, подтвердил на более обширном материале главный вывод М. Финли о том, что данные надписи не свидетельствуют об обезземеливании аттического крестьянства, а демонстрируют куплю-продажу части аттических земель богатыми горожанами либо афинянами среднего достатка²⁸ [8, с. 13]. В очерке в двухтомнике «Античная Греция», который подвел итоги изучения Древней Греции в СССР, В. Н. Андреев солидаризовался с взглядами М. Финли: «Точка зрения Финли оказала влияние на современную науку, в частности на позиции советских ученых. Занимаясь историей аграрных отношений в Аттике, мы пришли к аналогичным выводам на более широком материале» [9, с. 303].

Труды В. Н. Андреева прекрасно вписывались в контекст мировой науки. В 1974 г. он опубликовал статью на английском языке в журнале «Eirene» [10]. С 1983 г. серия статей В. Н. Андреева начала выходить на немецком языке в восточногерманском

журнале «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Однако в СССР он имел мало последователей. Массовые источники и количественные методы вызвали недолгий всплеск интереса среди исследователей Античности в 1960-х гг. (В. И. Кузищин), но эскапизм 1970-х гг. ввел в моду скорее историко-культурную тематику. В Ленинграде с его имперским петербургским прошлым и дореволюционным антиковедением высокого уровня больший интерес вызывала восходящая к прошлому ностальгическая повестка научных исследований. Воспоминания свидетельствуют о том, что студентам не была интересна тематика исследований В. Н. Андреева²⁹.

Переписка, обмен оттисками статей, мнениями между учеными разных стран – совершенно нормальное для научного сообщества явление, однако в сталинскую эпоху подобная вольность могла грозить советским ученым самыми тяжелыми последствиями. Следует отметить, что меньше десятилетия отделяет переписку В. Н. Андреева и М. Финли от идеологических кампаний позднего сталинизма, от организованной государственными органами борьбы с низкопоклонством перед Западом и космополитизмом. Вот что, к примеру, говорил известный специалист по истории Древнего Рима профессор Н. А. Машкин 24 марта 1949 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР в Москве, посвященном вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке: «В области древней истории это [космополитизм] сказалось в учении или, вернее, в различных рассуждениях о так называемой единой мировой науке, центр которой находится в капиталистических странах. В связи с этим вопрос ставился так: задача наша заключается не в том, чтобы разрабатывать свою науку по истории Древнего мира, а в том, чтобы учиться у буржуазных ученых и лишь вносить в эту мировую науку дополнения. Этот принцип, конечно, далеко не советский»³⁰. В. Н. Андреев как раз его и придерживался.

Переписка М. Финли и В. Н. Андреева показывает, что советский ученый был не только ситуационным финлеанцем, но и вполне осознанно следовал принципам работы М. Финли с источниками. Знакомство с работами английского историка и переписка с ним значительно повлияли на В. Н. Андреева: он стал его последователем и работал вне рамок научных школ советского антиковедения. Переписка с М. Финли

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1336. Оп. 1160. Д. 84. Л. 11.

²⁷ «Нельзя не отметить работ ситуационного финлеанца (в действительности независимого в своих исследованиях антиковеда) В. Н. Андреева в части анализа социально-экономической системы Афин» [6, с. 25].

²⁸ Последовательную антимодернизаторскую позицию В. Н. Андреева отмечала Л. Р. Ротермель [7].

²⁹ «То, чем занимался (и предлагал заняться мне) Владислав Николаевич, – использование в истории методов популярной тогда социологии – мне было не близко. Вторым (но первым по статусу) преподавателем-античником на кафедре была Лия Менделевна Глускина, которая посоветовала мне заняться Полибием и выразила готовность стать моим руководителем» [11, с. 31].

³⁰ Арх. Рос. акад. наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 65–66. (Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР, посвященного вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке 24, 25 и 28 марта 1949 г., с правкой автора.)

показывает высокую степень включенности советского ученого в актуальную повестку мировой науки об Античности в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., однако закрытость советского научного сообщества, отсутствие полноценного международного общения не способствовали восприятию идей В. Н. Андреева западными учеными. Не помогла и публикация на английском языке, появившаяся лишь в 1974 г.³¹

В трудах М. Финли нет упоминаний работ В. Н. Андреева. И это при том, что его знаменитая работа «Экономика древности» (1972) содержит немало ссылок на книги, статьи и доклады Е. М. Штаерман, Э. Л. Казакевич (Грейс), И. М. Дьяконова, С. Л. Утченко и даже обширную цитату из не слишком известного на Западе романа И. А. Гончарова «Обло-

мов» [13, р. 78, 109–110, 189, 195, 196]. Для М. Финли В. Н. Андреев был, очевидно, лишь одним из многих его последователей по всему миру. Отсутствие личного контакта не позволило изменить это положение. Тем не менее работы В. Н. Андреева используются и в современных исследованиях в контексте проблем, поставленных М. Финли [14, р. 23, note 11].

Переписка М. Финли и В. Н. Андреева важна для истории науки об Античности: она ставит вопрос об интересе к исследованиям советских историков Античности на Западе в эпоху оттепели, а также имеет значение для характеристики взглядов обоих ученых. Кроме того, переписка поднимает вопрос о потенциале развития изучения древности в СССР в 1950–70-х гг., драйверах и ограничителях прогресса научного знания.

Библиографические ссылки

1. Карпюк СГ. Эмили Грейс (Эмилия Львовна Казакевич), американский филолог-классик и советский историк. *Вестник древней истории*. 2016;76(1):141–161.
2. Fine JVA. *Horoi: studies in mortgage, real security and land tenure in Ancient Athens*. Baltimore: American School of Classical Studies at Athens; 1951. 232 p.
3. Finley MI. *Studies in land and credit in Ancient Athens, 500–200 BC*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1952. 332 p.
4. Глускина ЛМ. Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике. *Вестник древней истории*. 1957;4:154–167.
5. Finley MI. Was Greek civilization based on slave labour? *Historia*. 1959;8(2):145–164.
6. Гаврилюк НА. *Экономика степной Скифии VI–III вв. до н. э.* Киев: Олег Філюк; 2013. 704 с.
7. Ротермель ЛР. Концепция социально-экономического строя классической Греции В. Н. Андреева. В: Елагина АА, редактор. *Античный вестник: сборник научных трудов*. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2005. с. 87–97.
8. Глускина ЛМ. Проблемы кризиса полиса. В: Голубцова ЕС, редактор. *Античная Греция. Проблемы развития полиса. Том 2*. Москва: Наука; 1983. с. 5–42.
9. Андреев ВН. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. В: Голубцова ЕС, редактор. *Античная Греция. Проблемы развития полиса. Том 1*. Москва: Наука; 1983. с. 247–326.
10. Andreyev VN. Some aspects of agrarian conditions in Attica in the fifth to third centuries BC. *Eirene*. 1974;12:5–46.
11. Хршановский ВА. Позднее признание. Памяти Владислава Николаевича Андреева (1927–1984). В: Зуев ВЮ, редактор-составитель. *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы международной научной конференции. Часть 1; 28–30 ноября 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; 2018. с. 29–39.
12. Крих СБ. *Другая история: «периферийная» советская наука о древности*. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. 314 с.
13. Finley MI. *The ancient economy*. Berkeley: University of California Press; 1973. 222 p.
14. Shipton K. *Leasing and lending: the cash economy in fourth-century BC Athens*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 147 p.

References

1. Karpyuk SG. [Emily Grace (Emiliya L'vovna Kazakevich), American philologist-classicist and Soviet historian]. *Vestnik drevnei istorii*. 2016;76(1):141–161. Russian.
2. Fine JVA. *Horoi: studies in mortgage, real security and land tenure in Ancient Athens*. Baltimore: American School of Classical Studies at Athens; 1951. 232 p.
3. Finley MI. *Studies in land and credit in Ancient Athens, 500–200 BC*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1952. 332 p.
4. Gluskina LM. [The new studies on the history of the agrarian relations and credit in Ancient Attica]. *Vestnik drevnei istorii*. 1957;4:154–167. Russian.
5. Finley MI. Was Greek civilization based on slave labour? *Historia*. 1959;8(2):145–164.
6. Gavriluk NA. *Ekonomika stepnoi Skifii VI–III vv. do n. e.* [The economy of steppes Scythia in the 6th–3rd centuries BC]. Kyiv: Oleg Filjuk; 2013. 704 p. Russian.

³¹Как отмечает С. Б. Крих, «запаздывание... делало советскую науку о древности неконкурентной – она слишком неспешно и неоднозначно одобряла новые идеи» [12, с. 294].

7. Rotermel' LR. [V. N. Andreev's theory of the socioeconomic conditions of the classical Greece]. In: Elagina AA, editor. *Antichnyi vestnik: sbornik nauchnykh trudov* [Antique messenger: collection of scientific papers]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; 2005. p. 87–97. Russian.
8. Gluskina LM. [Problems of the crisis of polis]. In: Golubtsova ES, editor. *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa. Tom 2* [Ancient Greece. Problems of the polis development. Volume 2]. Moscow: Nauka; 1983. p. 5–42. Russian.
9. Andreev VN. [Agrarian history of Attica in the 5th – 4th centuries BC]. In: Golubtsova ES, editor. *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa. Tom 1* [Ancient Greece. Problems of the polis development. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1983. p. 247–326. Russian.
10. Andreyev VN. Some aspects of agrarian conditions in attica in the fifth to third centuries BC. *Eirene*. 1974;12:5–46.
11. Khrshanovskii VA. [Late confession. Vladislav Nikolaevich Andreev (1927–1984) in memoriam]. In: Zuev VJu, editor-com-piler. *The Bosporan phenomenon: general and peculiar features of historical and cultural space in the world of classical Antiquity: proceedings of the international conference. Part 1; 2018 November 28–30; Saint Petersburg, Russia*. Saint Petersburg: Publishing and Printing Center of Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 2018. p. 29–39. Russian.
12. Krikh SB. *Drugaya istoriya: «periferiinaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [Another history: «peripheric» Soviet science on the Ancient World]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 314 p. Russian.
13. Finley MI. *The Ancient economy*. Berkeley: University of California Press; 1973. 222 p.
14. Shipton K. *Leasing and lending: the cash economy in fourth-century BC Athens*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 147 p.

Статья поступила в редколлегию 06.05.2022.
Received by editorial board 06.05.2022.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Михаил Федорович
ШУМЕЙКО

Міхаіл Фёдаравіч
ШУМЕЙКА

Mihail Fiodaravich
SHUMEIKA

Известному историку-архивисту, исследователю с широкими научными интересами Михаилу Федоровичу Шумейко 20 августа исполнилось 70 лет. Он один из тех, кто сформировал основы изучения и преподавания белорусского архивоведения на историческом факультете Белорусского государственного университета в лучших традициях советской архивной школы. В работах М. Ф. Шумейко можно обнаружить синтез методов, которые не выступают простой суммой заимствований. Подход ученого представляет собой творческое развитие концепции современного архивоведения и археографии.

М. Ф. Шумейко родился 20 августа 1952 г. в д. Верхняя Злобинка Брянской области (Россия). После окончания Рагозинской средней школы Почепского рай-

она он получил рекомендацию от местной газеты и собирался поступать в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. По дороге решил полюбоваться зданием бывшей Синодальной типографии. На растерянного провинциального паренька обратил внимание оказавшийся в это же время возле доски с объявлениями профессор Московского государственного историко-архивного института С. О. Шмидт.

Позже в статье, посвященной 90-летию С. О. Шмидта, М. Ф. Шумейко напишет, что для него Сигурд Оттович Шмидт – это прежде всего учитель, прививший интерес к историческому исследованию и уважение к его основе – историческим источникам. Знакомство со знаменитым академиком во многом определило дальнейшую судьбу Михаила Федоровича, и не

только в профессиональном, но и в житейском отношении¹. С. О. Шмидт гордился своими учениками, в ряду которых и профессор кафедры источниковедения исторического факультета БГУ М. Ф. Шумейко.

В 1974 г. Михаил Федорович окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института по специальности «историк-архивист». Работа в Государственном архиве Брянской области, Центральном государственном архиве Октябрьской революции БССР, Главном архивном управлении при Совете Министров БССР, Институте истории партии при ЦК КПБ, Белорусском научно-исследовательском центре документоведения и ретроинформации, Белорусском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (БелНИИДАД) позволила ему накопить большой практический опыт.

С 1995 г. М. Ф. Шумейко делится своим опытом со студентами кафедры источниковедения исторического факультета БГУ. Сегодня он работает на ней в должности профессора.

Плодотворные связи с архивными учреждениями, БелНИИДАД историк сохраняет до сих пор, работая в составе ученых советов, выступая организатором и участником научных конференций и семинаров. С 1988 г. М. Ф. Шумейко – член Археографической комиссии РАН. Кроме того, являясь по совместительству ведущим научным сотрудником отдела архивоведения БелНИИДАД, он исполняет функции первого заместителя председателя Археографической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

Поражают колоссальная работоспособность и исследовательский талант М. Ф. Шумейко. Более 600 публикаций ученого посвящены истории Витебского и Виленского архивов древних актов, Витебской ученой архивной комиссии, перемещению и возвращению белорусских архивных фондов в XIX–XX вв., белорусской археографии, а также истории БГУ.

В монографиях историка «Собрать рассеянное: о реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» (1997), «Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло» (2002) и «Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов» (2013) впервые введено в научный оборот огромное количество исторических источников, во многом сформировавших теоретические основания истории белорусского архивоведения.

Благодаря научным работам М. Ф. Шумейко базовые учебные дисциплины по специальности «историко-архивоведение», а также учебные пособия для них были подготовлены на высоком научном уровне и в кратчайшие сроки.

Разработанные Михаилом Федоровичем курсы «Археография» и «Зарубежная археография» для первой ступени обучения, а также «Документальные публикации по документоведению и архивоведению» для второй ступени обучения многие годы пользуются интересом студентов и магистрантов. Учебные пособия для высшей школы «Археография» (2005), «Белорусская археография в XIX–XX вв.: проблемы теории, истории, методики» (2007), «Теория и практика белорусской археографии (XVIII–XX вв.): сборник документов» (2013), подготовленные ученым, посвящены основным вопросам теории и методики научной дисциплины, содержат практические рекомендации по введению в научный оборот белорусских исторических источников.

Научная школа М. Ф. Шумейко по археографии не только сформировалась как отдельное теоретическое направление в деятельности исторического факультета БГУ, но и активизировала публикацию исторических источников. Так, с 2005 г. стала издаваться серия документальных сборников «Память и слава», посвященная истории БГУ.

Продолжением археографического исследования истории БГУ стала книга «Неизвестный В. И. Пичета» (2021), подготовленная М. Ф. Шумейко совместно с О. А. Яновским. Издание впервые вводит в научный оборот неопубликованную работу В. И. Пичеты «Обзор деятельности 1-го Западного комитета» и его переписку с коллегами из БГУ, которая хранится в Архиве Российской академии наук. В 2021 г. высокий научный уровень подготовки издания был отмечен премией имени В. И. Пичеты.

В сферу научных интересов М. Ф. Шумейко входит также исследование жизни и деятельности известных историков, архивистов, источниковедов и археографов. Его статьи о В. И. Пичете, Д. И. Довгялло, Н. Н. Улашке и других интеллектуалах легли в основу биобиблиографического справочника «Архивисты Беларуси», пятитомного издания «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования» и многочисленных научных статей. Верный традициям своего учителя С. О. Шмидта, который считал необходимым сохранять преемственность в науке, М. Ф. Шумейко изучает наследие ученых-предшественников в контексте экологии культуры, обогащает материал учебных дисциплин исторического факультета и внедряет полученные научные результаты в образовательный процесс.

Михаил Федорович проявляет активность и в общественной работе. Он является членом редакционных коллегий отечественных и зарубежных журналов и сборников. М. Ф. Шумейко удостоен званий «Почетный архивист Беларуси» и «Отличник

¹Шумейко М. Ф. Создатель научно-педагогической школы в источниковедении (к 90-летию С. О. Шмидта) // Крыніца-знаўства і спец. гіст. дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / пад рэд. С. М. Ходзіна. Мінск : БДУ, 2012. С. 193–196.

образования», награжден Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь.

Ежегодно М. Ф. Шумейко помогает десяткам студентов и магистрантов успешно подготовить курсовые, дипломные и магистерские работы. Под руководством М. Ф. Шумейко защищены кандидатские диссертации историков Ю. В. Нестеровича, О. С. Ивановой, Т. Д. Гернович, В. В. Врублевского и др.

В общении Михаил Федорович сохраняет природную скромность. Его увлеченность наукой в сочетании с мягкостью и бесконфликтностью, уважительная, интеллигентная манера общения притягивают

студентов и коллег. Когда общаешься с ним и видишь его щедрость – на книги, идеи, мысли, – заряжаешься ей. Хочется, чтобы эта «эстафета» продолжалась.

Друзья, коллеги и студенты искренне поздравляют Михаила Федоровича с юбилеем, желают ему здоровья, успехов в профессиональной деятельности, благодарных и талантливых учеников, а также новых научных достижений.

*А. Г. Кохановский²,
С. Н. Ходзин³, Т. Д. Гернович⁴*

²Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Генадзьевіч Кахановічкі – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

³Сергей Николаевич Ходзин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Ходзін – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: skhodzin@mail.ru

⁴Татьяна Дмитриевна Гернович – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Таццяна Дзмітрыеўна Герновіч – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana D. Hiarnovich, PhD (history); associate professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: adelia.z@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Кукса А. Н. Реформа высшего образования и технические вузы Беларуси в 1930–1936 гг.	5
--	---

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Зеленков А. И., Ягело Я. А. Концепция макроистории Ю. Н. Харари: истоки популярности и академический статус.....	15
Мазарчук Д. В. Номенклатура дипломатических агентов как источник по истории английского дипломатического корпуса Генриха VII.....	28
Старостенко Э. В. Решения Съезда православного военного духовенства Юго-Западного фронта в Проскурове в 1917 г.	35

АРХЕОЛОГИЯ

Байгунаков Д. С., <u>Зайберт В. Ф.</u> , Сабденова Г. Е. Элементы милитаризации у носителей атбасарской и ботайской культур Северного Казахстана.....	43
---	----

ЭТНОЛОГИЯ

Курбачёва О. В. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире	53
---	----

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Кириллова Н. Б. Феномен маски как медиума в истории культуры	63
--	----

ДОКУМЕНТЫ

Карпюк С. Г. «В этот вопрос внесено слишком много идеологического ожесточения»: переписка В. Н. Андреева и М. Финли	72
---	----

ЮБИЛЕИ

Михаил Федорович Шумейко	80
--------------------------------	----

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Кукса А. М. Рэформа вышэйшай адукацыі і тэхнічныя ВНУ Беларусі ў 1930–1936 гг.	5
---	---

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Зелянкоў А. І., Ягела Я. А. Канцэпцыя макрагісторыі Ю. Н. Харары: вытокі папулярнасці і акадэмічны статус	15
Мазарчук Д. В. Наменклатура дыпламатычных агентаў як крыніца па гісторыі англійскага дыпламатычнага корпусу Генрыха VII	28
Старасценка Э. В. Рашэнні З’езда праваслаўнага ваеннага духавенства Паўднёва-Заходняга фронту ў Праскураве ў 1917 г.	35

АРХЕАЛОГІЯ

Байгунакаў Д. С., <u>Зайберт В. Ф.</u> , Сабдзенава Г. Е. Элементы мілітарызацыі ў носьбітаў атбасарскай і батайскай культур Паўночнага Казахстана.....	43
---	----

ЭТНАЛОГІЯ

Курбачова В. У. Гісторыка-філасофскае асэнсаванне сутнасці і ролі этнічных стэрэатыпаў у сучасным свеце	53
---	----

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВА

Кірылава Н. Б. Феномен маскі як медыума ў гісторыі культуры	63
---	----

ДАКУМЕНТЫ

Карпюк С. Г. «У гэтае пытанне ўнесена занадта шмат ідэалагічнай жорсткасці»: перапіска У. М. Андрэева і М. Фінлі.....	72
---	----

ЮБІЛЕІ

Міхаіл Фёдаравіч Шумейка	80
--------------------------------	----

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Kuksa A. N.</i> Reform of higher education and technical universities of Belarus in 1930–1936	5
--	---

WORLD HISTORY

<i>Zelenkov A. I., Yahela Ya. A. Y. N.</i> Harari's concept of macrohistory: origins of popularity and academic status	15
<i>Mazarchuk D. V.</i> The nomenclature of diplomatic agents as a source on the history of the English diplomatic corps of Henry VII	28
<i>Starostenko E. V.</i> Decisions of the Congress of the Orthodox military clergy of the Southwestern front in Proskurov in 1917	35

ARCHAEOLOGY

<i>Baigunakov D. S., [Zaibert V. F.], Sabdenova G. E.</i> Elements of militarisation of the Atbasar and Botai cultures of Northern Kazakhstan	43
---	----

ETHNOLOGY

<i>Kurbacheva O. V.</i> Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world	53
--	----

HISTORY OF ART

<i>Kirillova N. B.</i> Phenomenon of the mask as medium in history cultural	63
---	----

DOCUMENTS

<i>Karpyuk S. G.</i> «Too much ideological bitterness has been added to this issue»: V. N. Andreev's correspondence with M. Finley	72
--	----

JUBILEES

Mihail Fiodaravich Shumeika	80
-----------------------------------	----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2022**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 4. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *А. С. Горзун*

Подписано в печать 31.10.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 8475.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 31.10.2022.
Edition 100 copies. Order number 8475.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022